ПИОНЕР 7

1986

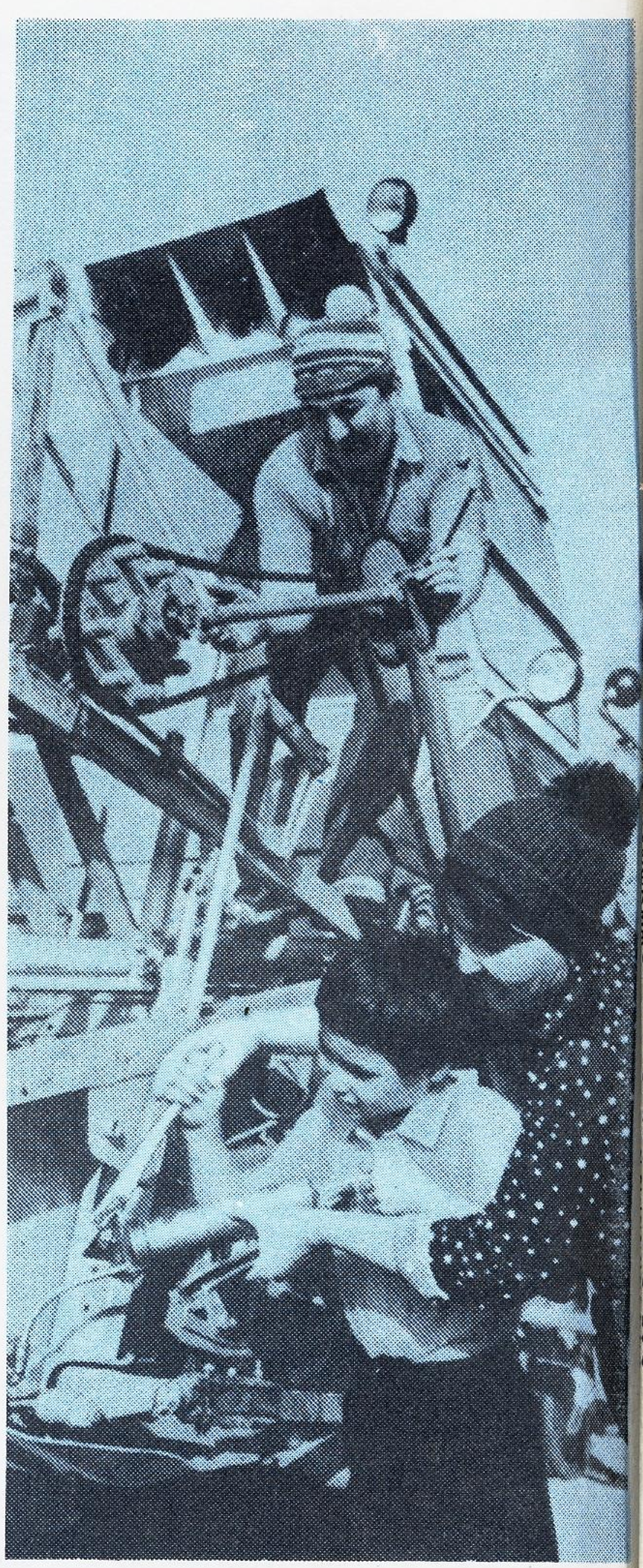
Микола ЧЕРНЯВСКИЙ

ЖАТВА

Над синим бором,
там, где ели
На холм взбежали
вдоль села,
Заря сначала еле-еле
Черту-полоску провела.
Потом туман уполз,
сверкнули
Лучи на капельках росы.
И вдруг под ветром
всколыхнулись
Колосьев звонкие усы.
И вот,
живительная,
в бункер
Плывет волна,
поет волна.
Зерно течет Игнату
в руки,
Он ловит
теплый дождь зерна.
Толкутся зернышки
в ладони,
А он на бункере верхом,
Как будто в сказке
Витязь-конник,
Оглядывает все кругом.

А за рулем —
отец Игната,
Ему послушен агрегат.
А ведь и он, отец,
когда-то
Таким же был, как и Игнат.

Жара... Теперь бы лечь
врастяжку...
Да недосуг,
такой денек.
Отец пьет воду и баклажку
Передает:
— Попей, сынок.
Комбайн стоит громадный,
мощный,
Даль неоглядна впереди...
Отец серьезен.
— Ну, помощник,
Рискнешь,
осмелишься один?



Штурвал горячий
трет ладони,
И вырывается порой:
«Ну что ж, посмотрим,
как сегодня
Мальчишка справится со мной?»
Но вот комбайн плывет загоном,
Смотри вперед,
да не зевай.
Две колеи дорожкой ровной
За ним бегут
из края в край.
Нелегкий труд,
и путь негладкий,
И рожь местами полегла...

На сердце радостно
и сладко,
И ясен день,
И даль светла.

Перевел с белорусского
И. ВАСИЛЕВСКИЙ.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ 7

Москва 1986 г.
Издательство «Правда»

ОТРЯД ГОВОРИТ

ЛЕТО ПИОНЕРСКОЕ. ЛЕТО ТРУДОВОЕ

«Что мы сами сделаем, то у нас и будет, так мы и будем жить».
Из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду партии.

Хорошо ли ТЫ понял эти слова? Обсуждали вы их в ОТРЯДЕ? КАК ДЕЙСТВУЕТЕ?

Сейчас лето, каникулы. Но многие ребята не считают отдых временем безделья, бездумья. Они ДЕЙСТВУЮТ! А ТЫ?

Алексей АНОХИН, город Свердловск. Когда мы обсуждали, где лучше поработать, Лена Зарянова предложила: «Пойдемте на «Уралсинтез», там работает моя мама». Мы договорились с объединением. Пришли в цех. Нам дали белые халаты, как у рабочих. Дали задание — упаковывать лекарства в коробки. Мы работали. Интересно. Пачку таблеток заворачивали в инструкцию. Осторожно. Потом клали все это в коробочку. Маленькие коробочки упаковывали в большие и всю продукцию готовили к отправке в больницы и аптеки.

Больше всех успели Илья Жильцов и Саша Силкин. Заработанные деньги мы просили перечислить в фонд пятилетки. Это и есть наш конкретный вклад в дело страны.

Ирина ЗАНДЕЕВА, город Северобайкальск. Мы живем в городе Северобайкальске, столице бурятского участка БАМа. Все наше звено — 9 человек — участвует в трудовых десантах. В воскресные и каникулярные дни мы помогаем магазину. Фасуем яблоки, конфеты, пряники. Работники магазина завели нам трудовые книжки, не настоящие, конечно, но дела записывают настоящие. Что сделали, сколько проработали — отмечают. Мы понимаем, к делу надо приучать себя с детства. Тогда сможем приносить пользу.

Лена НАЛИЦКИС, город Оренбург. Некоторые ребята организуют во дворах клубы. А нас всего четверо, я и три мои подруги — Оля, Эля, Света. Но разве четыре человека это мало для дела? Разве нам не под силу следить за чистотой и порядком во дворе?

Зимой мы чистим от снега дорожки. Весной канавки для воды прокапываем. Лед скалываем. Осенью листья убираем. А летом следим за растениями. У нас даже есть штаб Зеленого патруля — маленькое помещение, где мы держим тетради для записей, повязки патрульные, семена для посадки и рабочие инструменты. Разбили большущую клумбу, выращиваем на ней цветы: астры, шафран, лилии, ирисы. Помидоры, огурцы, укроп, горох тоже вырастили. Пусть урожай небольшой, но без всякой помощи взрослых.

Всегда страшно начинать: что да как? А надо меньше говорить да рассуждать, а браться за работу.

Грязный, старый, заброшенный сарай, даже без двери, мы превратили в Штаб. Все вычистили, вымыли, покрасили, нашли доски, сделали дверь. Вокруг посадили цветы, газету повесили. И все время теперь выпускаем газету, говорим в ней об охране природы. У нас появились уже новые друзья. Они помогают нам охранять деревья, кусты, цветы не только во дворе, но и по всей улице.

Мы будем благодарны всем ребятам, КТО ПОДСКАЖЕТ НАМ, ЧЕМ ЕЩЕ ЗАНЯТЬСЯ? Чтобы времени не тратить зря, а жить с пользой для окружающих и радостно для себя.

Оля БЕЛОВА, город Выборг. Мы с подругой гуляли по лесу и возмущались, какой он грязный. А потом решили: от наших горячих слов ничего в лесу не изменится. И стали разрабатывать план действий. 1. Соберем не меньше десяти ребят и организуем Зеленый патруль. 2. Создадим аллею для отдыхающих: поставим там скамеечки, разобьем клумбы, посадим цветы. 3. Оградим муравейник, смастерим скворечники. 4. Станем собирать лекарственные растения, сдавать в аптеку. И еще что-то придумаем.

План есть план, его надо выполнить! И мы создали команду: два мальчика и восемь девочек вместе с нами. Распределили обязанности и приступили к делу.

И лес стал красивее. С нарушителями порядка мы обходились строго. А с обитателями леса — доброжелательно. Мне кажется, особенно нас полюбили синички. У нашей «Лесной газеты» всегда толпится народ. Правда, как-то сорвали газету. Но без трудностей дело не обходится. Отступать мы не собираемся. РЕБЯТА! Расскажите, КАК вы защищаете лес? КАК охраняете природу?

С ОТРЯДОМ

ОТ СЛОВ — К ДЕЛУ!

Наташа ЧЕРНЫШ, город Николаев. Эту историю рассказала мне моя подруга, но, мне кажется, она поучительна для всех. В дружине проводили субботник. Отряд моей подруги быстрее всех выполнил задание. Тогда их попросили помочь отстающему отряду. Все устали, конечно, начали отказываться. Только Игорь сказал: «Вы как хотите, а я помогу ребятам». И взялся за дело. Ребята постояли — поглядели, и тоже принялись за работу. Вот так и надо поступать: личным примером организовывать людей на работу.

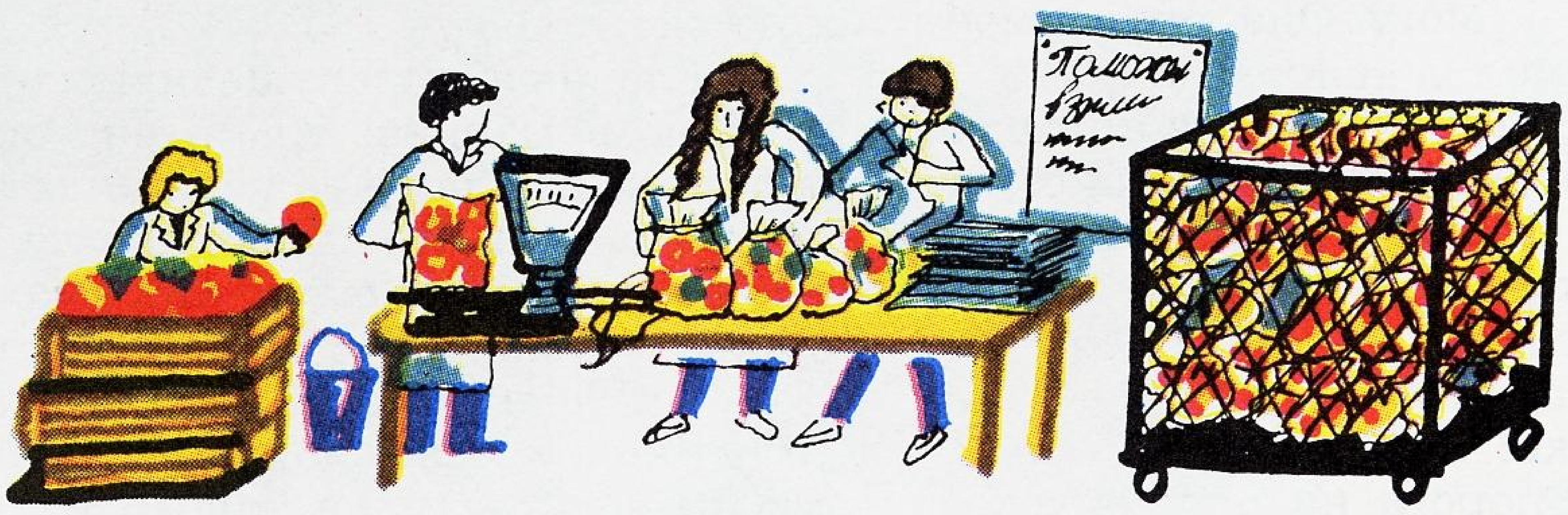
Валерия АВИЛОВА, город Баку. Послала мама меня за покупками. Вышла я из квартиры и не узнала свой подъезд. Светло-голубые стены все расписаны мелом. «Малыши», — подумала я. Хотела было пойти, они живут по соседству, отругать их, да передумала. Слова не помогают. Взяла я ведро с водой, тряпку и вымыла стены. Через несколько дней все снова повторилось. И снова я ничего не сказала никому, а вымыла сама подъезд. В третий раз малыши пришли посмотреть на мою работу. Стыдно им стало, и они потихоньку принялись мне помогать. А потом вместе со мной объявили два конкурса. Один: «Самый чистый подъезд в доме», другой — «Рисунок на асфальте». С тех пор с малышами у меня дружба. И взрослые, мне кажется, тоже стали больше меня уважать. Я убедилась, что только делом можно убеждать, защищать свои убеждения.

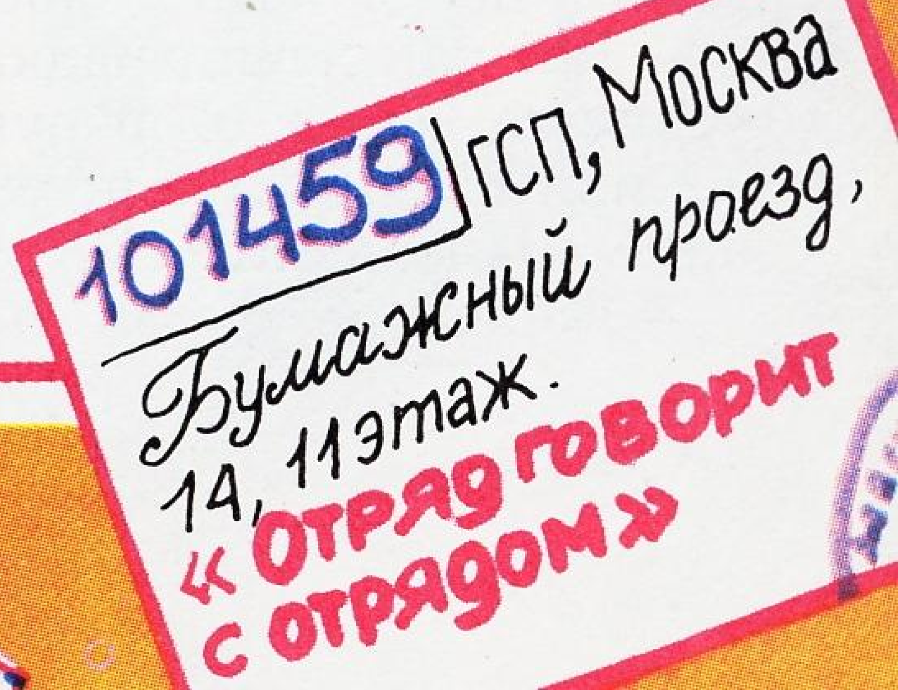
ВСТРЕЧА В ПИСЬМАХ

Света ЗАХАРКИНА, Мордовская АССР, Дубенский район, село Дубенки. Дорогой «Пионер»! Я читаю тебя всегда, но написать решилась впервые. Многие ребята нашего класса увлекаются чтением книг, а я вязанием. Но стараюсь не отставать от тех, кто книги читает. «Пионер»! Помоги мне воспитать характер! Нет, я если каким-нибудь делом займусь, то доведу его до конца, но при этом про все другое забуду. Ну, не то что совсем забуду, просто совмещать несколько дел сразу не могу. Может, мне ребята помогут?

Алла ГАВРИЛЮК, Молдавская ССР, город Флорешты. Самовоспитание характера, с чего оно начинается? По-моему, с поступка, пусть даже самого маленького, но хорошего. Вот кажется тебе, что человек плохой, а ты сделай над собою усилие, приглядись повнимательнее, поищи хорошие качества — в каждом есть что-то привлекательное. Разберешься, и окажется, что не такой плохой человек. Он почувствует к тому же твое внимание, интерес и станет лучше. Самое незначительное усилие над собой уже воспитывает характер. Или, допустим, на твоих глазах обижают малыша, обязательно защити его. Ведь и ты когда-то был маленьким. Увидел, идет пожилой человек, нагруженный тяжелыми сумками, не будь равнодушным, помоги ему. Но и про своих родителей, бабушек и дедушек не забывай. А то встречаются еще и такие «тимуровцы», которых дома допроситься не могут, чтобы они в магазин сходили. Ссылаются, что у них уроков много да общественной работы, «тимуровской». Я сама наблюдала такую сцену: идет по улице совсем взрослая девочка с мамой. У мамы в руках по две сумки, а дочка — с пустыми руками. Вот я и хочу сказать, что настоящий характер начинается с самого малого: с дела, которое всем необходимо, с поступка, которым ты защищаешь справедливость. С усилия над собой, чтоб преодолеть лень, грубость, черствость, высокомерие. Я так думаю. Но мне хотелось бы знать и мнение других ребят из других городов и сел. РЕБЯТА! КАК ВОСПИТЫВАТЬ ХАРАКТЕР?

Редакция журнала «Пионер» благодарит тебя, Алла, за очень интересное письмо. Мы думаем, Света Захаркина прочтет его с пользой для себя. МЫ ЖДЕМ И ВАШИХ ПИСЕМ, РЕБЯТА!





Лев КУЗЬМИН

ЗОЛОТЫЕ ОСТРОВА

РАССКАЗ

Рисунки В. ДУДКИНА.

Началось все с того, что сидели мы в августовских сумерках — я да мама — на крыльце.

Наш невысокий, в один этаж, но многосемейный железнодорожный дом наконец-то угомонился. Настал час, когда в теплых бревнах дома заводит свою пиликалку сверчок, и под его старательную песенку засыпает даже ветер.

Над тихим двором чернеют тополя, в их неколышимой листве переливаются звезды; духота дня исчезла, воздух легок. На станционных путях как-то особо добродушно перекликаются паровозы.

А когда, щедро пылая электроогнями окон, к нашей маленькой, затерянной среди полей и темнохвойных лесов станции прибывает пассажирский поезд, то кажется, что уютно уменьшился и весь огромный мир. Неблизкое стало близким, и до нас, скромной станции жителей, как бы вдруг с этими сверкающими окнами долетает отсвет самых дальних, самых прекрасных на свете городов.

А еще кажется: яркий во тьме поезд у перрона замрет, и к нам с него сойдет гость.

Он появится со стороны белого вокзала на едва приметной в сумерках дорожке; и вот мы все глядим, все глядим.

Смотрели мы на дорожку и в тот августовский вечер.

И вдруг мама говорит:

— Идет...

Я так и вздрогнул:

— Кто?

— Он... Гость...— говорит мама.

И вижу, сама верит не верит, но со ступеньки привстает, а в полумраке под тополями к нам движется белая, невесомая фигурка.

Мы еще и шагов ее не расслышали, а она уже близко. Она уже, помахивая какою-то легкою в обеих руках ношей, нам весело кричит:

— Что не встречаете?

Тут мама кричит сама:

— Миля! Миля!— Мама срывается с крыльца, тащит меня за собой:— Гляди, Левка: это моя родная сестренка, твоя тетя Миля приехала из Ленинграда, из техникума!

И вот они обнимаются, а я на внезапную гостью гляжу и тетей ее назвать не могу. Она даже в моем мальчишеском понятии молоденькая совсем.

Она и в комнате нашей, когда мы туда с темного двора зашли да включили свет, осталась такой же.

Лицо юное, румяное. Глаза смешливые, серо-синие. Платье белое, легкое. И стоит она — эта тетя Миля — перед нами... босиком!

— Вот так ленинградка!— ахнула мама.— Зачем туфли-то держишь в руке? Бережешь?

Миля ставит туфли у порога на пол, опускает рядом маленький чемодан, улыбается:

— Берегу не туфли, а настроение. Соскучилась на городских камнях по живой земле, и, как с поезда спрыгнула, так сразу и туфли долой! Нашлепываю к вам прямо по теплой пыли, напеваю от радости сама, и напевает во мне каждый суставчик. Славно у тебя тут, Фаня! Поезда почти у порога, леса да поля почти под окошком... Молодец ты, что устроилась работать в здешней школе!

Она все говорит, она все улыбается. И столько в ней бодрости, напористого настроения, так она — ленинградская, городская — нахваливает нашу тихую, в общем-то ничем не выдающуюся станцию, наш поселок, что и я улыбаюсь, радуюсь и совсем уж решительно, без малейшего стеснения называю гостью не тетей, а просто Милей.

Когда же она достала из чемоданчика еще и подарки — маме крошечный, в полтора наперстка флакон духов, а мне яркую, толстую книжищу под названием «Волшебные сказки», то я, потрясенный, так и пискнул:

— Ой, Милюшка!

Я так в эту книгу и впился глазами, воткнулся носом, а Миля с мамой уселись пить чай.

Меня тоже позвали пить чай. Но мне не до чаев. Я уже за синими морями, за высокими горами в неведомом царстве, в нездешнем государстве разыскиваю царевну-лягушку, а путь мне освещает жар-птицыно перо.

Лишь со второго или даже с третьего раза мама приводит меня в чувство. Она дергает меня за рубаху:

— Слышишь нас или нет?

— Слышу, слышу...

— Ничего ты не слышишь! Оторвись от книги хоть на минуту. Миля спрашивает: не сводишь ли ее утром по ягоды. Мне самой нельзя, у нас в школе переэкзаменовка двоечникам-осенникам, а ты и без меня знаешь все ягодные полянки.

— Знать-то знаю,— отвечаю я, вполне теперь очнувшись,— знать-то знаю, да вот только...

И тут, если признаться по совести, мне хочется договорить: «Вот только если идти по ягоды, то это значит на целый день распроститься с новой книгой!»

Но книгу подарила Миля, и тогда я говорю иначе, но тоже правду:

— Главные ягоды уже почти отошли. Земляника отошла и малина. Ну, разве осталась на Сухом болоте за увалами голубика, да туда идти далеко.

Отвечая так, я надеюсь: Миля, горожанка, напугается. Я рассчитываю: Миля махнет на свою затею рукой. Но она глядит на меня с лукавым прищуром:

— Ох, Левка! Кабы я знала, что ты такой хитрец, то и книгу тебе подарила бы не вдруг... Ведь стращаешь ты меня только из-за нее.

— Верно!— сознаюсь я и сам вместе с Милей, вместе с мамой хохочу.

И вот, чтобы к утреннему походу быть свеженькими, мы убираем со стола чайные чашки, выключаем свет и укладываемся спать.

Миля с мамой в темноте еще шепчутся. В теплой стене со стороны улицы продолжает наигрывать сверчок. А я под собственной щекой, под горячей подушкой трогаю ладонью приятно прохладный, приятно пахнущий краской переплет книги и так, в обнимку с книгой, засыпаю.

Во сне ко мне приходит сивка-бурка, вещий каурка, волшебный конь. Он клонит точеную, с широкими глазами голову, колышет седым свесом гривы, шепчет: «Встань! Войди в одно мое ушко, выйди в другое!» Он обдает меня теплым дыханием.

Я поворачиваюсь на бок, разлепляю сонные ресницы, а это не сивка, это плещет через наше окно утреннее солнце.

Мамы дома нет. Мама, как видно, в школе. По комнате легко расхаживает Миля.

Она останавливается перед зеркалом, примеряет на голову мамину простенькую, белым горошком по синему полю косынку. Она завязывает косынку снизу подбородка по-старушечьи, туда-сюда поворачивается, насмешливо кажет самой себе язык.

Вдруг в зеркале видит мои раскрытые глаза, но ничуть не смущается:

— Вот так провожатый! Спишь, пока солнышко в нос не упрется!

Я в самом деле чихаю от солнечного щекотания, и мне опять, как вчера, весело:

— Ты бы разбудила! Ты бы не ждала!

И сам летаю по комнате, умываюсь, убираю постель, книгу — подарок заботливо кладу сверх подушки. Она, толстенькая, сразу там начинает переливаться цветной обложкой, как драгоценный ларец.

Мне теперь даже приятно, что самое главное чтение этой книги еще впереди. Мне теперь даже самому хочется повести Милю на хорошее ягодное место и тем самым сделать ей ответный подарок.

И вот позади не только наш дом, не только тенистый, полным-полный теперь соседской прыгучей, визгучей, юркой малышни двор, а далеко за нами и весь наш поселок.

Начинаясь от окраин его, влево и вправо расплеснулась гигантская долина. В ней синие гривки перелесков, далекие деревеньки, но мы идем, не сворачивая никуда. Мы идем круто вверх по полевому увалу. Мы торопимся напрямки в голубой с кучевыми облаками небосвод.

Станция — все дальше, станция — все меньше. Ее кудлатые тополя, ее крыши, беленый вокзал и ярко-кирпичная водонапорная башня становятся издали четкими, как хорошо раскрашенная картинка. И совсем там теперь маленькие, совсем игрушечные паровозики выбрасывают из труб летучие клубочки пара, шлют нам вдогон свое приветное: «Ту-ту!»

А дорога — все вверх. Колючим, рыжим, после жатвы просторным полем резко от нас в сторону уходит трактор. Он тянет плужный прицеп. Вослед за прицепом маслянисто-коричнево вспухает, тя-

Сидели мы в августовских сумерках — я да мама —
на крыльце... И казалось нам:
замрет у перрона яркий во тьме поезд
и к нам с него сойдет гость...

нется сразу в несколько пластов широкая борозда. От борозды — ветерок, и к сухому запаху изъезженной, истоптанной дороги примешивается запах сочной, опять молодой, заново поднятой пашни.

Он меня будоражит, этот запах. Будоражит и Милю.

Миля сдергивает косынку, машет трактористу:

— Э-ге-гей!

Но тракторист за гулом мотора или ничего не слышит, или ему не до нас. Да и Миля машет просто так.

Миля машет из-за того, что солнце. Из-за того, что вокруг простор.

И вот она размахивает косынкой, а я корзиной.

Я размахиваю затем, чтобы Миля посмотрела не только на работягу-тракториста, а еще и на меня. Я показываю ей немудреный ребячий фокус:

— Глянь, Миля! Кладу в корзину узелок с хлебом, кручу корзину вверх дном над головой, а узелок не выпадает... Ловко?

— Очень! — соглашается Миля, перекладывает узелок к себе. Она сама накручивает корзиной, словно пропеллером, и мы топаем по дорожной пылевой мякоти рядком да ладком, совсем как ровесники.

Причем ровесник-то не я ей, а она мне — девятилетку, мальчишонке.

Она во всем со мною держится на равных. Ей со мной интересно, ей со мной весело. Ну, а я-то чувствую себя рядом с ней, как на воздушных крылышках.

Чувствую, думаю: «Это у Мили все от Ленинграда. В Ленинграде, должно быть, иных людей и нет. Там все такие вот друг к дружке приятственные, простые и все такие красивые...»

В темном ельнике словно бы распахнулись ворота, и перед нами — просторный свет.

Про красоту я Миле, конечно, не заикаюсь, я лишь говорю:

— В Ленинграде, Миля, наверное, каждый день, как праздник или как в сказке... Ты радуешься, что приехала к нам, а я хоть сейчас бы полетел туда.

Миля смеется. Миля широко обводит все синее вокруг раздолье рукой:

— Чудак! Чем тебе плохо здесь?

— Сейчас-то не плохо, а потом будет скучно. Я ведь знаю... У нас ведь круглый год одно и то ж. Пройдет нынешнее лето, за ним зима, и опять наступит лето точно такое же... Это лишь говорится, что придет оно новое, а если посмотреть на деле, то мне и по ягоды этой же самой дорожкой шагать, и трактор опять будет гудеть вот этот же самый.

— Ну и прекрасно,— говорит Миля.— Пускай всегда будет так!

— Ха... Сама все равно вернешься в свой Ленинград.

— Да ты что? Всерьез?— удивляется Миля перемене моего настроения.— Пусть вернусь, но через годок и у тебя будет совсем все новенькое... Через год подрастешь, и, возможно, мама отпустит тебя ко мне в гости. Через год я окончу техникум, начну работать, может, даже получу комнатку, и ты на Ленинград насмотришься вдосталь.

— Долго...— вздыхаю я.— Год — долго! Лучше бы найти мне, как в твоей книге, шапку-невидимку, ковер-самолет, и я бы — вжик!— безо всяких-яких оказался там, где захотел. Не только в Ленинграде, а где-нибудь за тридевять земель отсюда, в каком-нибудь никому еще не известном царстве-государстве.

— Ну-у!— улыбается Миля.— За тридевять земель я бы слетала тоже... Ты бы меня взял?

— Спрашиваешь!— захлебываюсь я от счастливой готовности, и на миг мне кажется: ковер-самолет у меня уже есть.

Хорошее настроение ко мне возвращается.

Распаханный полевой увал остается тем временем позади. Длинный спуск уводит нас от синего раздолья, от свободно гуляющего над пашнями ветра в тихую низинку. Там хвойной стеной встает перед нами лес. Торная дорога, словно не решаясь эту стену пробить, вьется по лесному закрайку, а я отважно ныряю в самую чащу.

— За мной, Миля, за мной! Я знаю тут все прямушки!

Миля мне верит, Миля от меня не отстает.

Над нами навесы еловых лап. Сквозь них кое-где лишь видны далекие световые пятнышки. Едва приметная стежка, по которой я веду Милю, вся устлана бархатным мхом, перевязана черными, скользкими узлами древесных корней. Стежка огорожена то там, то тут по-звериному вздыбленными пнями-выворотнями. Воздух как в заброшенном погребе. Он пропитан грибным духом, он недвижим, сыр, густ. Вблизи не слыхать ни птичьего писка, ни ветрового шороха, ни даже наших собственных шагов.

— Ну и ну,— не выдерживает Миля,— ничего себе ягодные места.

А я только таких слов и жду, мне Милю подбодрить приятно.

— Шагай, Миля, шагай! Скоро уже...

И вот после глухоты, мрака — солнце в глаза, как золотой взрыв!

В темном ельнике словно бы распахнулись ворота, и перед нами опять — просторный свет.

Миля жмурится, Миля смотрит из-под ладони.

Навстречу нам — яркие под солнцем острова сосен. Меж островов, где каждая сосна, как стрела, где каждая хвойная крона, как зеленое облако, убегают, манят нас в даль широкие проливы сухоболотных трав. Тут все кипит, тут все пенится белым цветом, а по белой кипени сизые кусты.

И сизеют кусты не от росной влаги, а оттого, что усыпаны крупными ягодами. На гладколистых, плотно перепутанных ветках ягоды висят чуть не сплошь. Местами, там, где солнышка больше, их диковинная сизость переходит даже в черноту. Даже безо всякой пробы видно, что они полным-полны спелой сладости, и Миля опять кричит, как маленькая, опять ахает. Причем кричит не по-городски, а прямо-таки по-деревенски:

— Ой, что голубики-то! Ой, что голубики-то! Чистая страсть! А ты еще, Левка, зачем-то привирал: все лучшие ягоды отошли!

— Я не привирал. Я сам сюда заглядывал только раз, да и то в прошлое лето со старшими ребятами.

— И теперь так быстро нашел путь? Не забыл тропку? Удивительно!

— Память у меня на лес — ого!— хвастаюсь я.

Руки наши меж тем давно уже работают: так и снуют, так и летают. Мы обираем за кустом куст. Через минуту-другую пальцы и ладони у нас в голубичном соку. Измазаны и губы, потому что когда ягоду голубику срываешь, то она должна сорваться вместе с плодоножкой, с такой тоненькой, розоватой палочкой. А если палочка осталась на ветке, то ягода вмиг лопается, и ее поневоле суешь в рот.

Но и тем не менее корзины наши наполняются заметно. Голубика — ягода набористая. За ней не надо даже наклоняться. Ну, разве если совсем зажадничаешь, если сам полезешь под самый низ куста. Да и там можно сидеть, собирать долго: внизу ягод тоже видимо-невидимо.

Голубики такая уйма, высокие сосны шумят над нами так приветно, а колышимый вокруг нас ветерком белоцвет пахнет так душисто, так пьяно, что мы и за делом шутим, радуемся.

Над Милиной головой на пушистую ветку сосны опускается птица. Размером она с галку. А весь ее раскрас бросок, пестр. На макушке желтый хохол, грудь с красноватым отливом, на крыльях небесно-синие зеркала.

Я знаю — это сойка, но Миле говорю:

— Над тобой волшебная птица...

Миля запрокидывает голову:

— Ох, верно!

И кричит:

— Птица-краса, покажи нам свои чудеса! Сбрось хотя бы одно синее перышко!

— Одного мало... Кинь два!— кричу я.

Сойка издает вскрик, похожий на короткий хохот, осколком пестрой радуги переносится на другую сосну. Она словно приглашает нас идти за ней. И мы, как глупые, идем, и Миля вдруг поспешно валится на колени:

— Левка, Левка, глянь, что нам вместо перышка подарила эта птица!

Меж светлых сосен на упругом из глянцевитых листиков ковре — багряной россыпью первая в году брусника. У нас от такого опять богатства перехватывает дух. Но ягоды брать уже некуда. Мы лишь срываем по две-три горсти, и теперь в наших корзинах по черно-сизой голубике вспыхивают алые брусничные огоньки.

— Будто ночью светофоры на станции!— улыбаюсь я.

Улыбаюсь, плюхаюсь на зеленый, пружинистый подстил меж корзин, отвязываю от Милиной корзины узелок с хлебом, ломаю пополам вынутую оттуда горбушку. Я уплетаю свою долю вприкуску то с брусникой, то с голубикой. Миля уплетает тоже и, довольная, говорит:

— Вот! А мы собирались куда-то улетать на ковре-самолете. Если куда и лететь, так только снова сюда, в эти острова! А еще — примчать бы на это место из Ленинграда моих общежитских подружек. Они бы так тут все от радости и завизжали.

— А что!— загораюсь я следом.— Примчим! Привезем! Я им не только бруснику-голубику покажу, я им здесь покажу еще чего-нибудь!

— Ну-у?— говорит Миля.— А еще-то что? Больше нечего.

Но меня, вновь Милей заведенного, заносит все круче:

— Я им и тебе покажу концерт!

— В лесу?— хохочет Миля.

— В лесу! Прямо вот тут. Пожалуйста, посмотри хоть сейчас!

И, совсем от сегодняшних удач, от солнца, от аромата трав ошалевший, я вспрыгиваю бочком на ближайшую валежину-корягу, пересаживаюсь по ней как можно выше и, хотя коряга скрипит, качается, располагаюсь там вальяжно, нога на ногу.

Приподымаю вверх кепчонку, объявляю:

— Исполняется песенка из кинофильма «Название позабыл»!— Затем нараспев горланю:

Сидели два медведя
На ветке золотой;
Один сидел как следует,
Другой болтал ногой!

— Мах-мах! Мах-мах!— сам с приговором набалтываю правой ногой, сам пошевеливаю туда-сюда высоко задранным ботинком, и Миля тут окончательно закисает от смеха.

— Ты и вправду,— едва выговаривает она,— ты и вправду как очумелый медвежонок. Глаза дикие, волосы торчком, физиорожица вся в ягодах.

А я заливаюсь дальше:

Упали два медведя
С ветки золотой;
Один летел как следует,
Другой болтал ногой!

— Мах-мах...— завожу припев по второму разу, да тут моя коряга с кряком, с треском рушится, я ухаю кубарем вниз.

— Браво!— кричит Миля.

Она хлопает в ладоши. Она думает, у меня так все и загадано. Но я лежу среди обломков, среди алой брусники и не могу встать.

Лежу, молчу, скриплю зубами, чувствую: если открою рот, то заору «Ой!»

— Ты что? Ты что?— кидается Миля ко мне. Лицо у нее от перепуга белым-бело. Ей теперь не до смеха. Она обшаривает горячими руками мой затылок, спину, плечи, а когда я кое-как сажусь, когда тащу с себя злополучный правый ботинок, то суетливо мне помогает:

— Сейчас, сейчас... Поглядим, определим... У нас в техникуме девушкам преподают и санитарное дело.

А сама, санитарка, дрожит, а сама тоже охает. Лишь когда видит, что моя разутая, потная, вся облепленная лесным мусором лапчонка-стопушка цела, то принимается ее ощупывать уверенней:

— Здесь больно? Тут больно? А тут?

Я вновь скриплю зубами, и Миля огорченно заявляет:

— Растяжение... Вот тебе и два медведя на ветке золотой.

Мне в ногу как раскаленное шило воткнули, да я храбрюсь:

— Мало-помалу до дома докостыляю.

Я храбрюсь, когда Миля мою на глазах опухающую лодыжку растирает своими мягкими, измаранными в ягодном соке ладонями. Я ершусь даже тогда, когда она из узелка, в котором был раньше хлеб, приготавливает, делает мне тугую повязку и пробует насунуть ботинок обратно:

— Я сам, Миля, я сам!

Но хотя мне легче теперь, да своим ходом я не могу сделать и полшага. Тем более с корзиной.

Тогда Миля снимает с головы косынку, соединяет обе корзины — мою и свою — короткой перевязью, перекидывает эту двойную ношу через плечо. Ну, а за другое плечо велит покрепче цепляться мне. И вот я прыгаю, ковыляю на буксире.

Только далеко ли этак-то ушагаешь? Миля, хотя и пробует меня подбодрить: «Ты теперь вроде раненого солдатика, а я вроде медсестрички...» — да все равно она не такая уж крепышка, ей трудно.

В нескладной этой паре с остановками, с роздыхом мы протащились через все сухоболотье, проковыляли через тот сумрачный, об уже теперь позднюю пору, совсем хмурый ельник. А когда выползли наконец на полевой край, то и тут нам оставалось еще плестись да плестись.

А на землю ложится послезакатная мгла, а силенки у Мили на исходе совсем. Она так и говорит: «Сил моих больше нет!» — валится на опушке пластом под темные елки на темную траву.

Я тоже валюсь — и помалкиваю. Я знаю: вина тут во всем моя. Мне теперь только и остается: не ныть, терпеть, быть благодарным Миле за то, что она ни словом, ни намеком меня не попрекает.

Но вот Миля отдышалась капельку. Приподымается, смотрит на черный горизонт полей, на серую в полутьме дорогу, решительно говорит:

— Все! Дальше, Левка, пойдем без корзин. Корзины спрячу под ель, а тебя возьму на закрошки. Так выйдет быстрее. Фаня, должно быть, дома места не находит, потеряла нас.

И Миля тащит корзины к огромной, окутанной зыбким туманом ели; и сама она в тумане тонюсенькая, так похожа опять на ту утреннюю девчонку, мне ровесницу, что я лишь представил себя у нее на закрошках, так тут не своим голосом от стыдобушки и взвыл:

— Не-ет! Хоть ползком, да сам!

Сгоряча встаю, делаю один кособокий шаг, делаю другой: цапаюсь за колючую, шаткую еловую лапу и на глазах Мили со всхлипом оседаю.

Я, ничего уже не стыдясь, плачу, я злюсь на свою беспомощность. Да тут Миля говорит сторожко:

— Погоди-ка...

В предночной прохладе глухо, на одной ноте тарахтит трактор. Он к нам не приближается, но он и не становится дальше. Он, вероятно, все ходит и ходит поперек полей. Похоже, это все тот же самый трактор с тем самым трактористом, которому утром Миля махала.

Миля вскидывает руки и сейчас. Но, конечно, не затем, чтобы послать укрытому темным расстоянием трактористу привет, а затем, что готова помчаться к нему сама.

Она говорит поспешно:

— Не бойся... Я мигом!

Моя коряга с кряком, с треском рухнула, я кубарем ухнул вниз... Лежу среди обломков, среди алой брусники и не могу встать.

И вот ее белая фигурка катится по серой дороге вдаль, а я если чего сейчас и боюсь, то не лесного за моей спиной мрака, а боюсь, что Миля если и успеет, то незнакомый ей тракторист скажет: «Ты что, деваха? Сбрендила? Гонять такую рабочую махиницу за каким-то там пацаном... Небось, поднатужишься, сама справишься! А я за целый-то день на пашне умаялся, мне самому пора к своему дому...»

Тракторист так скажет, и он, хмурый, усталый, будет прав. И опять во всем виноват один я. И вот сижу под елью, ни на что хорошее не надеюсь, только жалею Милю.

А по-над взгорком, над полем коротко и далеко блеснул свет. Он мигнул, пропал, зажегся снова и, вырастая все больше, поплыл к моему пристанищу.

Через несколько минут он уже не просто плыл, не просто горел — он, качаясь и вздрагивая от моторного по-за ним рева, от стального по-за ним лязга, так и обрушился на меня.

А мне этот грохот показался лучше любой музыки. Оглушенный, ярким светом ослепленный, я закричал:

— Вот он я! Вот он я!

Я завопил, ничуть не соображая, что стальной гром не перекричать. Я замаячил, замахал руками, совсем не понимая, что меня, освеченного фарами, и без того видно, как таракашку на ладошке; и вот, знай, вовсю машу, вовсю ору:

— Вот он я! Вот он я! Вот он я!

— Видим, что вот он — ты! — дохнул мне прямо в ухо насмешливый бас. В световой круг ко мне из гулких потемок протянулись крепкие руки. «Раз, два!» — не успев опомниться, я очутился в пропахшей керосином кабине рядышком с Милей. Под ноги к нам втиснулись обе корзины. А затем, крепко меня опять подвинув, влез на сиденье сам тракторист.

Свет от фар весь теперь уходил вперед трактора. Он падал на яркие там елки, на траву, и лицо тракториста мне было не разглядеть.

Тут все было, как в каком-то странном кинозальце. За передним стеклом кабины, будто на экране, все перед тобой серебристо-светло, а соседи твои — во тьме, тебе их не видать, тебе их можно только почувствовать, потрогать.

И я чувствую: тракторист, задевая меня локтем, включает рычаг управления. Трактор на одной левой гусенице делает крутой разворот. В его прожекторном свете мелькают откуда-то взявшиеся бабочки. Снеговыми, метельными хлопьями они кидаются врассыпную, и мы катим по полевой дороге к дому.

Миле все хочется сказать трактористу спасибо. Миля меня все тоже теснит, говорит через мою голову трактористу:

— Ах, какой вы славный товарищ! Ах, какой вы душа-человек.

Но тракторист отмалчивается. Он опять, как утром, Миле не отзывается, но теперь вовсе не потому, что не слышит. Слышать-то он даже при грохоте мотора все слышит прекрасно, да как только Миля с правой от меня стороны заговорит, так он с левой на меня стороны начинает смущенно покашливать. «Ладно, мол, ладно, стоит ли за такую малость благодарить, раскланиваться!» Ну, а когда Миля умолкает, то он сам улыбчиво взглядывает в Милину сторону.

Мне его улыбки разглядеть в полутемной кабине, конечно, тоже невозможно. Но, находясь у него под боком, я эту улыбку угадываю, и он, молчаливо направляющий свою громоздкую машину в ночь, мне кажется еще более симпатичным.

Он и к лесу за мной поехал, наверное, вот так же вот молчком, вот так же готовно, по первому зову Мили. Он, наверное, лишь отцепил в потемках плуг, спросил Милю: «Куда рулить?» — да и покатил ко мне, недотепе, на выручку...

Ну, а сейчас навстречу лучам тракторных фар все ближе станционные огни.

Мы въезжаем в поселок по единственной у нас улице. Там, где горят окна и фонари вокзала, там готовится к отправлению пассажирский поезд. По перрону идет дежурный с ярким фонариком, под яркими огнями вагонов, отбрасывая черные перекрестные тени, бегают рабочие-осмотрщики. А там, где в аллеях глухих тополей приютились жилые дома, там все безлюдно, сонно. От лязга нашего трактора, должно быть, звенят стекла, но станционный люд — тот, кому работать не в ночную смену, — спит крепко. И только на родном моем крыльце, на сумрачном дворе стоит мама.

Не успел тракторист тормознуть, не успела Миля из кабины выскочить — мама с места стремглав подлетела к трактору. Я тоже выкарабкиваюсь из кабины, мама хватает меня на руки.

— Что такое стряслось-то? Что?

— Ничего... Маленько оступился.

Миля маму успокаивает:

— Ты, Фаня, не волнуйся. Ты, Фаня, Левку не брани. Сделаем ему примочку да новую перевязку, и все у него к утру пройдет... Левка у тебя, Фаня, вообще молодец молодцом! Славное мы нынче с ним совершили путешествие.

Мама все не спускает меня с рук:

— А я тут как чумная... А я тут глаза проглядела... Трактор-то как оказался с вами?

И только теперь я да Миля вспомнили, что рядом гремит трактор. Миля ринулась было к кабине, но тракторист уже сам подает обе наши корзины, делает знак рукой: «Ну, мол, счастливо вам, а я поехал!»

— Как же так? — кричит растерянно Миля. — Ах, как же так? Вы бы зашли, вы бы хоть чайку с нами выпили...

Но трактор круто разворачивается, оплескивает светом низкую над дорогой листву тополей, раздвигая фарами ночную темь, уходит.

Миля держит тяжелые наши корзины, повторяет:

— Как же так? Мы даже не догадались спросить, где его собственный дом, как его имя, фамилия.

Мама перехватывает меня поудобней, говорит:

— Он, похоже, задоринский. Из села Задорино... Я, конечно, тоже его как следует не разглядела, но там, в Задорине, все парни такие вот положительные, славные.

А я не говорю ничего. Я как попал к маме на руки, так на меня сразу навалилась необоримая усталость:

— Спать, спать...

Я почти не слышу, как меня, в общем-то грузненького, мама и Миля вносят в дом. Я почти не слышу, как они что-то там делают с моей несчастной лодыжкой, как меня раздевают.

Но вот, когда я касаюсь подушки, то, приоткрыв глаза, почти ясным голосом говорю:

— Где книга?

— Какая? — удивляется мама.

— Да Милина, Милина... Ну, та, что со сказками...

— Ах, эта! Так вот она! — отвечает мне Миля, подает книгу.

Я придерживаю вместе с книгой Милину руку, опять говорю:

— Наклонись ко мне...

И когда Миля склоняется, шепчу:

— Хорошо, что ты не рассказала маме, какой я в лесу устроил дурацкий концерт.

— Почему — дурацкий? И зачем рассказывать? Я не скажу и завтра. Пускай это будет наша с тобою маленькая тайна.

— Пускай! Завтра-то или послезавтра, как только я выздоровею, мы пойдем с тобой через поле, увидим того тракториста и спросим его имя.

— Спросим...

— А потом опять пошагаем на те золотые острова, и пусть это и будет наше с тобой неведомое царство.

— Будет! — говорит Миля. — Оно ничуть не хуже царств любых, самых дальних... А может, и лучше! Потому что оно — родное.

И вот тут я повертываюсь на бок, засыпаю крепко.

Я засыпаю совсем как вчера, приобняв вместе с подушкой дареную книгу.

И мне кажется, а возможно, уже снится: золотые острова сосен, ягода-голубика, веселая Миля, синекрылая птица, ослепительный в ночи трактор, молчаливый, добрый тракторист — все, все они переселяются в эту книгу, и она, так пока и недочитанная, становится от этого еще ярче, еще сказочней.

В КАЮТ-КОМПАНИИ «КОРАБЛИКА»

«В детстве я сочинял...»

КАПИТАН: Сегодня у нас гость — поэт Валентин Дмитриевич Берестов.

ЮНГА: Уважаемый Валентин Дмитриевич! Я читал ваши книги: «Улыбка», «Три дороги», «Семейная фотография», «Идя из школы»... Ваши стихи такие образные — веселые и в то же время чуть-чуть грустные...

БОЦМАН: Расскажите, как вы стали поэтом?

В. Д. БЕРЕСТОВ: Рифмовать начал с восьми лет, поэтом стал гораздо позже.

ЮНГА: Вы хотите сказать, что уметь рифмовать — еще не значит быть поэтом?

В. Д. БЕРЕСТОВ: Конечно, юнга! Рифмовать умеет любой графоман.

БОЦМАН: Графоман — это звание поэта?

КАПИТАН: Совсем наоборот, боцман. Так называют человека, который пишет плохо, но много.

В. Д. БЕРЕСТОВ: Графоман не любит читать. Он завистник. Ругает стихи других.

КАПИТАН: На свои же критически взглянуть не хочет, часто — не может.

БОЦМАН: Надеюсь, вы-то, уважаемый Валентин Дмитриевич, всегда любили читать стихи?

В. Д. БЕРЕСТОВ: Я полюбил поэзию очень рано. Мама рассказывала, что уже в колыбели я переставал плакать, когда она читала вслух стихи Фета. Когда сам начал сочинять, сначала просто подражал всем известным мне поэтам, былинам, народным балладам. Особенно же любил сочинять дразнилки. За них меня, конечно, били. Мне казалось, что я страдаю, как настоящий поэт. Но все это не было поэзией...

БОЦМАН: Как же вы учились писать настоящие стихи?

В. Д. БЕРЕСТОВ: Они складывались сами. В 1942 году мы с мамой жили в эвакуации, в Ташкенте. Отец долго не писал с фронта. Я ждал писем, тосковал. О своих переживаниях я и сочинял стихи. Их я уже не читал всем подряд. Прятал: устроил тайник в норе какого-то зверя.

Отец мой! Ты не шлешь известий
Уж целый год семье родной.
Но дни, когда мы были вместе,
Во сне встают передо мной.

И оживает прожитое:
Камыш и даль родной реки.
И ты, склонившись над водою,
Устало смотришь в поплавки.

И жизнь опять течет сначала,
Все той же радостью полна.
Как будто нас не разлучала
Неумолимая война.

Как будто были сном кошмарным
Все потрясенья и нужда,
А утро светом лучезарным
Их разогнало навсегда.

Конечно, стихи были не очень-то умелые...

ЮНГА: Зато искренние, а значит, настоящие!

КАПИТАН: Вы писали о своих чувствах, переживаниях, поэтому стихи волнуют нас, поэтому живут.

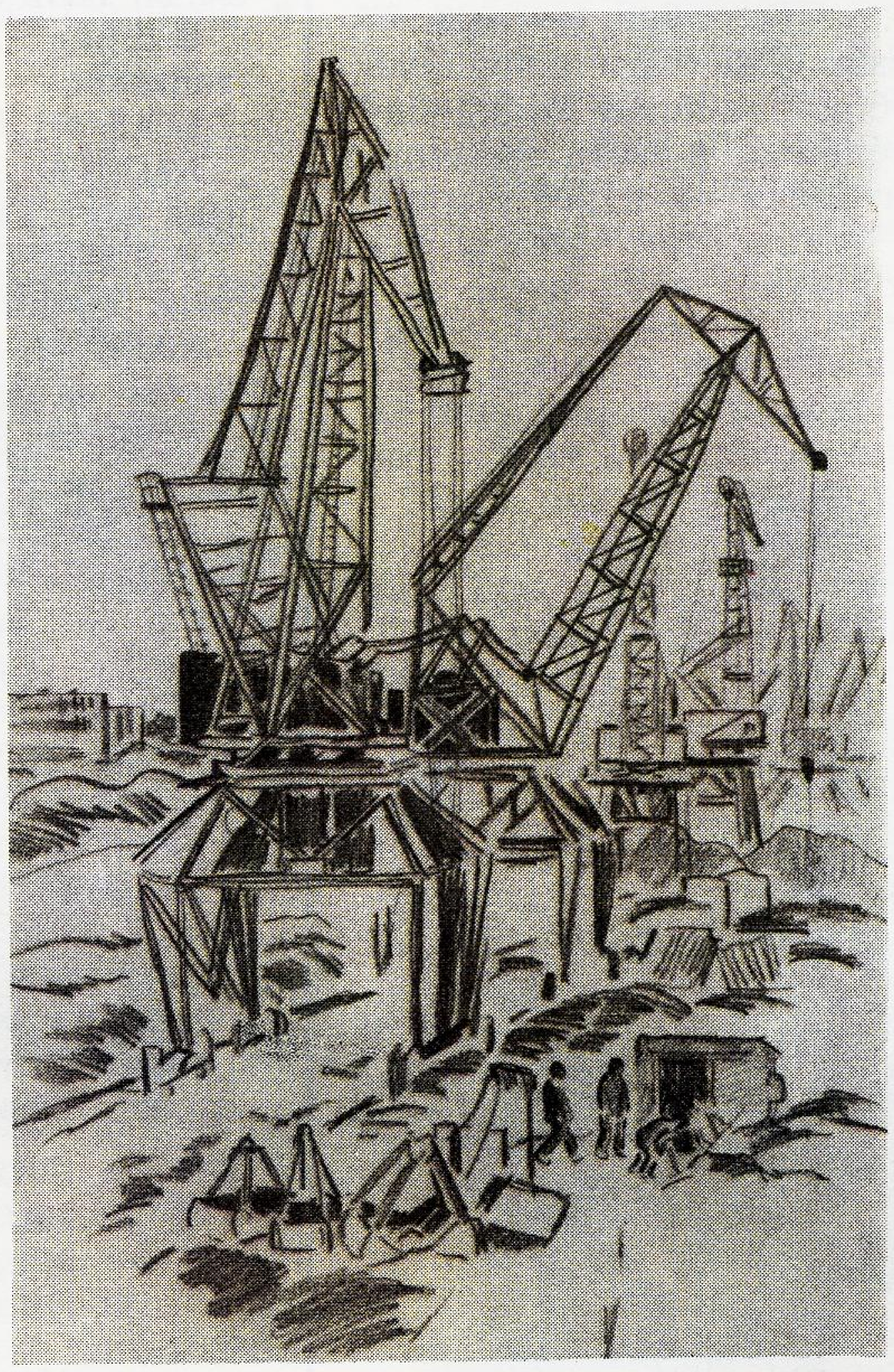
Бортжурнал ведет Н. ДАВЫДОВА.

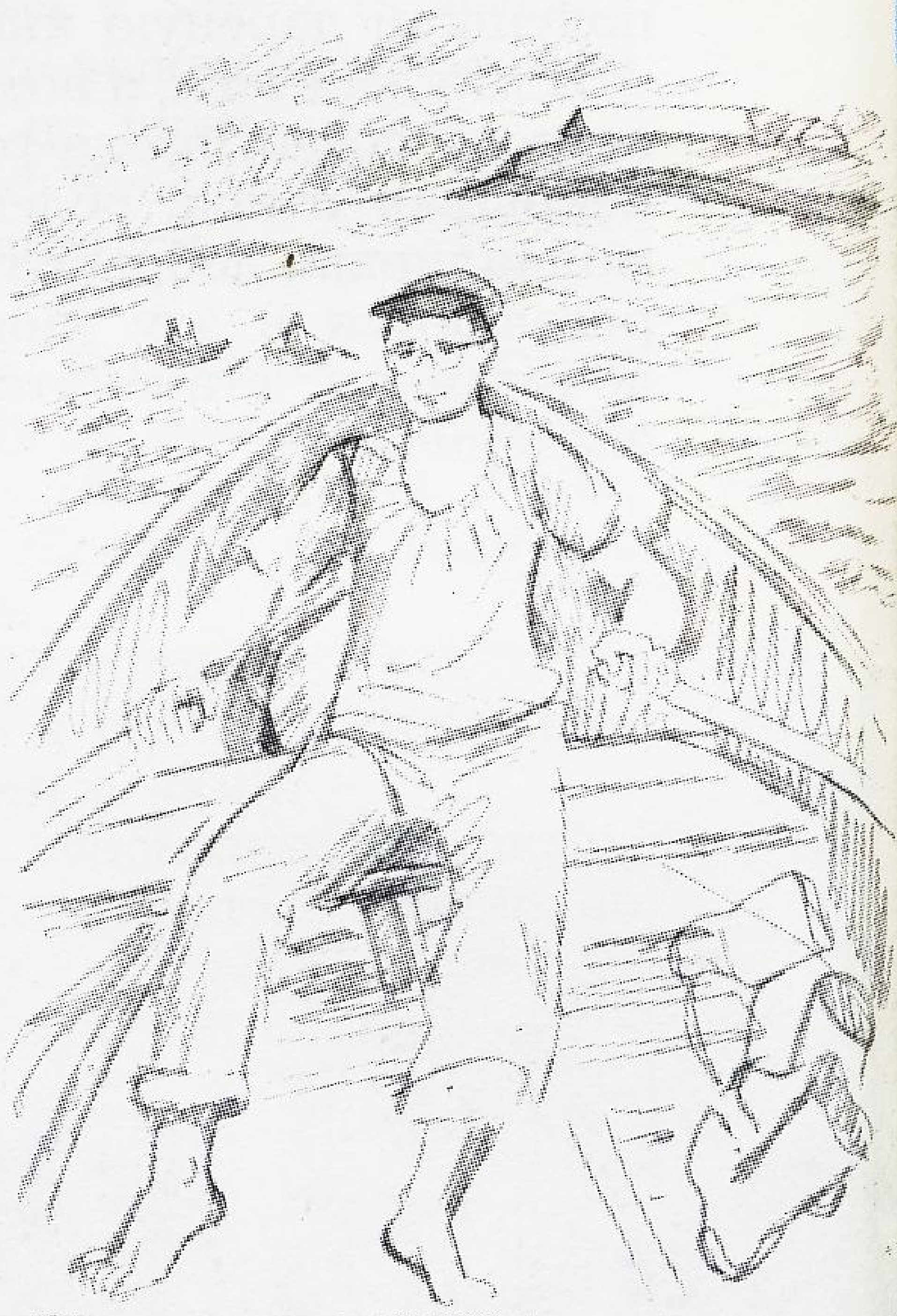
ТОЧКА НА КАРТЕ

Волжская республика

Недавно художник **Юлия КАРПОВА** приехала из Чувашской автономной республики и привезла в редакцию рисунки. Они нам очень понравились, и мы знакомим вас с ними.

Вы, может быть, и не знаете, что Волга течет по Чувашии целых 127 километров. И нет ничего удивительного, что большинство рисунков Юлии Карповой рассказывают о Волге. С Волгой связаны жизнь, работа и отдых людей.





По Волге плывут суда-гиганты — «Сормово», «Волго-Дон», «Волго-Балт», белоснежные пассажирские лайнеры, танкеры, везущие нефть с Каспия.

Вот баржи заходят в ремонтный док. Портовый буксир передвигает баржи в порту, ставит их на разгрузку или на погрузку.

А в воскресенье многие любят покататься на лодке, порыбачить.

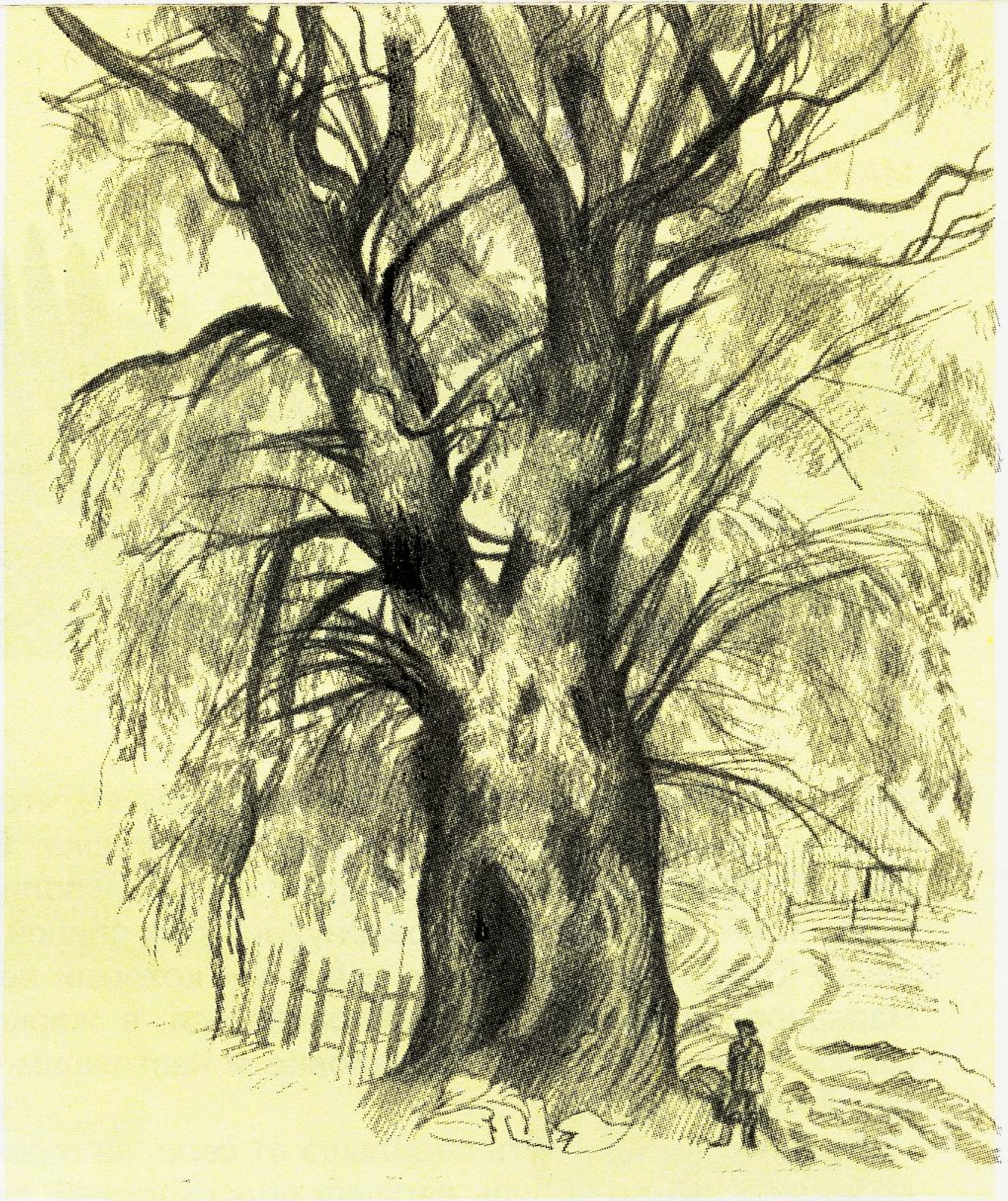
Можно отправиться и в лес, в дубраву. Дубрав в Чувашии много. И дубы там есть такие, что и впятером не обхватишь!

В лугах, среди душистых трав, растет «зеленое золото» Чувашии — хмель. Хмель — хорошее сырье для пищевой промышленности.

Заросли хмеля перемежаются с ярким иван-чаем — растением целебным.

Видите, художница изобразила пасущихся лошадей Сурского конного завода. Может быть, эти кони скоро станут чемпионами спортивных состязаний — так было не раз — и приумножат славу своей республики, своей страны.

Всегда радостно отправиться в путешествие. Особенно с интересным попутчиком. Думаем, что Юлия Карпова именно такой человек.



Люди и

На горе Лягушинке у села Александровского, что в Ставропольском крае, сидит каменная лягушка. Ее изваяла природа. Лягушка большая, просто исполинская. Тонн этак на сто. Повернулась она спиной к речке Томузловке да так и сидит уж который век. Наверное, чтобы зря не расстраиваться: в жаркое ставропольское лето в Томузловке и настоящим-то лягушкам тесно.

Но вот однажды чуть подальше от села, за горою, появились люди. И будь лягушка подогадливей, она постаралась бы присмотреться к тому, что делают эти люди.

Ведь они строили... реку. Самую настоящую. Правда, маленькие речки не впадали, а, наоборот, вытекали из нее. Но никакого нарушения законов географии в том не было. Потому что река эта зовется БСК — Большой Ставропольский канал.

И сегодняшний рассказ — о строителях этой реки. О людях, удостоенных недавно высокого звания лауреатов Государственной премии СССР «за организацию зоны высокоэффективного сельскохозяйственного производства на базе Большого Ставропольского канала». За пятилетку в СССР планируется ввести в эксплуатацию 3,3 миллиона гектаров орошаемых земель, улучшить техническое состояние действующих оросительных систем на площади 5,6 миллиона гектаров... Так записано в Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.

Много это или мало — миллионы гектаров орошаемых земель? Судите сами. Один гектар пашни может прокормить большую семью, да еще что-то останется. Нужно лишь по-хозяйски распорядиться водой и землей...

Рассказ придется начать издалека.

Мечта Ефима Блынского

Я люблю Ставропольский край. Я здесь родился и вырос. Кому-то, быть может, покажется скучным местный пейзаж. Солнце летом палит так, что от его жара выцветает и само небо. Кругом — куда ни глянь — поля, расчерченные на прямоугольники зелеными линиями лесополос. Лишь изредка блеснет у горизонта серебряная полоска воды.

Конечно, путешествовать среди многочисленных лесов и перелесков намного веселее. Однако имейте в виду: ставропольский пейзаж — во многом дело рук человеческих, а не природы.

В доказательство приведу два свидетельства.

В Ставропольском краеведческом музее видел я документ, датированный 1781 годом, в котором так описывались эти места: «В степи множество ручьев, травы в рост коня, из-под копыт птица и всяка живность пырскает. Гора с лесом дремучим, в долине земля под пашню тучная, на холмах травы в пастьбу сочныя. С горы текут речки. Прозываются по-туземному Мокрый Карамык и Калаус. Так что вода есть и людишкам, и животине... В дубравах глухари, фазаны. В камышах кабаны и протчая дичь, в лиманах рыбу шапками выгребай».

А вот что писал об этих же местах в 1886 году адъюнкт кафедры гидрологии Санкт-Петербургского горного института А. Л. Сахаров, которому пришлось «ревизировать в Ставропольской губернии причины неурожаев и голода, постигающие последнее десятилетие плодороднейший край России»: «Небо над нами висело раскаленным куполом. С востока, не утихая, на землю набрасывался свирепый «астраханец». Черным пожаром клубилась пыль, занося брошенные крестьянами поселения... Мы выехали в верховья Калауса. По картам, составленным военно-топографическим отрядом в 1802 году, на горе Брык, где берет начало река, обозначены густые леса. Ныне на голых склонах глубокие трещины истоков Калауса без капли воды. Леса вырублены, и реки Калаус, Мокрый Карамык иссохли...»

Всего сто лет — не столь много по географическим меркам, — и такие разительные перемены. Почему? Да потому, что все эти годы местные обыватели занимались лишь одним — гребли, выгребали, грабили!.. Как из бездонного мешка, брали рыбу, били зверя, изводили леса, без всякой системы перепахивали степи...

Оскудевшая земля уже молила о помощи, а они все гребли, гребли, гребли...

Впрочем, справедливости ради надо добавить, что не все были такими. Сотни верст исколесил по ставропольским степям на бричке, изъездил верхом и исходил пешком казак Ефим Блынский. Ночами перекидывал костяшки счетов, считал воду и землю, пуды хлеба и рубли, необходимые, чтобы получить этот хлеб. Днем бил поклоны «обчеству», писал прошения в столицу. «Как же так,— рассуждал казак,— Кубань вместо того, чтобы течь на север и там отдать воду людям, поворачивает у мыса Невинного и течет на запад, в Азовское море. Вода уходит к воде. Нет, эту ошибку природы непременно надо исправить. Надо обойти гору Недреманную каналом, напоить оскудевший Егорлык, дать степям воду...»

Наконец Блынский решил действовать через печать. В местной газете появилось платное объявле-

ние: «Объявляю обчеству, что мой проект канала из Кубани в Егорлык признали Ростов и Москва, и я начинаю копать канаву. Пришлите мне плуг, пять человек рабочих людей, денег на месяц. Ежели не пришлете, воды у вас не будет».

Не прислали. Пожалели копейку.

И это в тех местах, где редкие колодцы с солоноватой водой на ночь запирали огромными амбарными замками, выставляли возле них сторожей — воду, случалось, и крали...

«...Удовлетворить ходатайство»

Свое продолжение история большой воды Ставрополья получила лишь в 1935 году.

Тогда в ознаменование 15-й годовщины освобождения Ставрополья от белых и активнейшего участия трудящихся Ставрополья в Красной Гвардии и Красной Армии было решено удовлетворить ходатайство ставропольских колхозников об организации и проведении мероприятий, полностью обеспечивающих сельское хозяйство Ставрополья водой.

Не «пять человек с плугом», а тысячи людей, вооруженных самой современной по тому времени техникой — из Москвы прислали двадцать паровых экскаваторов,— брались вернуть исстрадавшейся земле ее былое плодородие.

Весть об этом всколыхнула край. С насиженных мест снимались целыми семьями, располагались в степи таборами, врезали в косогоры землянки. Шли конные и пешие, и к апрелю 1940 года стройка насчитывала уже десятки тысяч людей.

Герой Социалистического Труда бульдозерист Леонид Федорович Базарный, всю жизнь проработавший на строительстве ставропольских каналов, вспоминал:

— Поверишь ли, земля сверкала. Выйдешь ночью, а кругом огни... Я тогда совсем маленький был, а до сих пор помню...

Костры, ржание лошадей и рев быков напомнили древней земле о временах, когда здесь вот так же собирались многотысячными таборами скифы, чтобы отразить натиск наседавшего врага. Но ныне русские и украинцы, карачаевцы и черкесы пришли сразиться с иными врагами — засухой и безводьем.

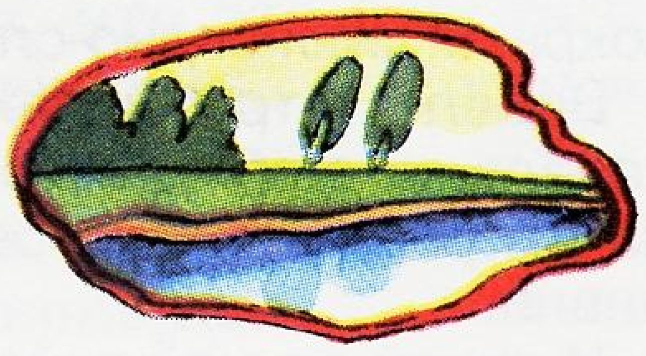
Кто знал, что многим из строителей вскоре придется принять участие в настоящих битвах?

К лету сорок первого стройку завершить не успели. В степи стало пусто. Одни ушли в армию, другие подались на лиман, в плавни — партизанить.

Стройка была возобновлена только после Победы над фашистами.

1 сентября 1948 года пошла долгожданная живительная вода по первому на Ставрополье Невинномысскому каналу.

Реки в степи



Восстановив взорванное гитлеровцами, завершив недостроенное, мелиораторы дали воду пересыхающему Егорлыку. Но это вовсе не значило, что проблема обводнения Ставрополья была решена.

На Ставрополье снеговую и дождевую воду запасают впрок. Хранят ее в глубоко вырытых в земле цементированных ямах — бассейнах. А питьевую воду привозят порой издалека. Выкопать колодец в наших местах — проблема; приходится углубляться в землю на десятки метров. И никто не даст гарантии, что вода в новом колодце не окажется солоноватой.

Вот потому-то, едва закончив сооружение первого канала, строители принялись за второй, третий, четвертый...

Если посмотреть на сегодняшнюю карту Ставропольского края, то рек рукотворных и рек природных там, верно, уже поровну.

А работа по обводнению засушливых земель еще не завершена.

После Невинномысского, Право-Егорлыкского, Терско-Кумского, Кумо-Манычского и других каналов на очереди Большой Ставропольский.

Когда его строительство будет закончено, на карте появится еще одна искусственная река длиной около пятисот километров. А две тысячи километров составят его «оттоки» — распределительные каналы, по которым влага пойдет на поля. Кубанская вода наполнит около трех десятков морей-водохранилищ.

Кроме всего прочего, построят несколько перерегулируемых водохранилищ общей емкостью около пятисот миллионов кубометров. Что это значит — перерегулируемых?

А вот что. Эти водохранилища наполняются в основном весной и осенью, когда воды в Кубани много.

Летом именно они помогут орошать более трети всех земель. Остальные земли будут орошаться водами канала.

Создание водохранилищ позволило на 30—40 процентов сократить ширину канала, значительно удеше-

вить и ускорить его строительство, рационально распорядиться кубанской водой. И все-таки строителям искусственной реки надо было переместить с места на место сотни миллионов кубометров земли! Лауреату Государственной премии бульдозеристу А. В. Голубенко, Герою Социалистического Труда Л. Ф. Базарному и их товарищам приходилось разглаживать ложе канала с точностью до сантиметров! Иначе вода просто не пошла бы в нужном направлении...

А еще строители соорудили несколько дюкеров и тоннелей.

Дюкер — это мост для воды, гигантская, диаметром в два человеческих роста и длиной в сотни метров металлическая труба. На специальных опорах такие трубы прокладывают в тех местах, где воде нужно «перешагнуть» через низину. Тоннели пробивают в местах, где воде нужно пройти сквозь вставшую на пути канала гору.

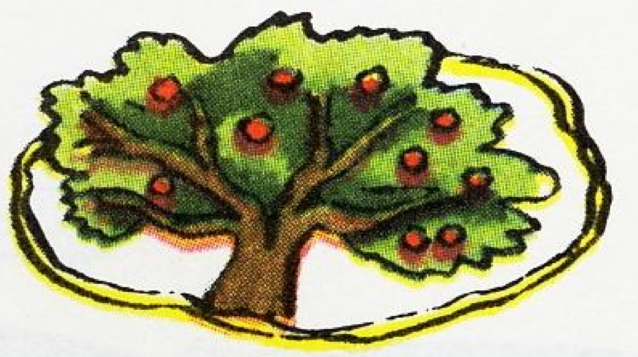
Причем чтобы вода проходила по тоннелю быстрее, не тормозила свой бег о шероховатости его стенок, строители бетонные стенки, словно лаком, покрыли эпоксидно-сланцевой мастикой.

Видел я и трубы, лежащие в земле поперек трассы канала, под его днищем. Зачем они? Они проложены на тот редкий случай, если вдруг разразятся сильные ливни.

И такой случай действительно произошел три года назад. Ливнепропускные трубы блестяще выдержали экзамен.

А чтобы вода не просачивалась в глубь земли, не расходовалась попусту, дно канала покрыли слоем водонепроницаемой глины, устлали полиэтиленовой пленкой, забетонировали.

Дождь по расписанию



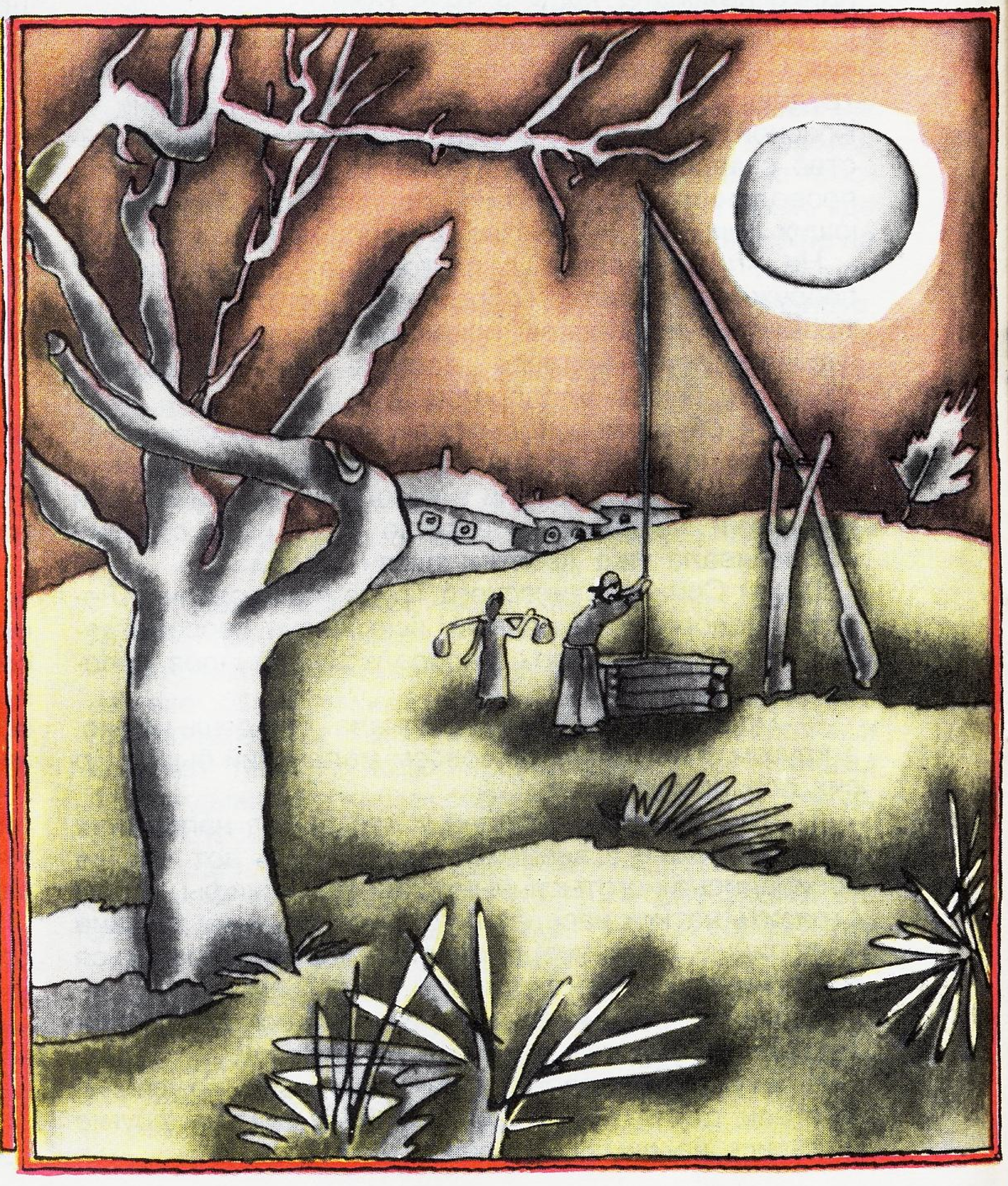
Сейчас завершено уже строительство трех очередей БСК. Рукотворная река уже прошла более 300 километров.

Как изменилась с приходом большой воды жизнь в этих местах?

— Что изменилось? — Александр Лукьянович Загорулько, парторг колхоза имени Войтика, чьи земли в Александровском районе уже восемь лет орошаются водой БСК, задумался.— Давайте посчитаем. В колхозе свыше двух тысяч гектаров поливных земель, и с каждым годом их число увеличивается. Недавно колхоз своими силами построил инженерные сети для орошения еще 250 гектаров. Увеличивать площадь поливных земель очень выгодно!.. На Ставрополье из каждых пяти лет два-три года бывают засушливыми. И тогда хозяйства края, в том числе и наш колхоз, недобирают от 4 до 8 центнеров зерна, или до 85 центнеров трав, или до 50 центнеров кукурузы с гектара. Значит, не хватает кормов, коровы дают меньше молока... На поливных же землях независимо от погодных условий колхоз получает вчетверо больший урожай, чем без полива.

А на полях, где работает звено Александра Михайловича Чепелева, урожай и того больше.

Лауреат Государственной премии СССР А. М. Чепелев — оператор дождевальных машин. Еще несколько лет назад о такой специальности в колхозе и слыхом не слыхивали. Александр Михайлович рабо-



тал прицепщиком, трактористом, шофером... А в конце семидесятых годов Чепелева пригласили в партком и предложили поехать на курсы фрегатчиков.

— Я подумал и согласился,— вспоминал Александр Михайлович.— Захотелось поглядеть, что это за машина такая — «Фрегат». Да и о том, что к нам большая вода идет, мы были уже наслышаны. И кто-то должен этой водой распоряжаться...

«Фрегат» — автоматизированная самодвижущаяся дождевальная установка — машина непростая. Представьте себе трубу длиной в полкилометра, установленную на нескольких колесах. Один конец этой трубы закреплен на кране водопровода высокого давления, другой свободен, так что вся махина может описывать круги вокруг закрепленного конца, словно гигантская карусель. Как красиво! Идет машина по полю, а над ней то и дело вспыхивают разноцветные радуги, ярко зеленеют умытые посевы...

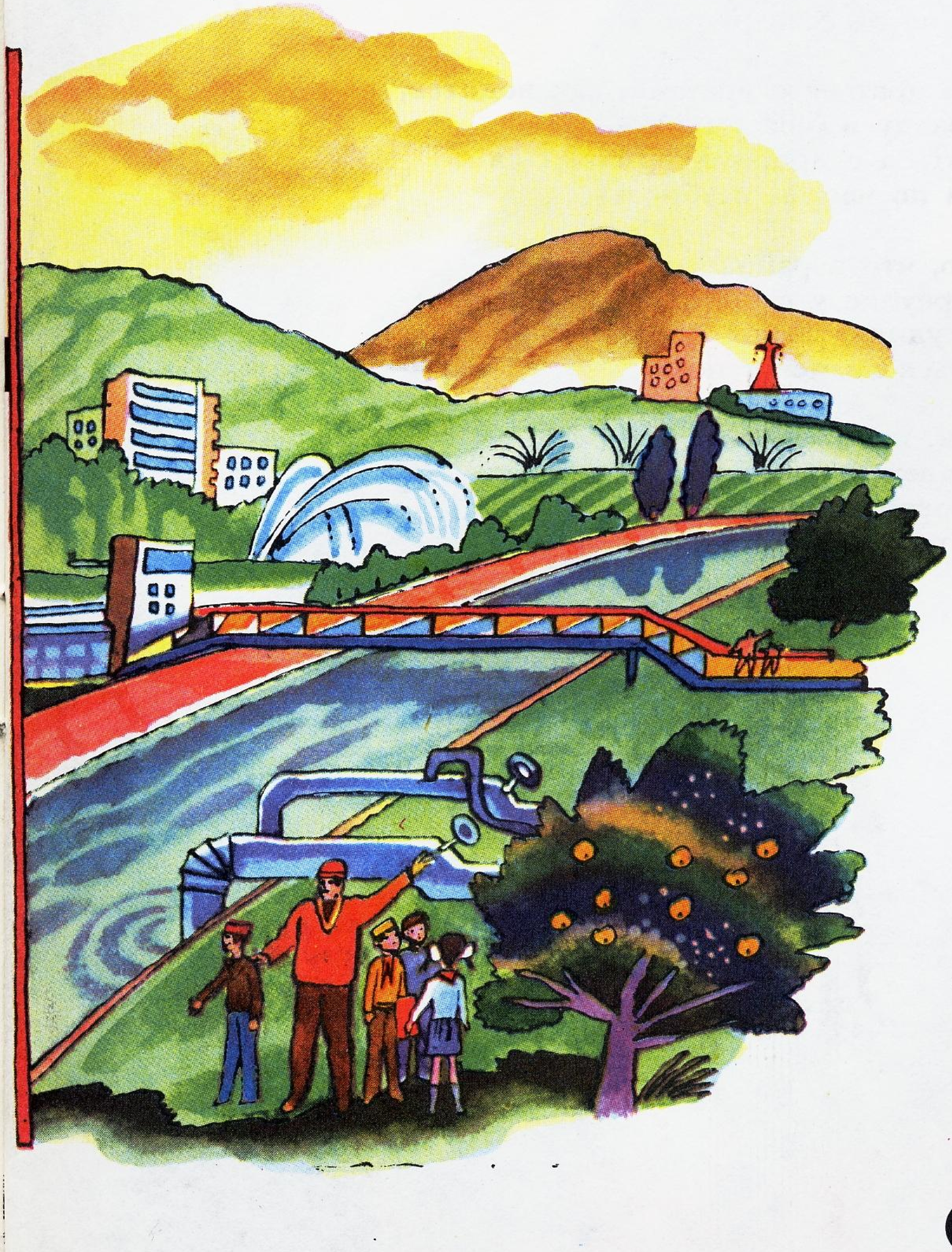
* * *

Живительная влага напоила степь, и произошло чудо. Где гулял свирепый «астраханец» и черным пожаром клубилась пыль, зацвели сады и зазеленели поля.

Воду получили не только Егорлык, Калаус, Мокрый Карамык, но сотни рек и ручьев, которых не было раньше на географической карте и которые все вместе называются сегодня «Система орошения Ставропольского края».

Станислав ЗИГУНЕНКО

Рисунки А. БОРИСОВА.



*

Всех, не успевших стать юнкорами «Пионера», приглашаем участвовать в создании новой рубрики! Читайте о ней в № 6 нашего журнала.

Всем, выполнившим наше первое задание и приславшим Карточку юнкора,— НОВОЕ ЗАДАНИЕ.

Второе юнкоровское задание

1. Ваш отряд носит имя героя. Как вы выбирали имя, как собирали материалы о своем отрядном герое? Сколько пионеров участвовало в этом поиске?
2. Считаешь ли ты, что эта работа была интересной? Неинтересной? Подружила вас? Не подружила? Почему?
3. **Вопрос для тех отрядов, кому имя передали старшие пионеры.**

Удалось ли вам узнать об отрядном герое, больше, чем предыдущему отряду?

МОЖНО ОТВЕТИТЬ НА ОДИН ИЗ ЭТИХ ВОПРОСОВ, НО ПОДРОБНО!

* * *

ВНИМАНИЕ! ВСЕМ ФОТОКРУЖКАМ, ВСЕМ ЮНЫМ ФОТОЛЮБИТЕЛЯМ!

Присылайте в «Пионер» фотоснимки размером 13×18 (и негативы к этим снимкам) на любую школьную, пионерскую тему. Например, «Сбор», «Урок», «Перемена», «Школьный праздник», «Мой друг», «Школьный двор».

Не забывайте снимки подписывать! Лучшие работы будут опубликованы.

* * *

Вместе с ответами на 2-е задание пришли нам Карточку юнкора.

Карточка юнкора

1. Фамилия, имя ______________________
2. Домашний адрес ______________________
3. Сколько тебе лет ______________________
4. В каком классе ты учишься ______________________
5. Номер школы ______________________
6. Чье имя носит ваша дружина ______________________
7. Что ты любишь больше всего ______________________
8. Что ты не любишь ______________________

Марк ВЕЙЦМАН

Страда

Мне бы подвиг совершить —
надо сено ворошить.
Мне б — в атаку,
мне б — в разведку,
мне б — куда потяжелей!
Только нужно чистить клетку
для разъевшихся кролей.
Никого я не спасаю,
ничего я не тушу,
на току мешки таскаю,
в поле тяпкою машу.

Сушит губы знойный полдень,
а вокруг кипит страда.
Нету времени на подвиг.
Вот управимся —
тогда!

Здравствуй!

Здравствуй, птица с глазами печальными!
Здравствуй, дерево с жесткой корой!
Это я, волевой и отчаянный,
но еще не известный герой.

Мне бы драться с врагами, как водится,
и за правду в бою умирать,
но возиться с дробями приходится
и слова по частям разбирать.

И не то, что в районе и области,
— в переулке у стройгородка —
о моей удивительной доблести
догадаться не могут пока.

И враги, как назло, не встречаются.
Но с надеждой гляжу я вперед.
Мое дерево мерно качается,
а на веточке птица поет!

Костер

Была, была, конечно,
военная игра!
И я стоял в дозоре
у дымного костра.

Ты руку протянула
к веселому огню.
«Иди поспи,— сказала,—
а я тебя сменю».

И я ушел в палатку,
и сон меня сморил,
и я во сне о чем-то
с тобою говорил.

Ты помнишь ли об этом?
Я помню.
До сих пор
горит зажженный летом
искрящийся костер.

Лицо твое я вижу,
склоненное к огню...
Иди поспи немного,
а я тебя сменю...

Прощай, лагерь!

Ну вот — отдружили,
в футбол отыграли.
Пожитки сложили
и мусор убрали.
Уплыли по речке
суда из коры.
Умолкли фанфары.
Погасли костры.
Остались на взгорке
на месте палаток
четырнадцать ровных
унылых заплаток.
Автобус отходит,
прощально трубя.
И мачта — без флага,
И я — без тебя.

Гостья

Лишь дверь тебе я отворил —
светлее стало вроде.
Мы почему-то говорим
все больше о погоде.

И я берет в руках верчу,
теплом твоим согретый,
то заикаюсь, то молчу,
как двоечник отпетый.

А сердце громче во сто крат
Колотится в груди.
Нет, я тебе ужасно рад!
но лучше... уходи.

Рисунок Д. БАРАБАША.

Рассказы и повести Юрия Вячеславовича СОТНИКА хорошо знаете и любите не только вы, но и ваши мамы и папы запомнили их с детства и на всю жизнь.

В нашем журнале печатались впервые такие знаменитые теперь произведения писателя, как «Архимед Вовки Грушина», «Дрессировщики», «Гадюка», «Машка», «Самбо и Заноза», и многие другие.

Время от времени появлялись рассказы «Как я был самостоятельным», «На тебя вся надежда», «Маска», «Дудкин острит», в которых описывались приключения одних и тех же героев — соседей по двору: Леши, пустившего к себе в квартиру живого козла; Аглаи, подбившей его на это; Антошки Дудкина, сразу поглупевшего после того, как он узнал, что знаменитая артистка считает его остроумным... Эти рассказы позже вышли отдельной книжкой под названием «Как меня спасали».

В маленькой повести «Похищение ирокезов» автор снова возвращается к приключениям своих любимых героев. Надеемся, что приключения Аглаи и Васьки Брыкина вас заинтересуют и вы прочтете о них с удовольствием.

Юрий СОТНИК

ПОХИЩЕНИЕ ИРОКЕЗОВ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Глава I

Грозное предупреждение

О предыдущих наших приключениях я рассказывал от своего имени, потому что сам их пережил, но в этих событиях я не участвовал, лежал дома с ангиной, поэтому я расскажу о них со слов других ребят.

Рыжий Васька Брыкин и такая же рыжая его сестра Зинаида боялись своего отца Захара Филипповича. Да и другие ребята во дворе предпочитали держаться от этого высокого, жилистого, с длинным подбородком человека подальше.

Нельзя сказать, чтобы Захар Филиппович был по натуре жесток. Жену свою Веру Андреевну он никогда не обижал, но в отношении воспитания детей придерживался устаревших взглядов. Он был уверен, что порка ремнем хорошо развивает их умственные способности, и временами занимался этим без удовольствия, но добросовестно. Он был единственным человеком в нашем доме, поровшим своих детей. Когда соседи намекали ему, что в наше время не стоит так себя вести, он отвечал, что его самого отец воспитывал таким образом и, слава богу, сделал из него порядочного человека.

Захар Филиппович работал шофером на грузовике и иногда заезжал домой пообедать, если ему было по пути. Однажды, приехав на обед, он забыл запереть кабину, и туда залезли Васька, Зина, Аглая и Антошка Дудкин. Аглая подбивала всех запустить мотор, но остальные на это не решались, а вот от соблазна посигналить удержаться не смогли. Концерт, который они устроили, заставил папашу Брыкина прервать свой обед. На этот раз все обошлось благополучно. Захар Филиппович выволок из кабины Ваську с Зиной, дал им по хорошему шлепку, а к остальным, которые без его помощи выскочили из кабины, обратился с такой речью:

— А вы смотрите! Это и вас касается: если кто еще подойдет к машине — ноги выдерну! Пусть потом родители на меня в суд подают!

На этот раз, повторяю, все обошлось хорошо, но через неделю Васька получил самую грандиозную порку, которую когда-либо наблюдал наш двор. Был конец августа. Почти все ребята вернулись с дач и из пионерских лагерей. И вот однажды вечером по телевизору показывали чемпионат по боксу. Обычно, посмотрев такие соревнования, наши ребята на следующий день начинали тузить друг друга во всех уголках двора, не соблюдая никаких правил, но на этот раз Сеня Ласточкин сказал, что довольно в игрушки играть, надо как следует подготовиться и провести такой чемпионат двора по боксу, чтобы все было как у людей: чтобы у боксеров были перчатки, на ринге присутствовал рефери и чтобы за встречами противников следил комментатор, и чтобы на матче присутствовал фоторепортер.

Целый вечер и следующее утро девочки шили боксерские перчатки из разноцветных тряпок и ваты, но обеспечить ими всех боксеров они не успели; к двенадцати часам следующего дня были готовы только две пары. Сеня Ласточкин сказал,

что хватит и этих, что пора начинать чемпионат, потому что родители скоро позовут всех обедать.

Сам Сеня был одет в темные брюки и в белую рубашку с короткими рукавами. Под воротничком у него темнел галстук бабочкой, как у настоящего рефери, сделанный из черного пакета для фотобумаги. Одна девочка принесла напольные весы, и теперь на них взвешивались боксеры наилегчайшего веса, о чем нетрудно было догадаться и без весов. Это были Антошка Дудкин и Васька Брыкин, которым предстояло вести первый бой. Они взвешивались уже с перчатками на руках: у Антошки одна перчатка была зеленая, а другая — оранжевая, а у Васьки они были одинаковые: синие в белый горошек. Остальные боксеры пока разминались в стороне, подпрыгивая на одном месте и проводя в воздухе хуки, аперкоты и всякого рода прямые.

— Так! — громко сказал Сеня. — Ринг готов?

— Готов! — откликнулась Аглая. Все участники и зрители матча подошли к тому месту, где Аглая с помощницами нарисовала цветными мелками на асфальте «ринг».

— Вот, пожалуйста! — сказала она. — Вот вам красный угол, вот синий...

Углы были действительно обозначены розовым и голубым мелками, но фоторепортер Миша Сомов брезгливо поморщился, глядя на творение Аглаи.

— Сень!.. Ну, какой к черту это ринг! Ну как по фотографии узнают, что это соревнование по боксу, а не драка простая?

— Во! — сказал Сеня. — А перчатки зачем? А я зачем? — И он ткнул пальцем в свою бабочку из черной бумаги.

Но фотографа поддержал радиокомментатор Юра.

— Нет, Сеня, это несерьезно: вот я буду говорить, что такой-то прижал противника к канатам, а, может, этот такой-то уже давно с ринга вылетел... Как тут разберешь?

Рефери обозлился.

— Тьфу ты, черт! Ну, где я возьму твои канаты?

— Канаты легко достать, — сказала Зина Брыкина. — В каждом доме веревки есть. Только где столбы достать?

— Ага! — подхватил Сеня. — Прикажешь здесь асфальт долбить да еще где-то столбы добывать?

— Стоп, Сеня! Спокойно! — вдруг сказал Юра. — Асфальт долбить не нужно, а столбы уже есть.

— Ну, где, где они, эти столбы?

— Пожалуйста! Вот, вот, вот и вот! — Юра ткнул пальцем в двух мальчиков и двух девочек лет по шести или семи. — Мы их поставим по углам ринга, и они будут держать канаты.

— Спасибочки! — отчеканила одна из девочек. — Никогда в жизни столбом не была и не буду. — И она медленно удалилась, гордо вскинув голову.

— Очень нужно — столбом! — проворчал один из мальчишек и тоже удалился. Другой мальчишка показал Юре кукиш.

— Во! Видел? «Столбом»!

— Я тоже... Я тоже не хочу столбом, — пролепетала самая маленькая и застенчивая девочка.

Короче говоря, все «столбы» удалились, глубоко оскорбленные, а через несколько секунд во двор въехал грузовой автомобиль и остановился у подъезда, в котором жили Брыкины. Аглая молча проследила за тем, как Захар Филиппович вылезает из кабины, запирает ее и уходит в свой подъезд, потом заговорила с хвастливыми нотками в голосе:

— А у меня, между прочим, тоже идея! И, между прочим, получше всех ваших идей! — Она указала на машину и пояснила, что лучшего ринга, чем кузов грузовика, не найдешь: там будет и красный угол возле кабины, и синий угол возле заднего борта, а главное, всем будет видно, как один из боксеров прижмет другого к канатам, то есть к борту.

Васька был против этого.

— Аглая! Ну ты что, помнишь, как нам отец сказал? «Если кто подойдет к машине — ноги выдерну!»

Аглая пожала плечами.

— Господи, Васька! А ты что, не помнишь, что мы тогда в кабину залезли да еще сигналили на весь двор... А тут все в кузове будет. Ну, что ему сделается, этому кузову, если в нем боксеры друг другу синяки наставят?!

— Правильно! — сказал Сеня. — Твоему отцу на обед час полагается, а за это время мы как раз управимся.

Тут к Ваське обратилась его сестра:

— Вась, послушай: у вас с Антошкой самый первый бой. Вы минут десять подеретесь, и мы с тобой уйдем куда-нибудь подальше. И пусть отец как хочет, так и разделывается с остальными.

Это на Ваську подействовало, и он согласился. Через минуту бой в кузове начался. Рефери пританцовывал перед боксерами, время от времени выкрикивая:

— Брэк!.. Бокс!.. Замечание Дудкину: удар ниже пояса...

Часть зрителей заняла ступеньки крыльца, двое стояли на задних колесах, уцепившись за борта, остальные, окружив грузовик, привставали на цыпочки и вытягивали шеи, чтобы лучше разглядеть происходящее на ринге. Радиокомментатор и фоторепортер сидели на крыше кабины. Фотограф щелкал затвором «Смены», комментатор быстро говорил в микрофон, временами употребляя выражения, которыми взрослые комментаторы не пользуются:

— Как видите, первая половина раунда прошла при явном преимуществе Дудкина. Но вот теперь Брыкин нашел в себе силы, чтобы самому перейти в наступление. Он ведет сейчас бой в жестком, атакующем стиле. Оп!.. Видели, как он врезал Дудкину прямым справа?! Оп!.. А теперь он Антошке по уху смазал... А теперь вошел в азарт и прижимает противника к кана...

Щуплый Васька, почувствовав, что он может «развить успех», вошел в азарт и не обратил внимания на то, что комментатор вдруг умолк на полуслове, а его противник, прижатый к канатам, опустил обе руки в разноцветных перчатках и смотрит куда-то мимо Брыкина. Васька ударил Антошку сначала по правой скуле, потом по левой, но тот на это никак не реагировал. Через секунду он вдруг перевалился за борт грузовика и пропал из поля зрения своего противника. Вслед за ним перепрыгнул за борт рефери, а за ним последовали комментатор с фоторепортером. Растерянно оглянувшись, Васька увидел, что все зрители разбегаются по двору кто куда, а взглянув на свой подъезд, он обнаружил, что перед дверью стоит его высокий жилистый папа и неторопливо вытягивает ремень на брюках.

— Слазь! — довольно спокойно сказал Захар Филиппович.

Васька захныкал и стал медленно спускаться по заднему колесу. Цепляться за борт руками в перчатках ему было трудно, а папаша помог ему, придержав сына под мышки. Все зрители, а также рефери, комментатор и фотограф стояли далеко в стороне, следя за тем, что будет дальше.

И вот началось!

Папаша Брыкин ухватил своего боксера за руку чуть повыше синей в белый горошек перчатки и, медленно поворачиваясь против часовой стрелки, стал неторопливо работать ремнем. После каждого хлопка верещащий Васька подпрыгивал, проносился в воздухе некоторое расстояние по дуге, а стоило ему приземлиться, следовал очередной хлопок.

Глава II

На тропе войны

Захар Филиппович не умел долго сердиться. Честно выполнив свой родительский долг, он вернулся с работы в самом благодушном настроении.

В тот вечер все семейство Брыкиных смотрело по телевизору заграничный фильм «Огненное око». Так звали вождя индейского племени ирокезов, которые ступили на тропу войны с племенем апачей. Ирокезы и апачи выскакивали из засад, гонялись друг за другом на лошадях, стреляли из старинных ружей на всем скаку, и часто какой-нибудь подстреленный всадник кувырком летел вместе с лошадью на землю. В такие моменты Васька и Зина подскакивали на стульях от возбуждения, а Вера Андреевна вскрикивала:

— Господи! Ну, как они не убьются, эти артисты! Ведь они же с лошадью кувырком!

Захар Филиппович гладил по голове то Васю, то Зину и, улыбаясь, объяснял жене, что летят кувырком не простые киноартисты, а каскадеры — люди, специально обученные таким трюкам.

Само собой разумеется, что на следующий день весь наш двор ступил на тропу войны. Все опять проходило под руководством Сени Ласточкина. Сначала ребята тянули жребий, кому быть апачем, а кому — ирокезом. Они попарно подходили к Сене и вытаскивали у него из руки по спичке. Кто вытащил целую, становился ирокезом, а кто вытащил надломленную — апачем. Сеня был мальчиком практичным, и это очень помогло ступившим на тропу войны. Часть лета он провел на даче в деревне, а хозяйка дачи в то время выдавала замуж дочь и к свадьбе готовила кур и уток. Пух птицы она собрала для подушек, а длинные перья из хвостов и крыльев у нее выпросил Сеня, считавший, что все может в хозяйстве пригодиться. И вот действительно перья теперь очень пригодились: каждому ирокезу Сеня выдавал по белому куриному перу, а каждому апачу — по темному утиному. Рядом с ним стоял Юра Кузнецов с моточком лейкопластыря и ножницами. Полоской пластыря он приклеивал ко лбу апача или ирокеза соответствующее перо так, чтобы оно торчало над переносицей.

Те же Сеня и Юра разработали правила игры. Она велась на довольно большой территории, куда входил двор нашего многоэтажного дома и всякие переулки да закоулки между обреченными на слом деревянными домишками, окружавшими наш дом. Разделившись на небольшие группы, одни индейцы устраивали засады, а другие — разведчики старались эти засады высмотреть, но так, чтобы самим не попасть в руки врагов. Обнаружив засаду, разведчики издавали воинственный клич: «Ио-хоу!» Тогда их враги должны были покинуть свое убежище, но не обороняться, а спасаться бегством, даже если они находились в большинстве. Разведчики бросались в погоню, стараясь осалить противника, осаленный считался убитым и выбывал из игры. Если разведчики зазевались, их враги, в свою очередь, выскакивали из засады с криком «Ио-хоу!», и тогда разведчики должны были удирать, чтобы их не осалили.

Аглая и Васька были ирокезами. Их группа разведчиков из пяти человек попала в засаду, и трое «погибли» под ударами апачей, а Васька с Аглаей ускользнули, потому что разведчики брызнули в самые разные стороны, и это сбило с толку преследователей.

Едва Аглая с Васькой влетели во двор большого дома, как услышали голос апача Дудкина:

— Эй! Они, похоже, к нам во двор побежали. Зинка, за мной!

А во двор только что вкатился грузовик и остановился у подъезда Брыкиных. Ирокезы увидели, как Захар Филиппович вошел в дом.

— Бежим! Туда! В кузов!..— задыхаясь, сказала Аглая, но Васька круто остановился и даже присел от возмущения.

— Аглая! Ну... ну, ты что?! Ты не видела, как меня отец вчера... Это самое?

— Лезь, говорю, дурак, идиот несчастный! Ты нас погубить хочешь?!— Это было сказано с такой яростью, и Аглая поволокла Ваську с такой силой, что тот, совсем растерявшись, покорился.

— Во-первых, твой отец приехал только-только сейчас,— пояснила Аглая, когда оба уже лежали в кузове.— Во-вторых, после вчерашнего никто из апачей не подумает, что ты снова сюда залез.

Но Аглая быстро умолкла, потому что совсем рядом с грузовиком, во дворе послышались легкие, быстрые шаги и тяжелое, прерывистое дыхание, а затем — приглушенный голос Дудкина:

— Может, они в машине прячутся?

— Что они — дураки?— так же тихо ответила апач Зинаида.— Так они туда и полезут после вчерашнего!

Зрители привставали на цыпочки и вытягивали шеи, чтобы лучше разглядеть происходящее на ринге...

Услышав это, Аглая тихонько толкнула Ваську локтем: «Что, мол, не права я была?!»

— Подъезды надо обследовать,— сказал Дудкин.

Это было делом опасным. Стекла в дверях отражали свет, тем, кто находился во дворе, было трудно разглядеть, что делается за дверью, а сидящим в засаде весь двор был хорошо виден. Поэтому апачи подкрадывались к каждой двери бочком, обтирая спиной стену. Они двинулись было к третьему подъезду, как вдруг оба замерли. И Дудкин и Зинаида одновременно увидели, как над задним бортом грузовика появилось белое перышко и тут же исчезло.

— Там они!— прохрипел Дудкин.

— Там!— шепнула Зинаида.

Оба апача уже набрали в легкие воздуха, чтобы крикнуть «Ио-хоу!», но не издали ни звука: они

увидели, как на ступеньках подъезда появилась долговязая фигура папаши Брыкина. Следом за ним вышла его жена.

— Захар! Ну, ты бы хоть горячих щей похлебал! Ведь путь-то не близкий.

— Спешу, Веруша. Бутербродами обойдусь,— ответил Брыкин, садясь в кабину.

— Захар! Ты хоть на обратном пути в какую-нибудь столовку загляни!

— Ладно, Веруша. Чего-нибудь соображу.

Коротко поныл стартер, и оцепеневшие апачи увидели, как машина выкатилась со двора, увозя двух ирокезов.

Неизвестно откуда появился Сеня Ласточкин.

— Ио-хоу!— закричал он, хватая апача Зину за рыжие косички.

— Ио-хоу!— закричал Юра Кузнецов, вцепившись в руку Дудкина.

Но апачам было не до «Ио-хоу!». Они поведали своим врагам о случившемся, и те тоже потеряли интерес к игре. Затем все четверо поклялись никому не говорить о случившемся: ведь если проболтаются они, проболтаются и другие, и Ваську постигнет ужасная кара.

Глава III

Путь в неведомое

Услышав голоса отца и матери, Васька растянулся на животе, прижавшись подбородком к днищу кузова. Аглая последовала его примеру. Растерявшиеся ирокезы не догадались выскочить из машины в то время, когда грузовик медленно двигался по двору. Но вот Захар Филиппович прибавил газа, и стало ясно, что прыгать с машины нельзя. Васька ужом прополз к правому переднему углу кузова, туда, где лежал аккуратно сложенный брезент. Аглая последовала за ним. Лежа на брезенте рядом с Васей, она пробубнила ему в ухо:

— Как только перед красным светофором остановится — сразу прыгаем!

В ответ на это Васька дотянулся до уха Аглаи и прохныкал:

— Да-а! А если папка на Московский проспект выедет и под «зеленую волну» попадет?! Он, знаешь, как по «зеленой волне» ездить любит! Он нам сам рассказывал.

Тем, кто не знает, что такое «зеленая волна», надо объяснить. В больших городах «зеленой волной» называется такая система светофоров, при которой машину всегда встречает зеленый свет, если водитель придерживается установленной скорости.

От ворот дома, в котором жили ирокезы, тянулась длинная, но очень спокойная, без всяких светофоров улица, и машина прокатилась по ней, не останавливаясь. Но вот, судя по верхушкам зданий, ребята поняли, что они приближаются к Московскому проспекту.

— Приготовились!— шепнула Аглая. Она соскользнула с брезента и по-пластунски поползла к заднему борту. Васька последовал за ней.

Но не успели они добраться до борта, как машина круто повернула налево и покатилась по Московскому проспекту. Ирокезы вернулись на брезент, и Васька уткнулся в него носом.

— Под «зеленую волну» попали!— плача пропищал он.— Вот! Вот что ты со мной наделала! Теперь меня отец...

Аглая отчетливо представила себе, как поведет себя Брыкин-старший, обнаружив их в кузове. Она понимала, что ей попадет гораздо меньше, чем Ваське, и почувствовала угрызения совести. Одной рукой упираясь в днище, а другой — уцепившись за борт, она слегка высунулась из кузова и стала смотреть вперед, надеясь, что вдруг на дороге образуется пробка или еще что-нибудь задержит водителя, он выбьется из «зеленой волны» и перед машиной вспыхнет желанный красный свет. Но мотор гудел ровно, и машина шла, не сбавляя и не прибавляя скорости. Аглая заметила, что прохожие с некоторым удивлением смотрят ей вслед, а один мальчик даже указал на нее пальцем. Скоро она догадалась в чем дело: ведь у нее на лбу красовалось белое куриное перо. Она быстро отодрала его со лба и бросила на дорогу. Так же она поступила с Васькиным пером, как только ирокез приподнял голову. После этого она легла рядом с Васькой и забубнила ему в ухо:

— Я по Московскому проспекту ездила и по Московскому шоссе тоже. Скоро проспект кончится и начнется шоссе, а там — пост ГАИ, и машины останавливают для проверки. Вот тогда мы и соскочим.

От такого «утешения» Ваську охватило еще большее отчаяние.

— Соскочим, соскочим!— снова заплакал он, потом объяснил: если гаишники увидят, как они выпрыгнут, у отца будут большие неприятности за то, что он возит в кузове людей, и уж тогда он не пощадит даже Аглаю, не говоря уже о собственном сыне.

К счастью, с постом ГАИ все обошлось благополучно. Захар Филиппович слегка сбавил скорость, ожидая, что его остановят, но его не остановили, и он покатил дальше со скоростью уже не в шестьдесят, а в восемьдесят километров в час.

Шофер Брыкин очень любил ездить за город по шоссе. В городе постоянно надо следить за светофорами, за машинами, идущими впереди или сзади, за тем, чтобы не сунулся под колеса рассеянный пешеход... А здесь — езжай себе с одной и той же скоростью, не опасаясь никаких неожиданностей. Если бы ирокезы осмелились заглянуть в кабину через заднее стекло, они бы увидели, как Захар Филиппович, придерживая баранку одной рукой, вынул из кармана сверток с бутербродами и принялся закусывать. Покончив с трапезой, он запел. У него был хороший слух и приятный бас, за что его ценили в хоровом коллективе Дома культуры. Пел он в своей кабине во весь голос, так что ребята могли услышать: «Из-за острова на стрежень, на простор речной волны выплывают расписные острогрудые челны».

Васька впал в глубокую депрессию и лежал на брезенте, равнодушный ко всему. Но Аглая не теряла бодрости духа. Она опять стала приподниматься и поглядывать на то, что делается за бортом. Перелески сменялись полями, поля — деревнями и небольшими поселками с каменными домами...

Закончив песню о Стеньке Разине, Захар Филиппович исполнил «Славное море священный Байкал», затем «Есть на Волге утес», потом перешел к классическому репертуару: вслед за арией Кончака последовала ария Мефистофеля, затем совсем, совсем незнакомая Аглае песня, исполненная на каком-то иностранном языке. Сколько они уже проехали, Аглая не могла понять: километровые столбы стояли по другую сторону дороги, но она не догадалась туда посмотреть.

Но вот пение Захара Филипповича оборвалось. Машина катилась теперь не по шоссе, а по довольно

оживленной улице с небольшими, но каменными домами, с асфальтированными тротуарами и витринами магазинов. Они ехали по этой улице довольно долго, и Аглая с тоской ожидала, что этот городок или поселок скоро кончится и снова потянутся поля да леса.

Внезапно Захар Филиппович притормозил, и машина стала медленно заворачивать в аллею, по сторонам которой росли пышные голубые ели. Аллея оказалась короткой. Проехав метров тридцать, грузовик остановился перед железными воротами с вывеской над ними: «Завод «Электрик». Захар Филиппович просигналил.

— Чего лежишь?! Бежим!— шепнула Аглая.

Быстро и бесшумно, как мыши, ирокезы шмыгнули к заднему борту и буквально вывалились из кузова, причем Васька сильно ушиб себе правую ягодицу. Когда машина въехала на территорию завода, стальные одностворчатые ворота бесшумно задвинулись за ней, а ирокезы уже спрятались в густых ветках голубых елей. Как видно, у вахтера завода был приемник, и оттуда послышалось:

— Московское время четырнадцать часов. Передаем информационную программу на волне «Маяка».

— Значит, так,—быстро заговорила Аглая,—значит, когда он выедет, он на всем ходу заворачивать на улицу не будет, и мы, значит, подбегаем, я тебя подсаживаю, потом ты мне руку подаешь — и поехали!

— Да-а!— заныл Васька.— А вдруг он доверху будет нагружен! Как мы тогда?

Аглая рассердилась.

— Ну, чего раньше хныкать-то?! А вдруг он только наполовину нагруженный!.. И... и в крайнем случае крикнем ему, попросим прощения... Попадет, конечно, но он возьмет нас в кабину.

Аглая заметила, что прохожие с некоторым удивлением смотрят ей вслед. Скоро она догадалась, в чем дело: у нее на лбу красовалось белое куриное перо.

Услышав такое, Васька перестал хныкать, он просто взвился от возмущения. Ведь Аглая мелет такую чушь, потому что не знает его отца, не знает, как он страшен в своем гневе. Конечно, добавил Васька, отец будет жалеть потом о таком своем поступке, но будет уже поздно.

Аглая вспомнила долговязую фигуру Брыкина-старшего, его суровое лицо с длинным подбородком и подумала, что Васька, пожалуй, прав и обращаться за помощью к Захару Филипповичу не следует.

Ирокезы услышали, как диктор «Маяка» объявил, что по московскому времени уже четырнадцать часов тридцать минут, потом он сказал, что уже ровно пятнадцать часов, а машина Брыкина не появлялась. Давно прошла пора обеда, и животы ирокезов сводило от голода.

Но вот диктор сообщил, что по московскому времени уже пятнадцать часов тридцать минут, а еще примерно через минуту Аглая сквозь ветки увидела, как стальная створка отошла в сторону, и в аллею выехал знакомый грузовик. Как только машина миновала ребят, они побежали за ней. Сначала им обоим показалось, что им очень повезло. Во-первых, только передняя часть кузова была загружена какими-то контейнерами, а сзади оставалось совершенно свободное пространство; во-вторых, эти контейнеры загораживали заднее стекло кабины, и шофер не мог увидеть, как ирокезы лезут в кузов. Мало того, перед тем как повернуть на улицу, машина не только замедлила ход, но и совсем остановилась, пропуская идущий по улице транспорт.

Васька подпрыгнул, но схватиться руками за верхний край борта не смог. Оба понимали, что забираться по заднему колесу нельзя; грузовик мог тронуться каждую секунду. Аглая обхватила Ваську руками за бока и за живот, попыталась поднять его, но тут же убедилась, что это ей не под силу. Тогда она слегка оттолкнулась и уперлась руками в кузов.

— Лезь по мне! Забирайся! Скорей!

— Аглай!.. А ты как?

— Лезь, дурак! Я тебя втравила в это дело, я и...

Аглая не договорила. Васька вскочил верхом на нее и полез по ней наверх, цепляясь сначала за плечи, потом за шею, потом за голову. В тот момент, когда он ухватился за верхний край борта, машина внезапно тронулась, Аглая упала носом в землю, а Васька поехал, вися на кузове.

Вскочив, не замечая, что ее нос поцарапан и в грязи, Аглая выбежала на улицу и увидела ужасную картину: грузовик уже двигался по улице на полной скорости, а Васька, продолжавший висеть на кузове, задирал то правую ногу, то левую, тщетно пытаясь нащупать для них какую-нибудь опору.

На счастье, метрах в полуторастах от Аглаи был перекресток и там образовался какой-то затор. Захар Филиппович был вынужден остановиться. Васька спрыгнул на землю и, прихрамывая (болела ушибленная ягодица), побежал в сторону знакомой аллеи. По дороге одна из прохожих схватила его за плечо:

— А ну, где живешь? Пойдем, пойдем к мамке, она тебе покажет, как на улицах цирк показывать!

Аглая обхватила Ваську за бока и живот, попыталась поднять его, но тут же убедилась, что это ей не под силу.

— Не к мамке его надо, а в милицию,— заметил другой прохожий.— Пусть не хулиганничает.

Глава IV

Страшная правда

Ваське удалось увернуться от женщины, и он, задыхаясь и прихрамывая, добежал до Аглаи. Та была очень зла.

— Ну, ты и лопух!— цедила она сквозь зубы.— Ну, и лопух! Я из-за него собой жертвовала, решила здесь остаться, а он... а он только ногами сучил!

— Аглай! Там ничего такого не было, чтобы ногой упереться.

— Врешь! Я даже издали видела, как из-под кузова какая-то железяка торчала.

— Аглай!.. Ну, ладно, ну я растерялся... Аглая, а что мы теперь делать будем?

Аглая помолчала, идя рядом с Васькой по довольно людной улице, потом сказала:

— Сначала надо узнать, куда это нас занесло.

Ребята подошли к киоску Союзпечати, возле которого стоял интеллигентного вида старичок, просматривая газету. Аглая обратилась к нему:

— Извините, пожалуйста!— сказала она сладеньким голоском.

— Я слушаю,— ответил старичок, глядя на Аглаю поверх газеты.

— Вы не можете сказать, как называется вот это...— Аглая повела ладонью туда и обратно —...где мы сейчас находимся?

— Гм!.. Я тебя не совсем понимаю, девочка.

— Ну, вот это... этот населенный пункт, где мы сейчас...

Старичок снял очки, сунул их в нагрудный карман и только тогда ответил:

— Этот населенный пункт, девочка, называется городом Задольском,— не торопясь отчеканил он и вдруг оживился.— А почему ты меня спрашиваешь, девочка? Ты сама-то откуда? И где твои родители?

Аглая смекнула, что разговор не стоит продолжать. Она дернула за рукав Ваську, и оба пустились бегом от старичка, который по возрасту не мог их преследовать.

Ребята свернули в тихий переулочек. Здесь дома стояли маленькие, большей частью деревянные. Тротуары были асфальтовые, а проезжая часть — грунтовая.

— С этими взрослыми лучше не связываться,— проворчала Аглая.— Ты им один вопрос задашь, а они тебе — десять.

Уступая дорогу нескольким взрослым прохожим, Аглая увидела, наконец, девочку примерно ее возраста, которая шла с алюминиевым бидоном в руке.

— Девочка, ты здешняя?

— Здешняя,— ответила девочка. Но она смотрела не на Аглаю, а на ее курточку из голубой синтетики. Дело в том, что на этой курточке красовались четыре большие пуговицы. Они тоже были голубые, и на каждой из них был изображен один из героев популярных мультфильмов: крокодил Гена, Чебурашка, Заяц и Волк.

— Отсюда до Энска далеко?— спросила Аглая.

— До Энска?— машинально переспросила девочка, продолжая смотреть на пуговицы Аглаи.

— Я говорю, отсюда далеко до Энска?

— Километров сто с чем-то.

Аглая и так понимала, что они заехали довольно далеко, но услышав слова: «километров сто с чем-то»,— она содрогнулась. Девочка продолжала зачарованно смотреть на Аглаину куртку.

— Где ты купила такие пуговицы?

— Подарили,— нетерпеливо ответила Аглая.— А как отсюда добраться до Энска?

— Можно автобусом, а можно электричкой. А такие пуговицы где продаются?

— Пока нигде. Опытная партия. А как до станции дойти, до электрички?

— Туда не дойти. Туда надо автобусом ехать. А когда эти пуговицы будут продавать, не знаешь?

— Не знаю. А далеко на автобусе до электрички?

— До станции Масловка девятнадцать километров. А у тебя таких пуговиц лишних нет?

Аглая сказала, что лишних пуговиц у нее нет и спросила у девочки, где остановка автобуса, та ответила и простонала, удаляясь:

— Ой, какие пуговицы!

Денег у ребят не было ни копейки, но Аглая считала, что если им удастся проехать зайцами в автобусе, то в электричке они уж как-нибудь проедут. На остановке автобуса она дала Ваське указания:

— Слушай внимательно! Когда автобус подойдет, входим через переднюю дверь и стоим на самой нижней ступеньке, наверх не лезем. Понял? Там нас кондукторша не заметит. Повтори, что я сказала!

Васька повторил, но скоро Аглая поняла, что она не учла одного. Автобус подошел, ребята вошли и остановились на самой нижней ступеньке. Но створки двери, закрываясь, прихлопнули ирокезов, и тем пришлось подняться выше. Пассажиров было мало, и кондуктор быстро заметила ребят.

— А у вас, молодые люди, проездной или служебный?— сказала она на весь салон.

Пассажиры негромко засмеялись.

— Конечно, служебный,— сказал один из них.— Вы что, сами не видите?

Кондуктор подхватила шутку.

— Вот и я думаю, что служебный. Скорей всего они сотрудники милиции, только в гражданское переоделись. Вот через остановку будет отделение, мы их туда и доставим.

Аглая понимала, что в милицию их сейчас не отправят, но понимала также, что продолжение поездки — дело бесполезное и небезопасное. На первой же остановке ирокезы покинули автобус.

— Эй! Молодые люди!— крикнула им веселая кондукторша.— Вы рано сошли, ведь вам на следующей!

За окнами автобуса проплыли лица смеющихся пассажиров. Ирокезы остались на тротуаре одинокие и голодные.

Васька тронул Аглаю за плечо.

— Аглай!.. Ну, что теперь будем делать?

Аглая смотрела в ту сторону, откуда они приехали.

— Подождем, когда народ с работы поедет. Вот тогда и влезем. И нас, может, не заметят.

— Мне все равно пропадать.

— Чего пропадать?

— Когда мы приедем, будет уже темно. Отец спросит: «Ты где это шлялся?» И за ремень...

Аглая помрачнела. Она понимала, что Васька прав, понимала, что ее дома тоже спросят: «Где тебя черти носили?» Но за себя она не боялась. Ее мучила совесть при мысли об участи, которую она уготовила Ваське.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Е. ВЕЛТИСТОВ,
лауреат Государственной премии СССР

ПЛАНЕТА ДЕТЕЙ

Окончание. Начало в № 6.

Зловещие игры

В марте 1982 года в подвале Белого дома проводилась репетиция ядерной войны. На огромных экранах — изображения континентов и океанов. На них разбросаны американские вооруженные силы. Ракетные базы, флоты, атомные подлодки, авианосцы взяли в свое кольцо СССР. Генералы, сидя у телефонов, руководят действиями военной машины. Разыгрывается сцена: СССР якобы нападает на американские войска в Западной Европе, в Корее и в Персидском заливе. За зловещим спектаклем наблюдают президент США Рейган и его помощники. Рядом с ними человек, исполняющий в этой игре роль президента, и другой — «вице-президент».

На пятый день военной игры «президент» отдал приказ применить ядерное оружие. Следует ответный удар. На место «погибшего президента» заступает «вице-президент», который поднимается в воздух на специальном самолете, чтобы продолжать войну.

Рейган был доволен репетицией: США, как сказали ему, выдержат затяжную ядерную войну. В директиве, которую он подписал, утверждался «обезоруживающий удар» по противнику. Иными словами, американской армии разрешалось первой применить ядерное оружие.

В Белом доме любят рассуждать о борьбе между добром и злом. Там часто говорят о мирной стране, которая борется против империи зла. Под «мирной страной», конечно, подразумевают США, под «империей зла» — СССР.

Все это, разумеется, ложь. История Советской страны — это история неустанной борьбы против военной угрозы. Советский Союз после второй мировой войны внес более ста предложений, направленных на укрепление мира.

Мальчик и компьютер

Герой американского фильма — обыкновенный школьник. Играя дома с мини-компьютером, подросток подсоединяет его то к телефонной линии, то к вычислительной машине школы, где он учится, и исправляет свои плохие оценки.

Мальчик разгадывает коды различных машин и наконец вступает в контакт с мощной электронно-вычислительной машиной (ЭВМ). На домашнем экране возникает список игр, которые предлагает неизвестная ЭВМ. Школьник выбирает военную игру «Термоядерная война». Таких видеоигр в США продается немало, и неудивительно, что мальчик захотел сражаться на телеэкране с неизвестным противником.

Он и не подозревает, что подключился к ЭВМ министерства обороны Соединенных Штатов, что он по условиям введенной в машину программы выступает за противника, за русских, что каждый его новый ход приводит в боевую готовность настоящие, а не игрушечные ракеты.

В последний момент, узнав истину, маленькому герою фильма удается сбить с толку ЭВМ, переключив ее на головоломку, не имеющую решения...

Эта лента с успехом показана во многих странах. Она убеждает: в наш век достаточно и случайности, чтобы произошло непоправимое. Это предупреждение тем, кто готовит будущую ядерную войну. И тем, кто выпускает, казалось бы, безобидные электронные видеоигры про войну.

Человечество не забыло

Много лет спустя после первой мировой войны бельгийский крестьянин срубил старое дерево и присел отдохнуть на свежий пень. Его нашли мертвым через несколько часов. Горчичный газ, примененный в войну немцами, впитался в древесину и продолжал действовать.

Не исчезнут бесследно страшные раны на телах вьетнамских стариков и детей от сброшенных американцами напалмовых бомб.

Человечество никогда не забудет, что во вторую мировую войну погибли миллион восемьсот тысяч детей, которым не исполнилось шестнадцати лет. А после войны в Европе осталось тринадцать миллионов детей-сирот. Представьте, тринадцать миллионных городов, населенных сиротами.

Человечество всего этого не забыло. Оно не хочет, чтобы ракеты с ядерными боеголовками угрожали существованию нашей планеты.

Космический зонт

О планах космического вооружения президент США уведомил человечество в 1983 году. Его выступление по телевидению журналисты назвали «речью о звездных войнах».

Не в кинофантастике, а на реальной земной орбите США решили разместить космические военные станции. Цель их — уничтожить советские ракеты после того, как будет нанесен первый, «разоружающий» ядерный удар по русским.

Ракетно-ядерное нападение на нас названо «обезглавливанием» противника. Но любой ядерный удар вызовет ответное «обезглавливание»: ведь СССР не отмолчится. Вот тут-то, по мнению авторов «космического зонта», на ракеты русских обрушатся электронно-пучковые пушки, лазерные пулеметы, ядерные мины... Кстати, многие из этих видов оружия уже разрабатываются.

И генералам выделяют на новое оружие фантастические средства: военно-космические расходы растут из года в год.

Сценарий космических войн был разработан Пентагоном. Чтобы скрыть эти человеконенавистнические планы, генералы говорят о «безобидных научных изысканиях».

Но все больше людей спрашивают: «Почему

космическое оружие объявляется «безобидным»?»

Вашингтонская администрация не дает ответа на эти ясные вопросы и продолжает упорно развивать программу «звездных войн».

Кузница оружия

Штат Калифорнию называют «кузницей войны». Именно там создавались и испытывались атомная и водородная бомбы. Ныне тысячи калифорнийских фирм работают на Пентагон. Есть фирмы, которые делают все: от противотанковых ружей до ракет. Есть и такие, которые выпускают только танки или самолеты. Доходы у фирм астрономические. Один из руководителей военной компании издал даже специальный бюллетень под названием «Деньги с неба». Для него они действительно сыплются с неба.

Новой военной техникой США снабжают своих союзников, получая баснословные прибыли. На заводах Калифорнии трудятся тысячи людей. И хозяева военных фирм изобретают еще одну ложь, опасаясь за свои доходы: а что, если все эти рабочие, техники, инженеры, ученые потеряют однажды свою работу?

Популярной у американских бизнесменов стала фраза одного калифорнийского политического деятеля, сказанная им в запальчивости: «Что станет с нашей экономикой, если вдруг разразится мир?»

Как видно, хозяева оружия задумываются всерьез, что с ними будет, если мир воцарится навсегда на всей планете.

На следующий день

На экране — небольшой городок на Среднем Западе США, возле которого расположена ракетная база. Люди занимаются повседневными делами. Все обыденно, даже объявление по телевизору о новом «конфликте с русскими» никто не воспринимает всерьез. Так начинается американский фильм «На следующий день».

Но вот пришла в движение военная машина. В воздух поднялся штабной самолет, заработали компьютеры, открылись люки подземных шахт...

На улицах ошеломленные прохожие видят, как стартуют в безоблачное небо одна за другой ракеты с военной базы. Только сейчас жители города начинают понимать: а вдруг последует возмездие с Востока?

И вот все испепеляется в огненном вихре. Бетон и сталь горят как солома. Люди вспыхивают факелами, превращаются в тени, в ничто. Белый пепел покрывает все вокруг.

Наступает следующий день после катастрофы. Немногие оставшиеся в живых, как призраки, бродят среди руин...

Фильм «На следующий день» сначала показали в студенческом городке Лоренсе штата Канзас, где проходили съемки. Сотни зрителей, сами принимавшие участие в массовых сценах, смотрели на экран молча. В зале все полтора часа стояла тишина. Люди расходились после сеанса, избегая вопросов репортеров.

Фильм заставил в США многих задуматься: где искать выход? Ведь ракеты стоят наготове в подземных шахтах рядом с их домами...

Программа мира

Советское государство родилось под знаком ленинского Декрета о мире. Впервые в истории появился закон о мире и мирном сотрудничестве государств. На второй день после победы Великой Октябрьской социалистической революции — 26 октября 1917 года — на съезде Советов выступил Владимир Ильич Ленин. Его доклад был о мире. Съезд принял Декрет о мире. Декрет объявлял войну «величайшим преступлением против человечества», торжественно заявлял о решимости Советского правительства приступить к переговорам со всеми народами о заключении всеобщего справедливого мира.

С тех пор Коммунистическая партия разрабатывает и осуществляет Программу Мира. Сохранение мира на Земле в наши дни и в будущем — главная задача внешней политики СССР.

После второй мировой войны начался небывалый подъем антивоенного движения. Была создана Организация Объединенных Наций, основная цель которой поддержание мира и безопасности между государствами. Учрежден Всемирный Совет Мира, другие международные организации. Стали проводиться Всемирные фестивали молодежи и студентов.

Кровавая война, атомные взрывы пробудили сознание сотен миллионов. Коммунистические и демократические силы в разных странах помогали людям разобраться в опасности, понять, откуда она исходит и как ее предотвратить. Спустя несколько десятилетий это движение насчитывало миллионы людей.

Сразу после окончания второй мировой войны Советский Союз предложил запретить производство и применение ядерного оружия. Это предложение было отклонено Соединенными Штатами Америки.

Неоднократно наша страна ставила вопрос о всеобщем и полном разоружении — прежде всего о значительном сокращении ядерных вооружений, хотя бы наполовину.

В ответе корреспонденту ТАСС на вопрос, как не допустить возможности войны, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал: «Наша цель — полное и всеобщее прекращение испытаний ядерного оружия, а не какая-то передышка между взрывами».

Советский Союз 30 июля 1985 года принял важное для судьбы всего мира решение: временно прекратил любые ядерные испытания. Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС о временном прекращении ядерных испытаний вызвало понимание, энтузиазм, прилив жизненных сил всей честной и думающей планеты.

Сначала мы назвали в заявлении срок прекращения испытаний до 1 января 1986 года, затем его продлили. Но США не вняли голосу разума. Ядерные испытания продолжались.

Всякому терпению есть предел. Безопасностью Родины, судьбой социализма мы рисковать не можем. Мы пытаемся внушить правительству США и их союзникам: нужен иной, смелый взгляд на понятия: война и мир. В ракетно-опасный ядерный век мир не может держаться на привычной военной мощи и запугивании друг друга. Коммунисты никогда не хотели решать исторический спор с капиталистами силой оружия. Социализм доказывает и докажет свои преимущества силой примера.

Как известно, в ноябре прошлого года в Женеве состоялась советско-американская встреча в верхах. Советский Союз готовился к диалогу с Америкой серьезно. Были разработаны важные мирные предложения. Они неоднократно потом разъяснялись и расширялись в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС, других руководителей партии и государства.

Михаил Сергеевич Горбачев рассказал в Женеве журналистам, какое впечатление произвели на него письма из Советского Союза, США, стран Европы, Азии и Африки — от детей, женщин, мужчин, от ветеранов нескончаемых войн. Он привел и такой факт: сегодня только в одной Латинской Америке голодает огромное количество людей, и половина из них дети. Если сократить лишь на 5—10 процентов мировые военные расходы, то можно обеспечить достаточное питание и детям, и взрослым.

Основной вывод советско-американской встречи: надо научиться великому искусству жить вместе.

И тем не менее США продолжили ядерные взрывы.

С трибуны XXVII съезда КПСС вновь прозвучал призыв о полной ликвидации ядерных и всех других видов вооружений, прекращении ядерных испытаний, создании новой системы международной безопасности. Речь, можно сказать, шла о судьбах человеческой цивилизации, сохранении жизни на Земле, о решающей роли в этом глобальном деле стран социализма. Человечество должно войти в третье тысячелетие без оружия.

«Я верю отцу...»

Останкинская телестудия через космос соединяется с Вашингтоном. У телекамер — крупнейшие ученые СССР и США. Разговор предстоит серьезный и ответственный: какие последствия может принести миру внезапная ядерная война?

Готовясь к встрече, советские и американские ученые независимо друг от друга провели исследования и расчеты и пришли к одинаковым выводам. Выводы эти суровы и печальны, как печален и ответ одной маленькой девочки. Ее спросили, как она представляет себе войну. Девочка ответила: «Не будет ни папы, ни мамы, ни меня».

В каждодневной жизни мы все избегаем мыслей о чьей-либо, своей, а тем более массовой гибели. Естественно желание человека жить, радоваться, любить. Очень непросто было рассуждать ученым на глазах у миллионов зрителей о так называемой ядерной зиме. Но ответственность науки за судьбу человечества исключительно велика.

Ученые считают, что любая ядерная война нанесет непоправимые удары природе. Планету окутают непроницаемые тучи пыли, золы, сажи. Наступит ночь, а с нею придут сильные холода. На всем земном шаре, в том числе в тропических странах, температура упадет на 20—30 градусов. Ядерная война приведет к ядерной зиме.

Специалисты с мировыми именами — физики, биологи, генетики, астрономы, метеорологи, которые выступали в передаче,— были единодушны в своем мнении: «Ядерная война недопустима...»

Зарубежные газеты приводили слова вице-президента Академии наук СССР Е. П. Велихова, кото-

рый вел это необычное собрание ученых: «Ядерные устройства не могут являться ни орудием войны, ни орудием мира. У человечества нет шансов вечно жить с бомбой. Либо мы уничтожим бомбу, либо она уничтожит нас».

В другой космической телепередаче главными участниками были школьники. Разговор шел об их будущем. Был приведен такой пример: в одной американской школе учитель спросил двенадцатилетних учеников, кто из них хочет стать взрослыми. Девятнадцать из двадцати школьников ответили, что не доживут до этого из-за ядерной войны. И только один мальчик ответил, что отец отстоит мир, потому что верит в него и борется за него. «А я верю отцу»,— сказал он.

Дети в московской и калифорнийской студиях вместе смотрели отрывки из любимых фильмов, от души пели и танцевали, много смеялись. Казалось, они забыли обо всем плохом в мире. Но вот все камеры выхватывают то одно, то другое задумчивое лицо. Дети внимательно слушают взрослых, вглядываются в будущее: какое оно? А взрослые говорили о борьбе добра со злом, о непременной победе добра. И дети верили своим отцам.

Когда передача кончилась, никто не хотел расходиться. Камеры продолжали трансляцию. Взволнованные голоса летели с экрана:

— Это лучший день в моей жизни...

— Мы будем и дальше встречаться...

...Новый космический телемост переброшен между Москвой, столицей Дании Копенгагеном и американским городом Бостоном. Ученые встретились на телеэкранах в честь столетнего юбилея великого датского физика Нильса Бора, предупреждавшего еще в сороковые годы американское правительство о последствиях применения атомного оружия. Нильс Бор призывал: «Устранить препятствия на пути к мирному сосуществованию между нациями... Достижение этой цели, которая накладывает на наше поколение серьезнейшую ответственность перед будущим, конечно, зависит от позиции всех людей мира». Это было сказано через пять дней после трагедии Хиросимы.

Ученые разных стран — ученики и последователи Бора — продолжают развивать его мысли исходя из современной обстановки. Вот отрывки из выступлений крупнейших научных специалистов нашего времени.

Профессор В. Вайсхопф, который когда-то участвовал в создании атомной бомбы в Лос-Анджелесе (США):

— Две великие державы должны по-новому посмотреть на ситуацию. Надо выработать новые позиции.

Академик Е. П. Велихов (СССР):

— Мой вывод: надо начать думать совсем поиному, чем прежде. Сегодня главный враг — ядерная война. Необходимо объединить все наши силы и принципиально прекратить разработку космических видов оружия.

Профессор К. Шагс, лауреат Нобелевской премии (Бразилия):

— В моей стране опасность ядерной войны стала осознаваться только тогда, когда люди поняли, что и южное полушарие может оказаться объектом нападения. Я думаю, наши страны готовы подписать нужные документы.

Американский профессор Р. Гарвин — человек, который сконструировал первую водородную бомбу в США:

— Важно срочно выработать соглашения, запрещающие космические вооружения и испытания противоспутникового оружия. Лично я думаю, что вооружения можно сократить на 50 процентов в течение одного года или двух лет. Давайте не ждать.

Академик С. Т. Беляев (СССР):

— Мы с вами не просто ученые, но и люди. А простые люди понимают друг друга. Понимают, каким образом избежать войны!

Видите, даже некоторые создатели ядерного оружия открещиваются теперь от него, заботясь о мирном, солнечном утре планеты.

Планета детей

Почему дети рисуют траву зеленой, небо синим, а солнце оранжево-красным? Потому что они на самом деле такие. Очень часто рисунки венчает слово «мир». Это мир, в котором мы живем, это мир,

к которому стремимся. Голубой парус мечты мчит нас в будущее.

Двадцатый век самый могущественный в истории. Мирный атом, передача информации на любые расстояния, удивительные открытия умножили силу человечества. Надо только сосредоточить все силы, все средства для мирного вступления человечества в двадцать первый век...

«Мы исходим из того, что главное направление борьбы в современных условиях — создание достойных, подлинно человеческих материальных и духовных условий жизни для всех народов, обеспечение обитаемости нашей планеты, рачительное отношение к ее богатствам. И прежде всего к главному богатству — самому человеку, его возможностям. Вот здесь мы и предлагаем соревноваться с системой капитализма. Соревноваться в условиях прочного мира»,— сказано в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии.

Советская страна, мир социализма дают всем народам пример развития. Коммунистическая партия Советского Союза разработала масштабные планы экономического и социального развития страны до 2000 года. Наше будущее определяется уже сегодня: именно мы начали осуществлять энергетическую, продовольственную, сырьевую, экологическую и другие программы глобального характера, начали осваивать Север, Нечерноземье, Сибирь, целину, океан. Стройки наших пятилеток — часть грандиозного силуэта грядущего века.

Мы строим будущее на основе ускорения социально-экономического развития страны.

Ускорение — настоятельное требование времени.

Только путем ускорения возможно создать условия для всестороннего развития человека.

Только путем ускорения социализм может одержать верх в историческом соревновании с капитализмом.

Только путем ускорения можно достичь вершин коммунистического общества.

Только путем ускорения возможно защитить завоевания социализма и предотвратить ядерную войну.

В новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза сказано, что предотвратить войну, уберечь человечество от катастрофы можно. В этом историческое призвание социализма, всех прогрессивных, миролюбивых сил нашей планеты. Программа нашей партии — программа мира и созидания.

Предотвратить катастрофу поможет человеческий разум, людская солидарность.

Ромеша Чандру, президента Всемирного Совета Мира, спросила маленькая внучка:

— Дедушка, ты веришь, что победишь войну?

— Верю,— ответил дед.

Он знает: никогда еще идеи мира не были так близки, так важны человечеству, как в наши дни.

Первый урок каждого нового учебного года в советских школах — Урок Мира. Это взгляд из сегодняшнего дня в будущее. Через призму прошлого. А недавнее наше прошлое — победа над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом — учит, что уничтожить социализм не удастся. Именно социализм гарантирует мир народам Земли, Планете детей. И это главный Урок Мира.

В Комитет молодежных организаций СССР поступило письмо тринадцатилетней американской девочки Камиллы Тэйлор. Камилла с друзьями собрала более четырех тысяч подписей за ликвидацию ядерного оружия. Этот документ направлен правительству США.

«Камилла, протягиваем тебе руку дружбы!» — телеграфировали Камилле Тэйлор в штат Огайо московские школьники. Они сообщили, что все ребята школы, участвуя в трудовых делах, перечисляют заработанные деньги, в Советский фонд мира.

«Из рассказов близких, бабушек и дедушек мы знаем, что такое война,— телеграфировали в американский город Кливленд Камилле Тэйлор ребята Сещенской средней школы Брянской области.— Наша брянская земля была разорена и сожжена фашистами. Пусть всегда будет мир!»

А из 39-й киевской школы Камилле сообщили, что собрано семь тысяч подписей за мир. Телеграмму венчали слова: «Мы, дети, должны помочь взрослым уберечь Землю от войны!»

Вы знаете, что у нас гостила американская школьница Саманта Смит. Жизнь ее трагически оборвалась. Но Саманта успела рассказать миллионам американцев правду о Советском Союзе.

А недавно в США побывала пятиклассница Катя Лычева. Она покорила всех честных людей Америки своей верой, верой всех советских людей в то, что мир победит войну.

Всюду слышно на всех языках:
«Мы хотим мира!»
«Не дадим взорвать мир!»
«Салют, мир!»

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

ПОСОЛ МИРА

Конечно, вы, дорогие наши читатели, хорошо знаете из газет, радио и телепередач о том, что одиннадцатилетняя московская школьница Катя Лычева получила специальную премию имени Саманты Смит, учрежденную организацией «Дети как миротворцы», и в конце марта отправилась в двухнедельную поездку по Соединенным Штатам Америки с миссией мира.

Там, за океаном, ей было нелегко. Американцы помнили Саманту Смит, маленького посла мира, решившую теплом своего сердца растопить холод недоверия между нашими народами. Помнили и невольно сравнивали, всматриваясь в каждый жест Кати: какая она, эта советская девочка? С чем приехала к нам?

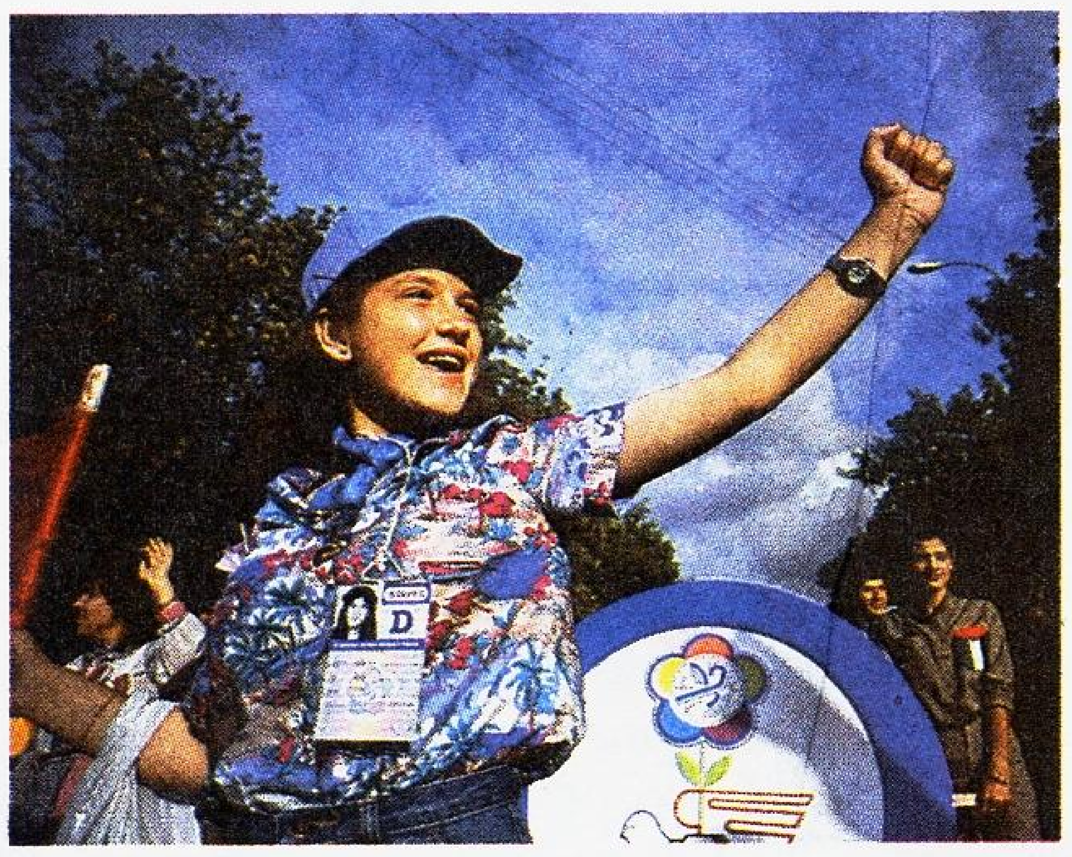
А советская девочка решала задачи на уроке математики в чикагской школе, бродила с новыми друзьями по Диснейленду — городку сказок в штате Калифорния, весело разговаривала по-английски с мэром Вашингтона — столицы Соединенных Штатов, пела с радушными хозяевами песни о мире, чистом небе, о том, что все народы должны подружиться.

А еще Катя Лычева встретилась с президентом Рональдом Рейганом и сказала ему, что советские люди, и большие, и маленькие, так же хотят мира, как и американцы. Она вручила американскому президенту подарок от советских детей — смеющийся земной шар с голубем в руках. Эту игрушку сшили читатели нашего журнала из города Марганец Днепропетровской области.

Перед отъездом в Америку Катя побывала у нас в редакции и обещала рассказать на страницах «Пионера» о своей поездке и самом интересном, что увидит в США.

В одном из следующих номеров ждите рассказ о Кате.

За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!



С 27 июля по 3 августа 1985 года в Москве проходил XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Этот форум собрал более 20 тысяч молодых людей самых различных политических и философских взглядов из 157 стран. Минул год. Кажется, совсем немного. А сколько всего сделано! Ширится движение молодежи за мир во всем мире. Как эхо фестивального звездного марша — марши мира во многих странах. Все больше и больше молодых людей подают свои голоса за полное запрещение ядерного и любого другого оружия массового уничтожения.

И в 1986 году, в Международный год мира, который принял эстафету у Года молодежи, звучит лозунг XII Всемирного — «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!».

ДРУЖБА В ПОДАРОК

Летние деньки... Разными они бывают. Вот только что солнышко светило вовсю, и вдруг ливень пролился. Переменчива была погода прошлым летом. Но не помешала она развеваться многоцветным флагам, маршировать мирным маршам по проспектам Москвы, не помешала молодым людям со всего света подружиться. Тогда в фестивальную Москву приехали не только юноши и девушки, но и дети. Они стали полноправными участниками фестиваля.

Сегодня, спустя год, когда каждый из нас в полной мере осмыслил, что такое для него фестиваль, что стало в нем самым важным и дорогим, стоит вернуться к тем дням.

...Итак, XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в самом разгаре. В Молодежном центре ЦК ВЛКСМ «Олимпиец» работает детский фестивальный лагерь. Пятьсот ребят из пятидесяти четырех стран приехали сюда. Хозяева — около ста советских пионеров. В программе: участие ребят в церемониях открытия и закрытия фестиваля, в многочисленных митингах; посещение дорогих сердцу каждого человека мест, связанных с именем Владимира Ильича Ленина; экскурсии в музеи и на выставки; торжественные лагерные линейки; слет юных борцов за мир; спортивные праздники, концерты и многое другое...

Мы с вами заглянем только в один день из жизни детского фестивального лагеря.

Утро... Фестивальный лагерь пробуждается. Звучит песня «Пусть всегда будет солнце». Ребята торопятся на зарядку. Построились. Начали... Как здорово! Мальчишки и девчонки из разных стран, говорящие на разных языках, дружно, вслед за тренером, выполняют упражнения. Потом завтрак. Потом линейка.

Казалось бы, обыкновенное утро. Отчего же мальчишки и девчонки в таком приподнятом настроении? Секрет несложный. Это не просто утро нового фестивального дня: день пройдет под девизом «Дети мира в борьбе за мир, предотвращение войны и разоружение».

Вот программа: поездка в Москву, отрядные сборы, конкурс рисунков... А ближе к вечеру ребята заложат памятник «Мир детству» и посадят целый яблоневый сад «Мир и Дружба».

Еще они обсудят проект и примут Обращение к делегатам фестиваля. Каждый может поставить свою подпись под этим Обращением на разноцветных шелковых ленточках.

А пока в отрядах начался сбор. Главная его тема — борьба за мир. Послушаем, что говорят ребята.

Мухамед Джумблат (Ливан). Я член детской организации Демократического союза молодежи Ливана. И здесь, в фестивальном лагере, я не перестаю думать о своей родине, где проливается кровь мирных людей, где зверствует сионизм. Когда я вернусь, я буду защищать родину в рядах Ливанского Сопротивления. Я благодарен СССР и всем тем, кто поддерживает нас в нашей справедливой борьбе и желает мира во всем мире.

Мартина Либед (ФРГ). С семи лет я участвую в работе детской организации «Юные пионеры». Сегодня мы были у могилы Неизвестного солдата. Это памятник всем советским людям, в том числе и детям, которые погибли во время второй мировой войны. Нам всем надо хорошо знать, что такое фашизм и империализм. В моей стране американское правительство разместило ракеты «Першинг». Многие люди в ФРГ выступают против их размещения. Юные пионеры тоже активно участвуют в демонстрациях и митингах протеста.

Фермин Эррера Оливас (Никарагуа). Мне 13 лет, но я уже участвовал в 22 боях с «контрас». Я бы не хотел стрелять. Я бы хотел учиться в школе. Я бы хотел рисовать. Но приходится воевать, потому что в моей стране агрессоры убивают мирных жителей. Погибло 12 тысяч. Уничтожены десятки школ. Белый дом угрожает нам бомбами и ракетами. Дети Земли, давайте объединимся в борьбе за мир. Только так мы победим. Венсеремос!

Макота Танаги (Япония). Я член детской организации «Корни травы». Наша организация входит в СИМЕА и объединяет всех тех, кто борется за мир. Наша страна знает, что такое атомная бомбардировка... Мы, дети, должны бороться за мир наравне со взрослыми. Этой борьбе у нас посвящено множество песен и рисунков. А на фестиваль мы привезли журавликов мира.

Жоао Шидале (Ангола). Я состою в пионерской организации имени Агостиньо Нето. Три года назад в Луанде работал международный трибунал, который

осудил империализм. Но и сейчас империалисты в Анголе убивают мирное население, детей, разрушают школы, больницы, поселки. Дети не могут спокойно учиться. Мы вместе со взрослыми боролись и будем бороться с империализмом, за победу социализма в Анголе, за то, чтобы солнце ярко сияло всем, чтобы люди не знали ужасов расизма, сионизма, фашизма...

Такие выступления звучали в каждом из 21 интернациональных отрядов фестивального лагеря. Разговор шел серьезный, взрослый. Без мира не будет жизни. Не будет ни взрослых, ни детей. Значит, защищать мир должны и те, и другие. Одинаково. Только так можно победить.

Атмосфера в мире сейчас накалена, как никогда. Достаточно сказать, что на обучение только одного человека военной науке тратится средств в 60 раз больше, чем если бы этому человеку давали просто общее образование. Впечатляюще, не правда ли?

После отрядных сборов взялись за дело юные художники. Одни писали лозунги и плакаты, другие рисовали на асфальте центральной площади фестивального лагеря. Трудно было оторвать ребят от работы. Вот плакаты и рисунки: «Нет ядерной бомбе!», «Мир и счастье — планете Земле», «Планета детства»,— они выполнены просто профессионально. Видно, что этим талантливым ребятам есть что сказать.

Вечером было принято Обращение к делегатам XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Текст Обращения прочел польский харцер Адам Решинский. Торжественно и тревожно звучали слова обращения: «Мы, дети из пятидесяти четырех стран планеты, собравшиеся в международном детском лагере, обращаемся к вам, уважаемые делегаты фестиваля. Во имя будущего всех народов, всех детей, которых сегодня на планете более миллиарда, защитите Землю от новой войны.

Мы требуем мира, потому что война и детство несовместимы. Война калечит детство, рушит мечты, отнимает самое дорогое, что есть у каждого человека,— мать и отца.

Мы верим: солидарность и дружба, наши совместные усилия победят войну! Мы навсегда сохраним в сердцах дружбу, которую подарил нам московский фестиваль».

Пятьсот семь подписей поставили ребята на разноцветных шелковых ленточках, символизирующих континенты. Эти ленточки прикрепляются к капсуле, в которую вложен текст Обращения.

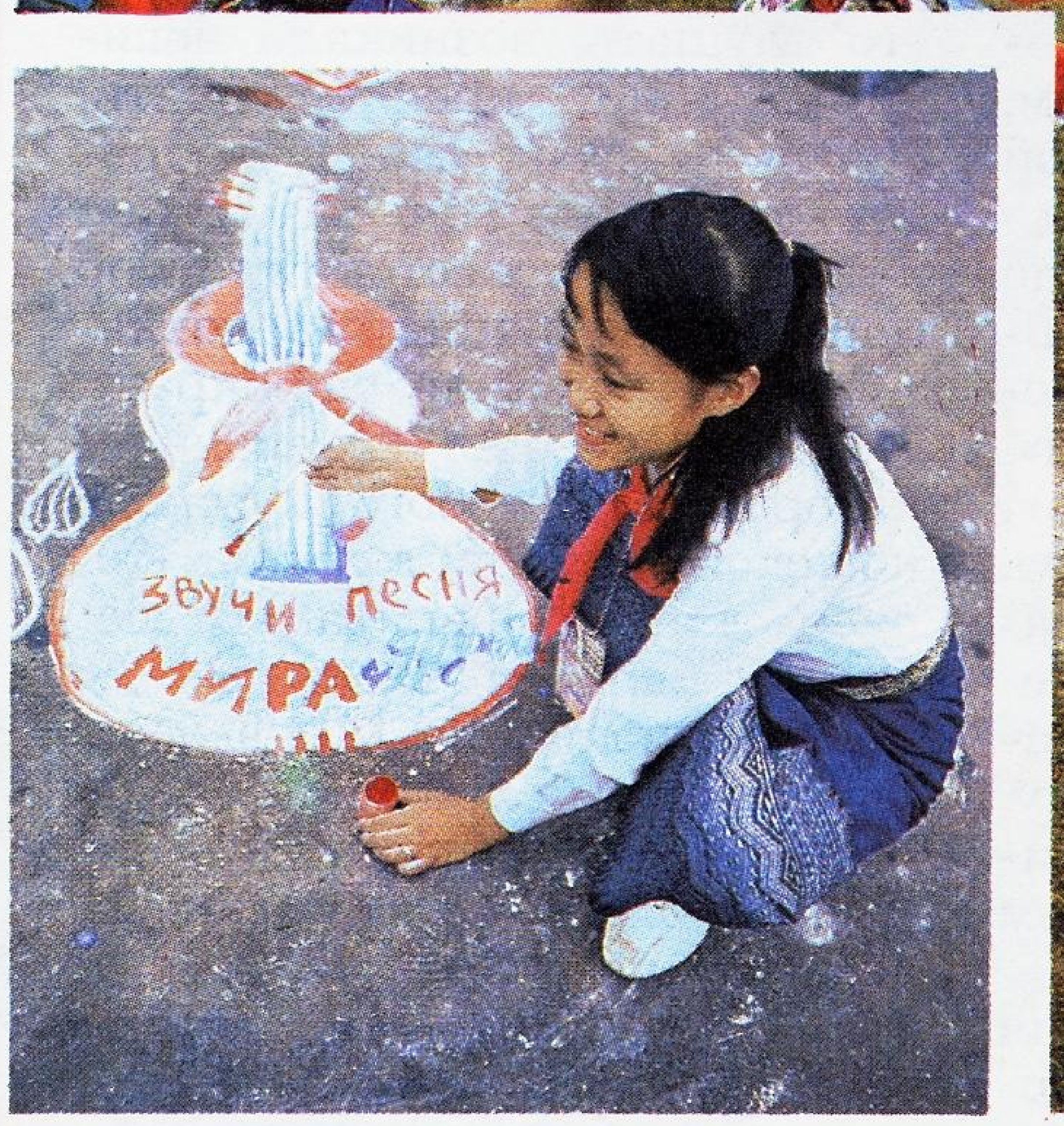
Уже в сумерки, в лучах прожекторов, закладывали помятник «Мир детству» и высаживали вокруг тоненькие яблоневые деревца.

Таким был один из фестивальных дней международного детского лагеря.

Почему мы выбрали именно этот день? Потому, пожалуй, что в этот день на самой высокой ноте прозвучали голоса ребят в защиту мира.

Е. РЫБИНСКИЙ.

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.



МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

Лев Кассиль

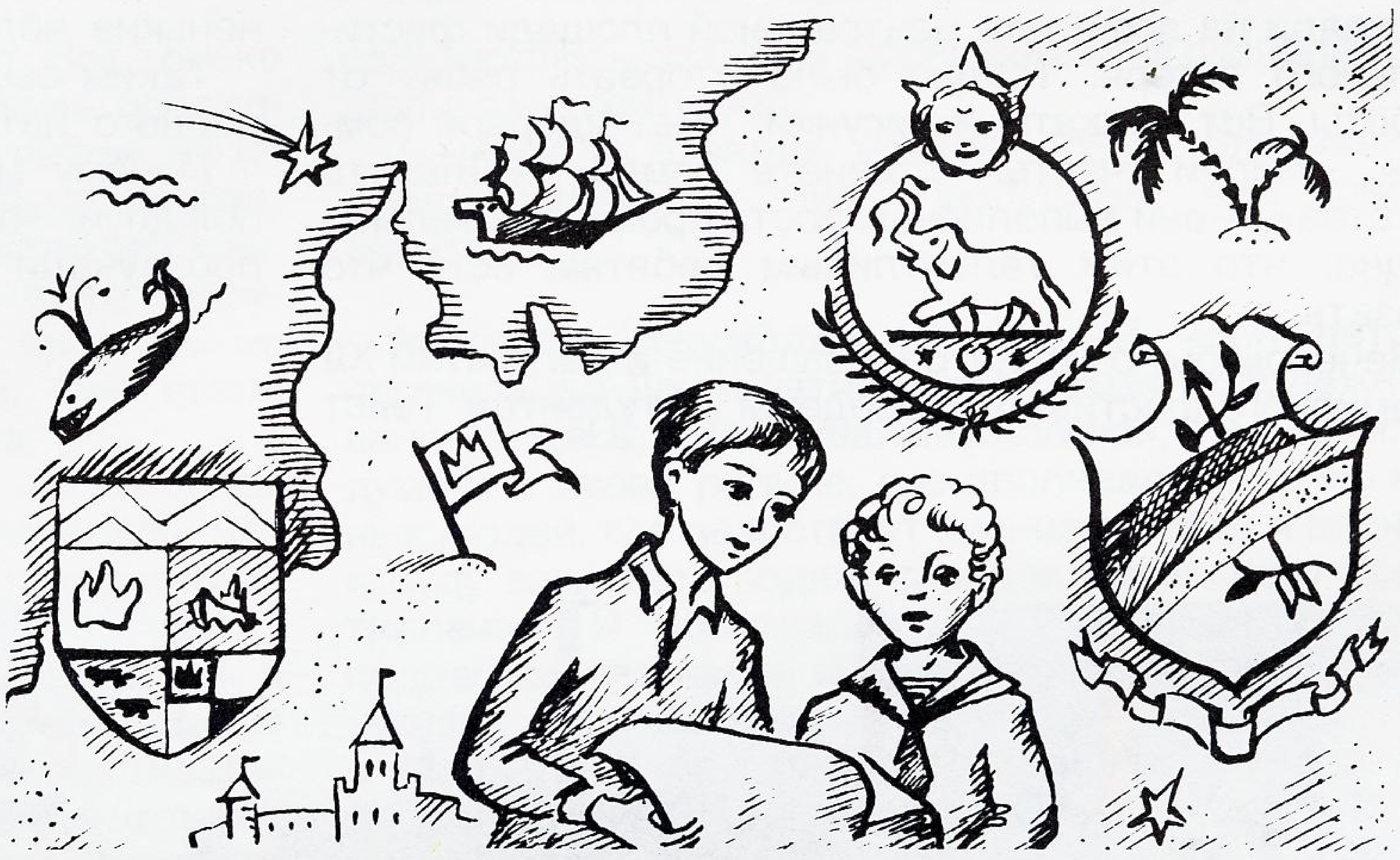
(1905—1970)

Необыкновенным человеком был Лев Абрамович Кассиль! Однажды он в своем дневнике написал: «Времени, времени у меня нет! Времени не хватает, как воздуха. Живу постоянно в муках временного голодания». Он был членом-корреспондентом Академии педагогических наук; преподавал в Литературном институте, где вел семинар детских писателей; был бессменным председателем объединения московских детских и юношеских писателей; выпускал для детей сборники рассказов писателей и придумывал для этих сборников звонкие названия. А кроме того, был страстным болельщиком в спорте, без него не обходилось ни одно соревнование, ни одна Олимпиада, и к его авторитетному голосу прислушивались все спортсмены и все любители спорта. Состоял он и членом многих редколлегий, и миллионы читателей, раскрывая «Литературную газету», «Известия», «Комсомольскую правду», искали там всегда острую, всегда интересную статью Льва Кассиля...

Он был и академиком, и спортсменом, и редактором, и журналистом. Но в анкете, отвечая на вопрос о профессии, Лев Кассиль всегда — и с гордостью! — писал: детский писатель. Еще при жизни Льва Кассиля его книги стали для нескольких поколений советских людей любимым чтением, оставляли глубокий след в душах. Кто из детей не зачитывался «Швамбранией», не переживал за мальчика по фамилии Черемыш? «Великое противостояние», «Дорогие мои мальчишки», «Ранний восход», «Улица младшего сына»... стали любимыми книгами многих ребят.

Кассиль писал для детей и крошечные книги, в которых рассказывал о том, что происходило в стране, о первых шагах первой пятилетки. О покорителях полюса, о первых советских стратостатах, о том, как выпекается хлеб в первой нашей механизированной пекарне. Вот они лежат передо мною, эти книжечки,— тоненькие, в ярких обложках: «Вкусная фабрика», «Планетарий», «Лодка-вездеходка», «Метро», «Твои защитники» и многие, многие другие. Лев Кассиль радовался приметам нового, всему, что приближало нас к заветной цели — к коммунизму. Об этой великой цели он написал книжку «О жизни совсем хорошей».

Героями книг Льва Кассиля были большей частью сверстники его читателя — мальчики и девочки. Но он писал и о взрослых людях, о тех, кто составляет нашу гордость, славу, кто является примером. Разве можно сосчитать, сколько людей стали заниматься спортом под влиянием его книг «Вратарь республики», «Ход белой королевы», «Чаша гладиатора»? Лев Абрамович был образцом хорошо воспитанного человека. Он был скромен и изящен во всем: в костюме, в обращении с людьми, в своих привычках. Для него чрезвычайно важно было, чтобы молодежь вырастала не только здоровой, умной, веселой, но и деликатной, отзывчивой, умеющей отличить подлинную культуру от наносных, нечистоплотных привычек. Среди книг Льва Кассиля можно найти и такие — «Дело вкуса», «Разговор о культурном человеке».



А каким он был оратором, Лев Абрамович! Ему стоило только выйти на трибуну, произнести первые слова, как между ним и теми, кто пришел его слушать, возникали невидимые, но крепкие нити. И — при всей своей доброте — как умел он мгновенно дать резкий, жестокий отпор пошляку, нахрапистому ловкачу, упорствующему бюрократу.

Кассиль был желанным автором для любого журнала, но «свой» детский журнал «Пионер» для него был самым любимым, самым главным. До конца жизни Лев Абрамович был самым большим «болельщиком» «Пионера»: автором, членом редколлегии, главным советчиком... Все, кто делает этот журнал, миллионы его читателей вспоминают об этом с радостью и гордостью.

Лев РАЗГОН

Евгений ПЕРМЯК

«Ленивая» Пшеница и «Заботливый» Репейник

Расхвастался как-то Репейник:

— Никто так, как я, о своем роде-племени не заботится. Всюду расту. Везде свои семена сею. Мои репьи к кому хочешь прицепятся. Хоть к лисьему хвосту, хоть к медвежьей шкуре, хоть к доброму молодцу. Прицепятся — не отцепятся. А отцепятся — в землю высеются.

— Подумаешь, какой заботливый нашелся,— возмутился воздушный Одуванчик.— Вот я так изо всех хитрецов хитрец. Мне ветер служит. По всему свету мои семена-пушинки разносит. Во всех странах мои дети растут. Куда ветер подует, туда и летят.

— А я, господа сорняки, ради своих ребятушек себя не жалею. От корня отрываюсь, по полям катаюсь, на хорошие земли детушек пристраиваю. Не то что ленивая Пшеница, беззаботная мать. Будто и не хочет сынов-дочек в люди вывести.

Так говорил старый сорняк Перекати-поле.

Конечно, не все ерундовою ерундой бывает, что твой ум не понимает. Только у господ сорняков было принято: что для них туманно, то и обманно.

Вот и набросились они на Пшеницу: зачем не по ним живет-растет, да все помалкивает, чудачка неотесанная.

— Ишь, задается, для людей старается, притворяется,— не унимался Репейник.

— Мне довелось цвести неподалеку,— вмешался Одуванчик,— так поверите ли, обо мне, скромном любимце солнца, и слыхом не слыхивала. О моей воздушной красивой жизни и не знает. Чем только живет-дышит?

— Зреет, колосится, а нас ей не обойти, не обогнать, не одолеть. А думает, что счастлива!

Пшеница на насмешки внимания не обращала. Росла себе да росла и помалкивала. Зачем ей подлаживаться к ветру? Ей и в голову не приходило прибегать к уловкам и хитростям. Она жила для людей, кормила их, а люди, как могли, оберегали драгоценные пшеничные всходы от хваткиx одуванчиков, надоедливых репьев и разных других самозвонов.

Публикация Ксении Пермяк.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Юля ТИТОВА учится в школе № 427, перешла в 7-й класс. Юля давно пишет стихи, занимается в литературном клубе «Колокол» Дома комсомольца и школьника Октябрьского района Москвы.

Земля

Возьми комок земли,
согрей его в руках,
в ладонях разотри,
скажи, чем пахнет он?
Он пахнет не землей,
не черноземом, нет,
а пахнет он травой,
руками, что согрет,
пшеницей, что росла,
тянулась из земли,
плодами от дерев,
людьми, что тут прошли.

Космос

Мерцали звезды,
виделись кометы,
пейзаж галактики хорош собой.
Но люди на борту большой ракеты
все ждали возвращения домой.

Птицы

Белая птица,
легкая птица,
точкой над морем кружит и садится
на побережье, в песке увязая.
К ней со скалы уж слетает другая.
Белые птицы,
легкие птицы!
Море играет для них и искрится,
птицы летают в большом этом мире,
в мире прекрасном,
в мире счастливом.

В клубе «Колокол» занимается и Нина КОТОВА, шестиклассница школы № 19.

Художник рисует Родину

Художник рисует картину —
Стоит на поляне рябина,
Там громко поет соловей,
И песня слетает с картины,
Летит коридором длинным
И рвется на волю скорей.

Художник рисует картину —
Играют веселые дети.
И вдруг оживает картина,
И солнце яркое светит.

Художник рисует картину —
Дома и улицы шумные,
Несутся машины умные.

Художник рисует картину —
Детей, облаков паутину,
Пшеницу и куст смородины —
Художник рисует Родину.

Красный мак

Ночью в поле красных маков
Странный белый и огромный
сел корабль с другой
планеты —
мудрой, белой и холодной.

Ночью в поле красных
маков
человек другой планеты —
неизвестной и далекой —
с корабля в росу спустился.

Он пошел по полю маков,
потрясенный красным чудом,
и, сорвав цветок
прекрасный,
он в корабль возвратился.

А потом на той планете
показал он чудо детям.

*

Ваня МАЗУРЕНКО, 10 лет. «ИГРА В МЯЧ».

Оля ДАНИЛОВА,
11 лет.
«ПИОНЕРВОЖАТАЯ».

Андрей САВИН учится в московской школе № 29, занимается в кружке сценаристов Московского Дворца пионеров.

Щука

Никто не верил в то, что я ее поймаю.

— Здесь не только щук, и окуней-то нет,— говорили местные жители.

Но я мечтал о щуке.

Несмотря на жару, я надел ветровку с капюшоном, взял самодельный спиннинг и отправился на пристань. Там, загорая в лодке, меня ждал отец. Мальчишки, резвившиеся в воде, встретили меня дружным улюлюканьем:

— Ты бы еще шубу с валенками натянул!

Вот уже десятый раз кручу катушку — пока без толку. Хочется нырнуть в блестящую воду, забыть о щуке...

— Дай-ка я попробую,— говорит папа, он не меньше меня верит в удачу.— Сейчас мы тебе покажем, как ловят акул и китов! Садись на весла.

Вместо того, чтобы послушаться, я скидываю рыбацкий наряд и скрываюсь в «речной пучине». Выныриваю.

Вокруг творится что-то непонятное: спиннинг дрожит у отца в руках, леска натянута, а в пятидесяти метрах от лодки сверкает какая-то фантастически огромная рыбина! В следующий же миг удилище оказалось у меня. Яростно кручу ручку. Внезапно натяжение ослабло — оборвалась блесна. Папа посмотрел на часы.

— Пора обедать, пожалуй,— вздохнул он, но, взглянув на меня, спрятал часы: у меня с собой было столько поводков и блесен, что их хватило бы на всех рыб этой реки и ее притоков. Ловля продолжалась!

На этот раз я закинул снасть поближе к берегу: «Щуки стоят в камышах»,— когда-то говорил мне дедушка.

Леска опять натянулась — все замерло во мне, посторонние мысли исчезли. Но опять неудача — зацеп! Полчаса распутывали леску.

— К обеду опоздаем,— озабоченно произнес папа и начал грести к берегу.

Вокруг было тихо. Камыши мирно покачивались, солнце слепило глаза. Берег приближался. Все говорило о неудаче. И все же я ухитрился забросить блесну, да так, что попал перед самыми камышами.

И тут же какая-то сила задергала спиннинг, вырывая его из моих рук.

— Папа, тащу! — зашипел я, еще не понимая, что именно на крючке — рыба или водоросли. Но уже через минуту рыбина сделала сальто в воздухе. Помня первую неудачу, я был осторожен — сразу отпустил несколько метров лески. Минут через десять, когда рыба устала, папа втащил ее в лодку.

Это была щука! Увесистое полено с острой мордой, белые, как солнечные блики, пятна на боках, темная, блестящая спина. Настоящий хищник!

Я был счастлив! Пролетавшему над нашей лодкой «кукурузнику» я прокричал во всю мочь:

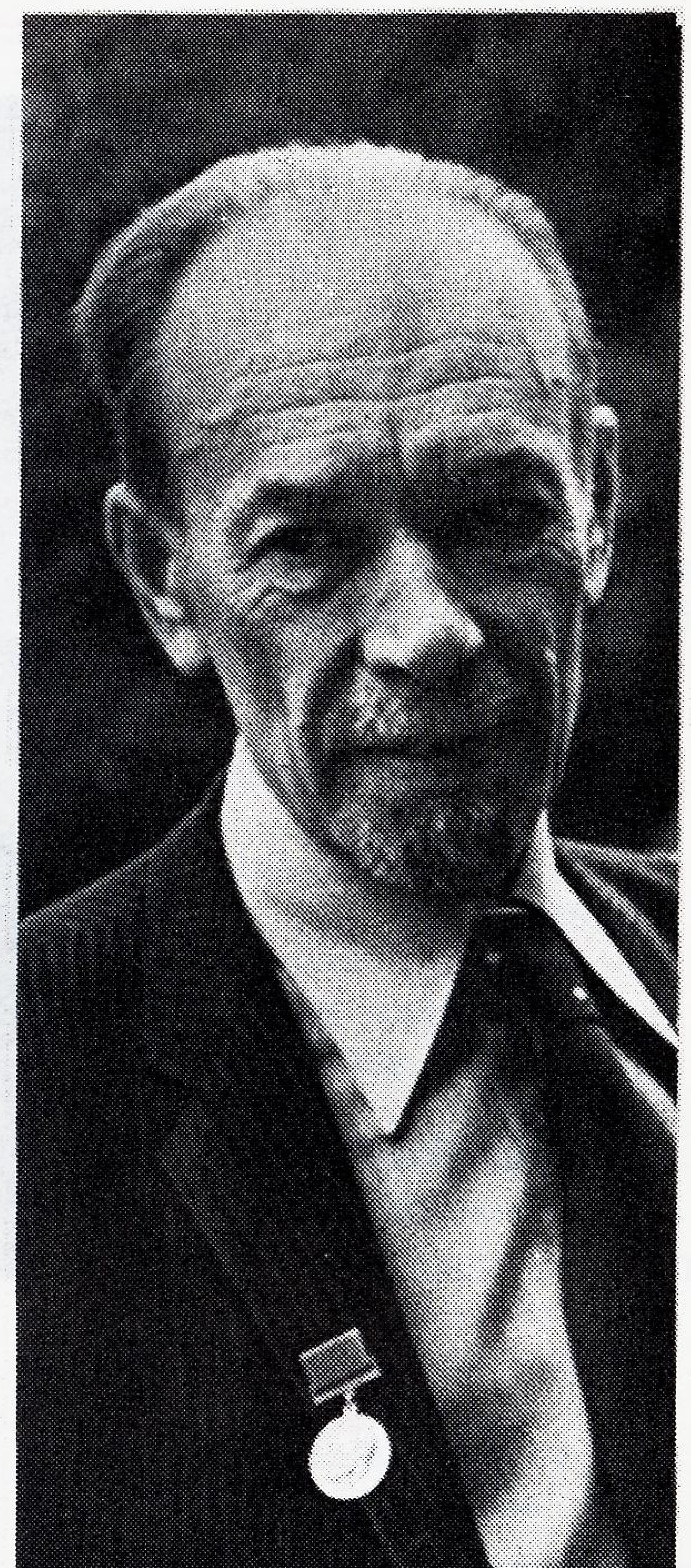
— Самоле-от! Я щуку поймал!!!

Мальчишки на берегу больше не смеялись.

— Вот это щуренок...— позавидовал кто-то.

Рыбу я засолил. На нее приходили смотреть. Больше никто не говорил, что в этой реке щуки не водятся.

Точка отсчета



На стене нашего читального зала висит литературный календарь. Каждый месяц я отрываю листок, и календарь сообщает нам о юбилеях писателей, литературных произведений. На июльской страничке календаря написано:

«22 ИЮЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 60 ЛЕТ ПИСАТЕЛЮ СЕРГЕЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ БАРУЗДИНУ».

На день рождения писателя собрались члены литературного клуба Московского городского Дворца пионеров.

Катя Голубкова, 7-й класс. Сергей Алексеевич, когда-то и вы занимались в литературном кружке Дома пионеров. Помог ли кружок вам стать писателем или это случилось как-то иначе?

— Никогда я не стремился стать писателем. И сейчас не считаю это основным делом в жизни. Работаю я главным редактором журнала «Дружба народов». Пишу в свободное от работы время, а его очень мало.

Но писать начал давно. В детстве любил сочинять стихи. Как-то отправил их на конкурс детского творчества. На мои стихи обратила внимание Надежда Константиновна Крупская, посоветовала заниматься в литературном кружке Дома пионеров, дала рекомендацию. Занятия сразу захватили меня. В Доме пионеров мне было гораздо интересней, чем в школе. Моим учителем стал писатель Рувим Исаевич Фраерман. На занятия кружка приходили К. Чуковский, С. Маршак, Л. Кассиль. А. Гайдар читал нам «Голубую чашку». В кружке я по-настоящему полюбил литературу. Здесь были у меня друзья-единомышленники. Все мы входили в совет клуба журнала «Пионер», я был председателем нашего совета. Делали веселую страничку «Цап Царап». Мои стихи печатались в «Пионере», в газете «Пионерская правда», в альманахе Дома пионеров, который назывался «Зеленый шум» и выходил тиражом в два экземпляра.

Митя Литвинов, 6-й класс. Альманах «Зеленый шум» и сейчас выходит в нашем литературном клубе. Я люблю перечитывать старые выпуски. Яснее и ближе становится время, когда рассказывают о нем твои ровесники. Сергей Алексеевич Баруздин был редактором альманаха в 30-е годы. Листая «Зеленый шум», я часто встречаю его стихи. Писал он о мире, о природе... на самые разные темы. Стихи его звонкие, боевые, призывные.

Когда читаю поэтические сборники Баруздина последних лет, часто слышу в них мальчишеский задор, веселье. И задумывается поэт над вопросами, которые и меня волнуют:

Какое над нами небо —
Высокое или низкое?
Какое над нами небо —
Далекое или близкое?

Или призывает людей стать добрыми и щедрыми, распахнуть свой дом — открыть все двери и окна.

Чем больше
Окон и дверей,
Тем больше
У людей друзей.

Наверное, оттого близки, интересны мне стихи С. А. Баруздина, что был и остается он романтиком, мечтателем, фантазером.

Лена Варламова, 8-й класс. Писатели, определяя истоки своего творчества, часто говорят: «Я родом из детства», «Я родом не из детства»... Есть ли у вас такой исток?

— Такой точкой отсчета стала для меня Отечественная война. Как, наверное, для большинства людей моего поколения. Не было событий более важных и тяжелых в моей жизни. Об этом я писал в романе «Повторение пройденного». Произведение это отчасти биографическое. Но главным для меня в работе над романом было написать портрет моего поколения, рассказать о людях 40-х годов, о тех, кто жил в это героическое время, трудился, воевал, о тех, кто победил.

Лена Варламова. Этот роман — хроника войны и летопись жизни поколения. Названия глав точные и пронзительные: «Год 1941-й», «Год 1942-й», «Год 1943-й»... О важнейших исторических событиях говорится сдержанно, кратко.

Жил в Москве мальчишка тринадцати лет, писал стихи, ходил в Дом пионеров. Будто про меня идет рассказ. Сообщение же о начале войны навсегда разделило, сделало непохожими наши с ним судьбы.

С этого мига рассказ о жизни человека превращается в повествование о судьбе поколения. Потому что человек уже не мог жить замкнутой, отгороженной от людей личной жизнью. У всех была теперь одна цель — победить, и судьбы стали похожи.

Герой повести, как многие его сверстники, днем работает, ночью дежурит на крыше дома... Наконец долгожданная дорога на фронт. Идет он с

отцом, которому с трудом разрешили взять с собой сына — слишком молод был тот. Идет пешком, потому что от Москвы до линии фронта уже рукой подать. В первом же бою погиб отец, и дальше шел юный боец уже один и дошел до Берлина и Праги... Слушаешь рассказ о пути солдата затаив дыхание.

Катя Голубкова. Какие события послевоенных лет оказали влияние на ваше творчество?

— Событий было много. Окончил Литературный институт, работал журналистом: поездки, встречи... Но все самое важное, главное осталось там, в довоенном детстве и военной юности. Занятия в Доме пионеров были, пожалуй, для меня важнее, чем учеба в Литературном институте. Испытаний же более серьезных и важных, чем в годы войны, не было в жизни. О чем бы я ни писал сейчас, даже если пишу на самые мирные темы — о природе, о животных,— всегда помню о войне, думаю о ней.

Таня Соколова, 9-й класс. Повесть «Верить и помнить» о мирной жизни. Давно окончилась война. Но мать мальчика Тимки все вспоминает ее. Тимка удивляется: что же вспоминать, столько лет уже прошло! Но мать отвечает, что война в душе у нее осталась, поэтому никогда ее не забыть. Неожиданно письмом из далекого немецкого города Франкфурта-на-Майне ворвалась война и в безмятежную Тимкину жизнь.

Написано было в письме, что не погиб Тимкин отец, а живет и процветает там да еще над их нелегкой жизнью посмеивается. Лишь на миг поверила письму Тимкина мать, солдатская вдова Мария Февралева. Страшней похоронки стало для нее это письмо, тяжелой бедой чуть не обернулось. Но память и вера в человека победили, прогнали беду. И вскоре подтвердилось, что письмо — подлая фальшивка.

Читаешь повесть и понимаешь: сколько бы лет ни прошло, война всегда будет проверкой мужества, стойкости и мудрости людей.

Митя Литвинов. Сергей Алексеевич, вы родились и живете в Москве, почему же так часто пишете о сельских школьниках?

— В детстве я часто проводил лето в деревне. Полюбил деревенскую жизнь, мне нравилось бродить в лесу, ходить с мальчишками в ночное... Все это тоже воспоминания детства. Они дороги мне, поэтому и пишу о сельских ребятах, о природе.

Олег Голованов, 7-й класс. Я тоже родился и живу в Москве. Даже летом редко уезжаю из города. В общем, я городской человек. Произведения Баруздина помогли узнать мне сельскую жизнь, я даже подружился с некоторыми его героями. Стал моим другом и Павка из повести «Только не завтра».

Живет он в деревне Залужье и больше всего на свете любит гулять в родных сосновых лесах. Даже научился определять характер и настроение деревьев. Дружил он с Егором Спиридоновичем, мастером на все руки. С утра до вечера трудится Егор Спиридонович: чинит ведра, точит ножи и топоры. Вся деревня к нему за помощью обращается. Даже завидуешь Павке: вот какой замечательный взрослый друг у него.

Но пристальней присматриваешься к Егору Спиридоновичу, и оказывается, что трудится он только затем, чтобы деньги за работу получить. Видишь, что человек он жадный и расчетливый, а жизнь его скучная и однообразная. Уже не завидуешь, а сочувствуешь Павке. Задумываешься с ним над вопросом: «Разве только затем и работают люди, чтобы деньги получать?»

Прочитав повесть, понимаешь, что лишь тогда работа радость тебе приносит, когда ты для радости людей трудишься. Думаешь не о том, сколько за работу денег получить, а принесет ли она пользу и радость другим.

Лена Варламова. Как возникает у вас замысел книги?

— Возникает с желания рассказать об интересных событиях, участником которых был, поделиться с читателем впечатлениями, мыслями... Иногда долго ходишь с этим замыслом, иногда он воплощается сразу — быстро пишется книга.

Аня Романова, 7-й класс. Какие книги вы любите перечитывать? Какие оказали на вас влияние?

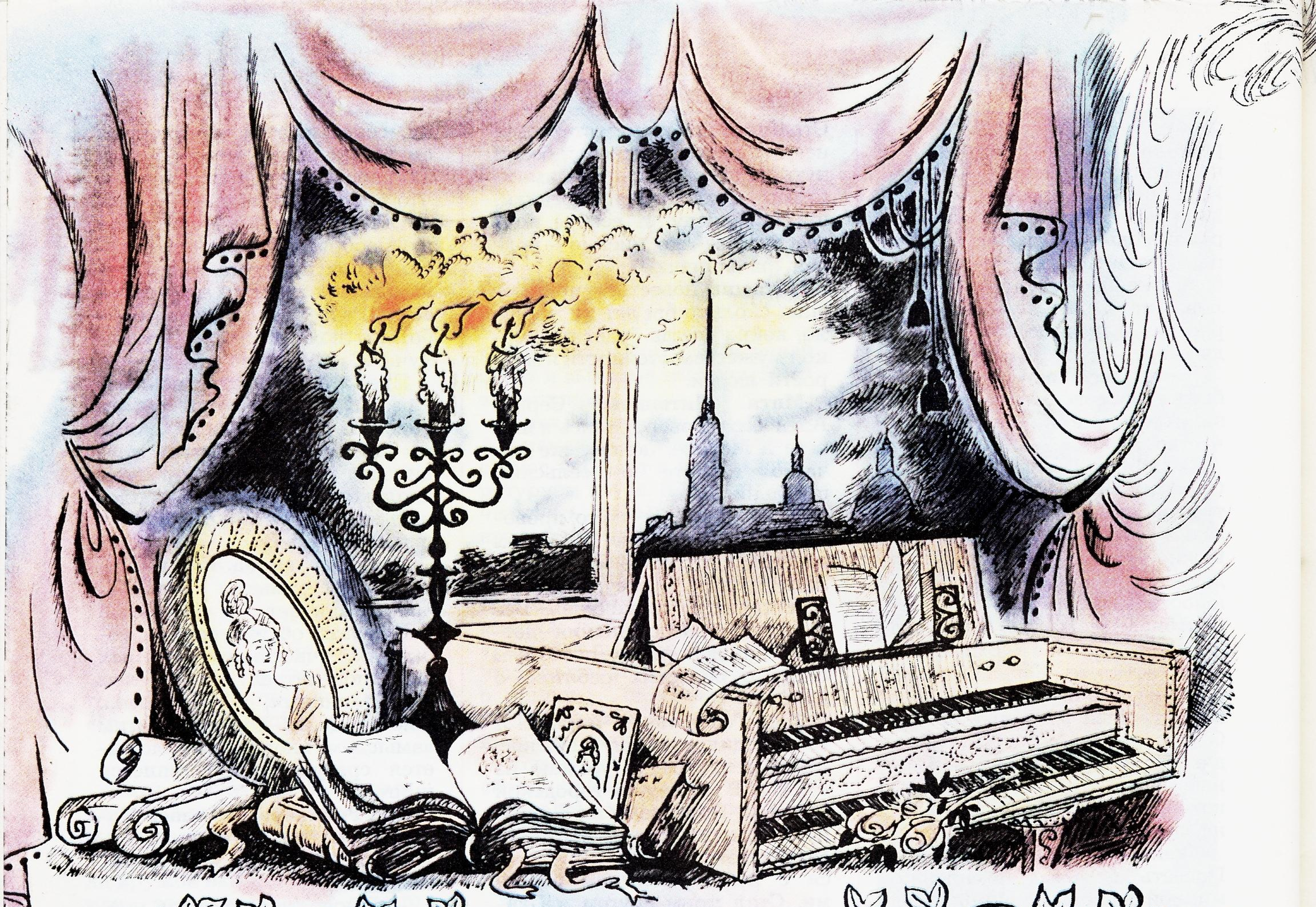
— В юности мне очень нравился Лермонтов, его пылкий, несгибаемый характер. Позже понял мудрость Пушкина, он стал любимым моим писателем. С годами лучше и глубже понимаешь литературу, открываешь новое в давно известных тебе произведениях. Меняется отношение к писателям.

Олег Голованов. Какими качествами должен обладать детский писатель? Есть ли у него особые черты характера?

— Детский писатель всегда помнит свое детство, любит его. Даже если оно было нелегким и вспоминать его тяжело. Детство — пора трудная, но светлая, чистая. Детство живет в душе детского писателя и делает человека светлым и непосредственным. Таким людям всегда легко разговаривать с детьми, только такие люди могут писать хорошие детские книжки.

Н. ДАВЫДОВА.

ВСЕ ЧИТАТЕЛИ И СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» ОТ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮТ ВАС, СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!



МАЛЬЧИШНИК

Мечтательная книга

Михаила КОРШУНОВА и Виктории ТЕРЕХОВОЙ.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

1836 год. Петербург

Я прошел сквозь старинные чугунные ворота во двор дома № 1 в бывшем Мошковом переулке (ныне Запорожском), где «у тещи на чердаке» собирались у Владимира Федоровича Одоевского друзья. Беседовали о литературе, о развитии философии, о самых великих деяниях, когда жизнь одного человека может послужить вопросом или ответом на жизнь другого. И прежде всего всех волновали «русские мысли, русские раздумья, русские идеи». Беспокоила, волновала Россия.

Старинные чугунные ворота, старинные глубокие окна. Одной частью дом повернут на Неву, другой — в переулок. За Невой видна Петропавловская крепость. Зимний шпиль крепости уходит в зимнее, переполненное снегом, небо.

Я присел на скамейку, сбросив с ее края снег. Меня окутала тишина. Молчала набережная, молчал Мошков переулок, молчало переполненное снегом небо.

Дом казался пустым, хотя в нем разместился детский сад. Наверное, это потому, что было воскресенье. Пустовали детские качели, пустовали забавные детские избушки по углам двора.

Нигде... Никого...

И время заговорило — будто донесся звон старинных часов Петропавловского собора. Я, кажется, увидел и услышал то, что здесь могло бы быть в последний день 1835 года. Могло быть... Пусть соберутся те же, кто собирался здесь и год назад, в последний день 1834 года.

Продолжение. Начало в № 6.

— Ваше сиятельство, я черт знает как изленился!

Обращение «сиятельство» адресовано князю Владимиру Одоевскому. Еще Пушкин говорил ему «батюшка», хотя Одоевский был младше пятью годами.

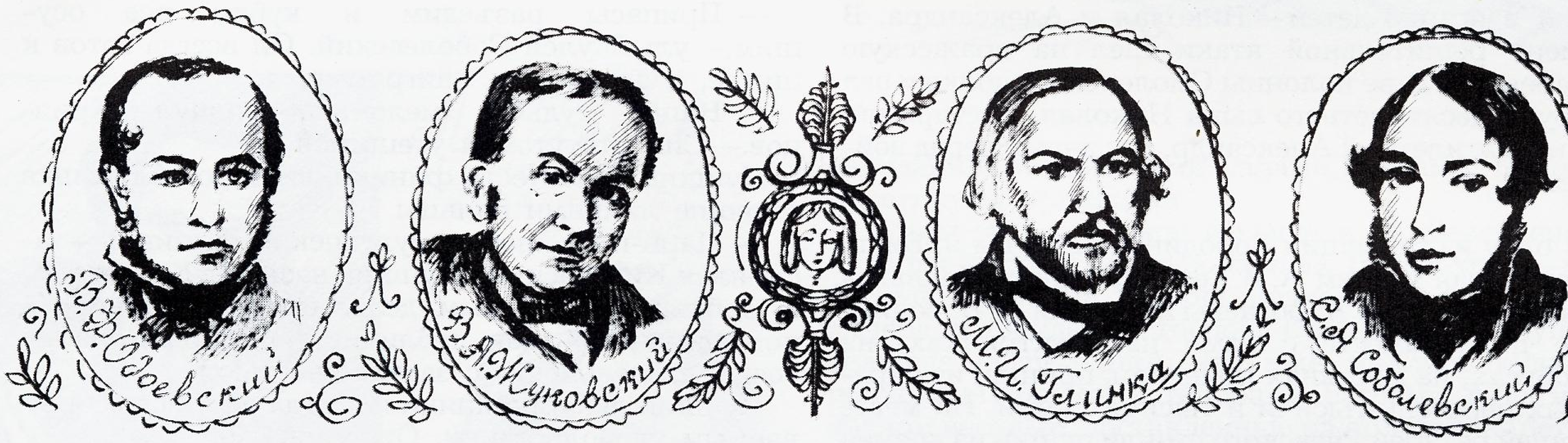
У Владимира Федоровича в кабинете, который друзья называли «львиной пещерой», собрались: «редко добрый человек» Василий Андреевич Жуковский; Николай Иванович Кривцов, герой Отечественной войны — он сражался под Смоленском, под Бородином, был ранен пулей навылет, а в битве при Кульме ядро оторвало ему ногу; издатель и публицист Иван Киреевский, в 1832 году выпускавший журнал «Европеец», который на третьем номере был закрыт цензурой; «неизвестный сочинитель всем известных эпиграмм» Сергей Соболевский — давний московский «благоприятель» Пушкина.

Приехал и Михаил Глинка.

художник поместил сюда начальников народных наших сил, покрытых славою чудесного похода и вечной памятью двенадцатого года.— Пушкин не читал стихотворение, а пересказывал его, точно беседовал.— Нередко медленно меж ими я брожу и на знакомые их образы гляжу...

Стихотворение «Полководец» о Военной Палате (Галерее) 1812 года, которую Пушкин часто посещал в Зимнем дворце. В то время Пушкин жил на Гагаринской набережной недалеко от дворца: надо было перейти Прачечный мост через Фонтанку, пройти мимо Летнего сада, а там — и Зимний дворец, Военная Палата.

Судьба свела Пушкина с живописцем Доу, который создавал Галерею. Встреча произошла на одном из первых курсировавших из Петербурга в Кронштадт пароходов, называвшихся поначалу пироскафами. Доу плыл на пироскафе до Кронштадта, чтобы затем пересесть на парусник и



Он сбросил сюртук и подсел к клавесину. Клавесин Одоевский держал в кабинете. Кабинет был и лабораторией: на готического вида полках химическая посуда, по углам комнаты скелеты (вот почему «львиная пещера»),— и библиотекой: книги в старинных пергаментных переплетах, с писаными ярлычками на задниках буквально все заваливали. Был и музыкальной комнатой. Позже, в квартире на Английской набережной — уже не «у тещи на чердаке»,— Одоевский установит настоящий орган. Назовет его в честь Себастьяна Баха,— «Себастианон». Жуковский предложит: для тех, кто играет на органе хорошо, он будет «Себастианон», а для тех, кто плохо — «Савоська». И первым сядет за единственный на весь Петербург инструмент Михаил Глинка...

Сквозь неплотно сдвинутые пунцовые шторы был виден приглохший Петербург — нерасчищенный, неразметенный, с сильным запахом осевшего печного и самоварного дыма. Экипажи из-за снега стали терпеть «великую остановку». Петербург подеревенски обрусел, утратил линейность, стрельчатость.

В кабинете на столе — чаша с пуншем, вазы с султанскими финиками, «сухими конфектами», печеньем и тарелка со швейцарским сыром.

Освещали комнату масляные лампы — карсели.

— Ну, хорошо,— сказал Одоевский Пушкину.— А писать стихи вы не изленились, Ваше Поэтическое Высокопревосходительство?

Так Пушкина называл в молодости Дельвиг.

— Стихи? — И, повернувшись к Николаю Кривцову, Пушкин начал говорить:— У русского царя в чертогах есть палата: она не золотом, не бархатом богата... Тут нет ни сельских нимф... ни плясок, ни охот,— а все плащи, да шпаги... Толпою тесною

отправиться дальше, на родину, в Англию. А Пушкин совершал на пироскафе прогулку. Здесь Доу и сделал карандашный портрет Пушкина.

— Александр! Проклятие! Ты как надо изленился! — воскликнул Кривцов.— Прочти еще, Саша!

Пушкин с весны работал над этим стихотворением.

Масляные лампы приятно разбавляли темноту «львиной пещеры». Около кафельной печи невозмутимо, в позе сфинкса, возлежал черный кот: Kater Mur из сказок Гофмана, философ и главный компаньон хозяина.

Хозяин кабинета носил восточный колпак и длинный, почти до пят, сюртук. Астролог?.. Алхимик?..

Владимир Федорович Одоевский (Рюрик, а не какой-то князь-мазурик, как шутил Соболевский) был подлинным ученым, «братом всякого человека» и имел «чистое, честное, незазорное имя». И это он, Владимир Одоевский, подарит Лермонтову при последнем отъезде поэта на Кавказ записную книжку с надписью: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам и всю исписанную».

Кюхельбекер, находясь в ссылке, написал Одоевскому: «Тебе и Грибоедов, и Пушкин, и я завещали все наше лучшее. Ты перед потомством и Отечеством представитель нашего времени, нашего бескорыстного стремления к художеству, красоте и к истине безусловной. Будь счастливее нас».

Пушкин продолжал пересказывать стихотворение:

— Из них уж многих нет; другие, коих лики еще

так молоды на ярком полотне, уже состарились и никнут в тишине...

Пушкин лицеистом видел и провожал на битву гренадеров, которые с ранцами за плечами, с четырнадцатифунтовыми ружьями в руках, в мундирах с золотыми галунами и алыми отворотами шли по старому почтовому тракту мимо Лицея на Москву.

В столетие со дня смерти Пушкина в Галерее 1812 года его стихотворные строки будут высечены на белом мраморе.

— Кровавый бой... и с падшими разлука! — Жуковский, в числе ополченцев, тоже сражался на Бородинском поле.— Семеновский ручей в утреннем тумане... Курганная высота, осенние березы. Неубранный хлеб. Горестная комиссия...

— А подвиг генерала Раевского,— напомнил Кривцов.

Генерал Николай Николаевич Раевский взял с собой в армию детей — Николая и Александра. В момент решительной атаки шел на вражескую батарею во главе колонны Смоленского полка и вел за руку десятилетнего сына Николая. А старший, семнадцатилетний Александр, нес знамя перед войсками.

В одну из годовщин Бородинской битвы я, Вика, заведующая музеем А. И. Герцена Ирина Желвакова и наши друзья Коротаевы приехали на Бородинское поле. Вместе с нами на электричках, на автобусах, на машинах приехали, пришли из окрестных деревень тысячи и тысячи людей. На месте бывшей батареи Раевского стояли пушки из времен генерала Раевского — старинные, на больших колесах. Стояли возле пушек канониры в форме тех далеких лет. Стояли и все мы и ждали салюта из этих старинных орудий при старинных русских боевых знаменах, которые тоже были доставлены сюда из музея и теперь трепетали на древках на свежем осеннем ветру.

Протерты банниками стволы пушек, заправлены заряды. Подносятся запальные фитили и... бухнули орудия, выстрелили.

Это салютовала у нас на глазах в наши дни батарея Раевского, салютовала генералу Раевскому, его офицерам и его солдатам в то далекое бородинское прошлое.

Медленно всплыли над старинными пушками клубы дыма и медленно растаяли в небе при трепете старинных боевых знамен.

— Почтим честью Россию! — Кривцов медленно поднялся, опираясь о край стола.— Помянем погибших.

Помолчали. Было кого вспомнить и что вспомнить.

Кривцов вновь погрузился в кресло. Ему изготовили протез, но все равно Кривцову приходилось нелегко.

— Ну что, хожалые, не нами свет стал, не нами и кончится,— Кривцов расстегнул венгерку со шнурами и кисточками.— Сердце сегодня что-то горячо лежит во глубине души.

— Будем счастливы, хотя бы под Новый год,— вздохнул Владимир Федорович Одоевский.

— Припасы разъедим и кубки все осушим,— улыбнулся Соболевский. Он всегда готов к шутке, к экспромту, эпиграмме.

— Наши судьбы мелочны,— кивнул Кривцов.— Сим статутом и утешимся.

Пушкин начал есть финики, смешно облизывая ставшие липкими пальцы.

— Царь-поэт любил султанские финики! — засмеялся Киреевский. (Пушкин называл Киреевского добрым и скромным, делал ему «по три короба комплиментов» как публицисту, который удачно соединял дельность с заманчивостью.)

Пушкин любил финики и всегда ел их с нескрываемым удовольствием. Отшучивался:

— Африканец! Аннибал!

Сейчас сказал:

— После сладкого точнее чувствую горькое.

— Поэт-летописец должен прежде всего ощущать вкус веков,— заметил Жуковский.— В эту новогоднюю ночь предлагаю Александру окончательно занять наш северный Парнас!

— Верно! Жалуем его Парнасом! — воскликнул Соболевский.— Парнас все-таки постоянная квартира. Не селиться же ему на Луне с долгами и детьми.

С недавнего времени в салонах Петербурга стало модным толковать об обитаемости Луны.

Пушкин весело качнул головой:

— Кто бы вылечил меня от долгов! Ужель на лопатки улягусь?

— Увезут в закрытом экипаже.— Соболевский сделал неумолимое лицо.— Питер не Москва! Здесь много перепортили бумаг, чернил и литер.

— Всенепременно увезут,— подтвердил Киреевский.— А Пегаса поставят на казенный овес.

— Гусар никогда не падает с лошади,— в тон друзьям отозвался Кривцов,— он падает вместе с лошадью.

В Ленинграде, в старинном парке Шувалово, есть высокий искусственный холм. Высота шестьдесят один метр. Не исключено, что его начали насыпать как раз во времена Пушкина и назвали «Парнасом». На него поднимались, чтобы издали полюбоваться Санкт-Петербургом. «Парнас» сохранился до наших дней.

Глинка тихонько наигрывал на клавесине. Он не умел ни философствовать, ни спорить, он только умел писать музыку. Любил импровизировать на русские темы. Однажды, как вспоминала Анна

Керн, так ловко копировал на фортепиано игравшего под окнами шарманщика и даже то, как он фальшивит, что шарманщик на улице от ужаса перестал играть.

Кривцов привстал: у него погасла трубка, и он сам прижег ее от свечи, которая стояла на столе. Раскурил.

— Александр, напомни... из них уж многих нет, другие...

— ...Другие, коих лики еще так молоды на ярком полотне...

— Уже состарились и никнут в тишине,— вспомнил Кривцов.— Хочу быть похороненным в открытом чистом поле.

Кривцова — солдата и вольнодумца — похоронят в часовне, выстроенной им самим в открытом, чистом поле.

Когда за Невой, сокрушая ночную тишину, хлопнул пушечный выстрел о завершившемся протечении минувшего года и начале следующего, 1836-го,

М. Ю. Лермонтов. портрет с работы Ф. О. Будкина.

Арсеньева Е. А., бабушка поэта

присутствовавшие в Мошковом переулке перешли уже из кабинета в гостиную и подняли тост за Новый год, а потом и за журнал «Современник», в котором и будет напечатано стихотворение «Полководец». Пушкин только что отправил прошение, чтобы ему было дозволено издать в наступившем году четыре тома литературных, исторических и критических статей: пора было начинать активную борьбу с теми, «кому русская словесность была с головой выдана». Имелись в виду издатели Булгарин и Греч. Надоела их «собачья комедия» в литературе.

Итак, в наступившем году суждено было родиться пушкинскому «Современнику», идейным руководителем которого вскорости (но уже после смерти Пушкина) станет Белинский. В «Современник» пошлет стихи и Лермонтов, но Пушкин не успеет их увидеть.

В гостиной сделалось шумно, весело, празднично. Начали пить всевозможные «здоровья». Украшением служили, конечно, женщины в шуршащих платьях, крепповых на атласе или на перкале с цветочными гарнитурами. С высокими талиями и завязанными пышными узлами лентами. Волосы перетянуты пряжками.

Потом стояли у окон и глядели на фейерверки, которые жгли в разных концах Петербурга,— небесный театр. На костры, возле которых грелись кучера в ожидании господ. Слышались оглушительные погремушки: это уже мчались куда-то пожарные с бочками, топорами, баграми. А по Неве катили веселые, поставленные на полозья, кареты.

Пушкин сидел на диване, вытянув ноги, легко скрестив их. С радостью глядел на друзей. Вдруг сладко, томительно захотелось к Наташе, к детям. Прощай, бел свет! Умру!

У нас хранится новогоднее поздравление. Рассылал музей Пушкина на Кропоткинской. На открытке — силуэт: на легком, ажурном из металлических прутьев диванчике, повернувшись друг к другу, сидят Пушкин и Наталья Николаевна. Каждый из них положил на спинку диванчика руку, он — левую, она — правую, как бы протянув ее навстречу другому.

Напечатаны стихи: «Есть роза дивная... Вотще... мертвит дыхание мороза — блестит между минутных роз неувядаемая роза...»

Сижу на скамейке, сбросив с ее края снег, во дворе дома в бывшем Мошковом переулке. Все, как и в последний день 1835 года: снегу предостаточно. Вика вышла к Неве, чтобы оттуда, с набережной, сфотографировать дом.

С Невы порывами дует ветер, раскачивает во дворе детские качели, и качели весело раскачиваются — маятник вновь пущенных новогодних часов.

Пришла Вика. Села рядом.

— Ты не замерз?

— Я встречаю Новый, 1836 год.

— У Одоевского? У «тещи на чердаке»?

— Да, «львиной пещере».

— Сейчас за Невой бухнет пушка. Полдень.

— Нет, полночь. Наступает Новый, 1836 год,— настаиваю я.

Бухнула за Невой пушка.

— Полночь,— говорит Вика.— 1836 год.

По двору шел самый настоящий Kater Mur.

1836 год. Тарханы

— МишЫнька приехал!

Бабушка не выпускала его голову из своих ладоней.

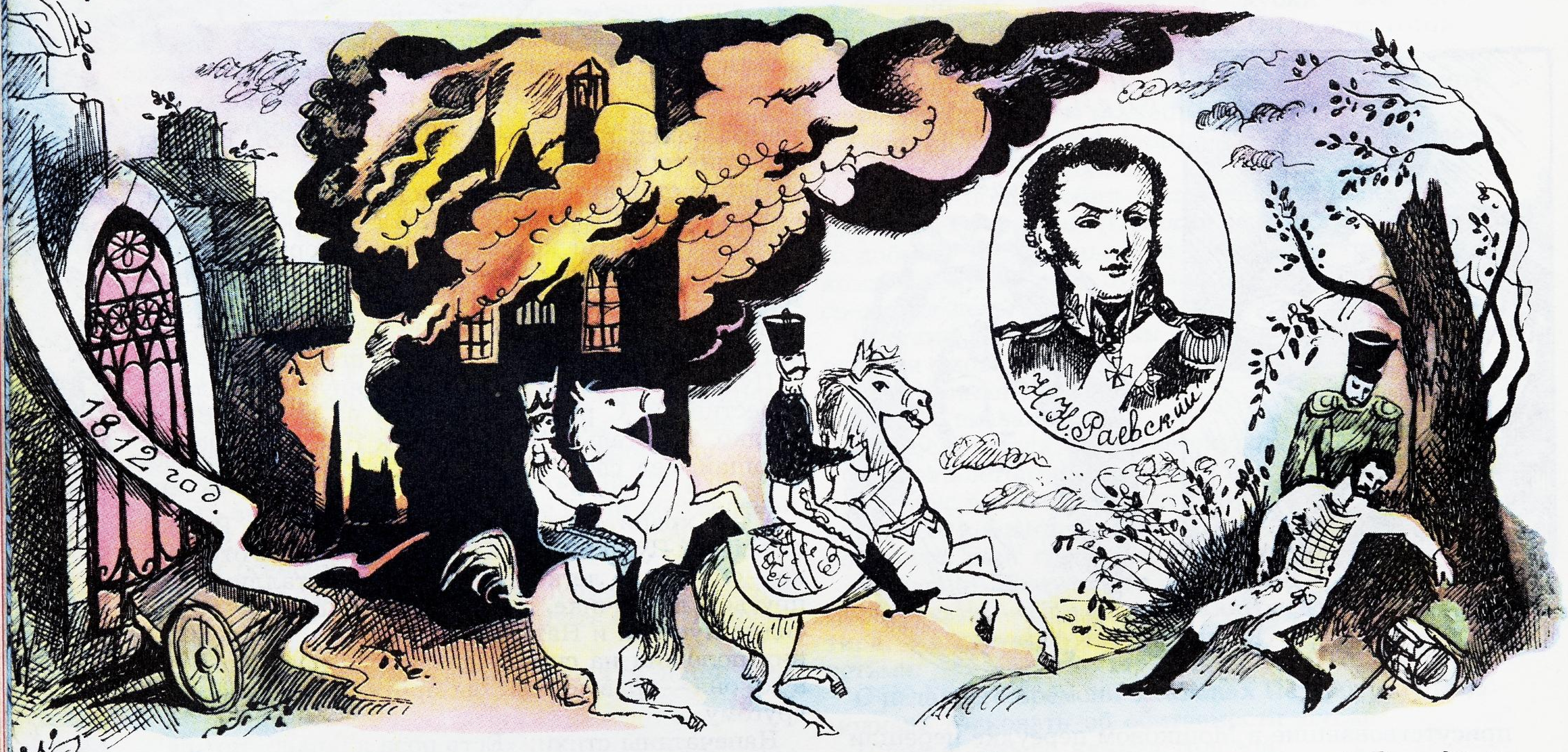
— МишЫнька! Свет очей моих!

Елизавета Алексеевна давно уже хворала. На голове под чепцом была теплая стеганая шапочка, а на плечах — из собачьей шерсти кацавейка.

Бабушка никак не могла наглядеться на внука. Она всегда не могла на него наглядеться, а теперь, после долгой петербургской разлуки, и подавно. И все приговаривала:

— Свет очей моих, МишЫнька...— И не выпускала из рук.

Лермонтов только что из пошевен — широких саней, обшитых изнутри лубком и устланных перинами: сани уже тарханские и поджидали Лермонтова недалеко от Тархан. Дорога была вьюжной, с глубокими заносами и заледенелыми станционными дворами, из которых выдуло, казалось, все



тепло. Такой снежной и холодной зимы в этих краях давно не было. «...Морозы доходют до 30 градусов, но пуще всего почти всякой день мятель, снегу такое множество, что везде бугры...» — сообщала бабушка в письмах к своей дальней родственнице Прасковье Александровне Крюковой.

В письмах к Крюковой бабушка в то время неожиданно соединила имена Пушкина и своего внука. Соединила имя знаменитого уже поэта и поэта-юноши, известного лишь в узком семейном и военном кругу.

Лермонтов ехал и писал стихи в «Почтовом дорожнике»: стихами спасался от метели и мороза. Одно стихотворение написал на столе у станционного смотрителя, пока ждал перемены лошадей. И так и оставил его, не обозначив авторства.

Тарханы. Тихое, теплое — будто рука погружается в мех — слово.

Это был первый офицерский отпуск Лермонтова «на шесть недель в губернии Тульскую и Пензенскую, по домашним обстоятельствам». Обстоятельства — это прежде всего бабушка. Путь из Петербурга в Тарханы проделал за десять дней.

И вот он здесь перед самым Новым, 1836 годом, в канун 31 декабря.

А Елизавета Алексеевна напишет все той же Прасковье Александровне Крюковой: «...В перьвой раз встретила новой год в радости: Миша приехал ко мне накануне нового году. Что я чувствовала увидя его, я не помню и была как деревянная, но послала за священником служить благодарный молебен. Тут начала плакать и легче стало».

Бабушке казалось, что совсем еще недавно внук носил куртку юнкера, точно солдатскую. Теперь он был офицером. Ей хотелось этого, хотелось,чтобы внук был похожим на Столыпиных. А Столыпины всегда прежде всего были военными. Заказала художнику Будкину портрет внука в вицмундире. Будкин портрет написал. Бабушка портретом осталась очень довольна...

Наконец Елизавета Алексеевна, успокоившись, «выпускает внука из рук», и он оказывается у себя в комнате наверху, куда вносят его вещи, и прежде всего дорожный кожаный сундучок с вицмундиром и бельем. Привез он из кондитерской Вольфа и Беранже у Синего моста (не путайте с кондитерской на Невском проспекте) для бабушки картон с конфетами и ликеры. Кондитерскую у Синего моста Лермонтов по традиции посещал с тех самых пор, как учился в юнкерской школе.

Вот-вот подъедут бабушкины гости из Чембар.

В доме звенело праздничное оживление, огни точно сами перебегали из комнаты в комнату, мелькали в зеркалах — рама одного из зеркал была обгорелой после пожара,— мелькали на лестнице, в кладовых. Отдавалось сразу по нескольку распоряжений и сразу по нескольку человек кидались их выполнять. Оживление было не только по поводу новогоднего торжества. Главное — приезд барина, которому хотелось услужить и услужить из-за любви к нему. Он приехал в свою вотчину. И сам Мишель находился под этим впечатлением, как будто не было университетского Пансиона, юнкерской школы, а было не прерывающееся ничем и никем детство в кленовых парках, в яблоневых

садах, в лугах, поросших летом плакун-травой, в пронзительных зорях и в тихих домашних закатах. И как будто бы стояли на замерзшем пруду форты и бастионы из снега, на которых он впервые ощутил себя героем Бородина, впервые сжал в руке саблю, пусть и детскую. Сейчас сабля лежала в кресле, офицерская.

О Бородинском бое Лермонтов впервые услышал в доме бабушки. Брат Арсеньевой — Афанасий Алексеевич Столыпин, блестящий офицер, живописал обстоятельства славной баталии, участником которой был. Он рассказывал о том незабываемом дне, о геройских действиях артиллерии, о редуте Раевского. Миша знал и о подвиге Дохтурова. Сменив на поле боя раненого Багратиона, этот генерал обратился к солдатам со словами: «За нами Москва! Умирать всем, но ни шагу назад...» Дохтуров тоже приходился Лермонтову родичем.

«Бородино», как известно, возникло не сразу. Сперва было раннее стихотворение «Поле Бородина», написанное шестнадцатилетним поэтом. Здесь еще ощущалось влияние изысканной речи Афанасия Столыпина.

...В окончательной редакции... победил солдатский слог. Может быть, толчком к этому послужила встреча с Дмитрием Федоровым, который, будучи отдан Арсеньевой в солдаты еще в восемьсот десятом году, отслужив в армии четверть века, вернулся в Тарханы и поселился у бывшей кормилицы Лермонтова — Лукерьи Шубениной. Юный офицер, приехавший в тридцать пятом на побывку к бабушке, навестил Шубенину и в крестьянской избе услышал еще один рассказ о событии, давно пленившем его воображение.

Поэт Яков ХЕЛЕМСКИЙ

А предновогодний тарханский дом все звенел, наполнялся счастьем, нужными и ненужными свечами, распоряжениями, суетой. И центром всего этого был приехавший на побывку гусар. И от его настроения, от его счастья зависело счастье наступающего 1836 года.

Только что в Москве вышла замуж Варенька Лопухина, и Лермонтов останавливался в Москве для разговора с ней, для встречи. Варенька — сестра друга Лермонтова Алексея Лопухина, с которым Мишель учился в Московском университете. Пережив бурное увлечение Наташей Ивановой, Лермонтов «с головой» влюбился в милую, «умную как день» Вареньку. Но судьба, обстоятельства развели их. И теперь произошла встреча с Варенькой уже Бахметьевой. И встреча эта не померкла на зимних стужных трактах, не утонула в глубоких снегах, не исчезла в привычном, казалось бы, для него одиночестве. Она была жгуче ощутима. Об этом он и сказал в своих безымянных стихах, оставленных на столе у станционного смотрителя. Кто был виноват в том, что Мишель и Варенька потеряли друг друга? Может быть, повинен его отъезд в Петербург тогда из Москвы? Юнкерство и в чем-то легкомыслие? Чувства у обоих были необычайно чистыми и светлыми. Жизнь, очевидно, позабавилась их молодостью, их ошибками.

А жили Мишель и Варенька на Молчановке почти «окна в окна». Только бабушка очень боялась «нонышний модной неистовой любви».

...Прокладывали Новый Арбат, рушились тихие переулки. Мы (имеется в виду поэт Михаил Светлов) шли мимо пустых домов. Они стояли грустные, без дверей, с выломанными рамами и обнаженными лестничными клетками.

— Пойдем, я покажу тебе дом, где жила Варенька Лопухина, любовь Лермонтова.

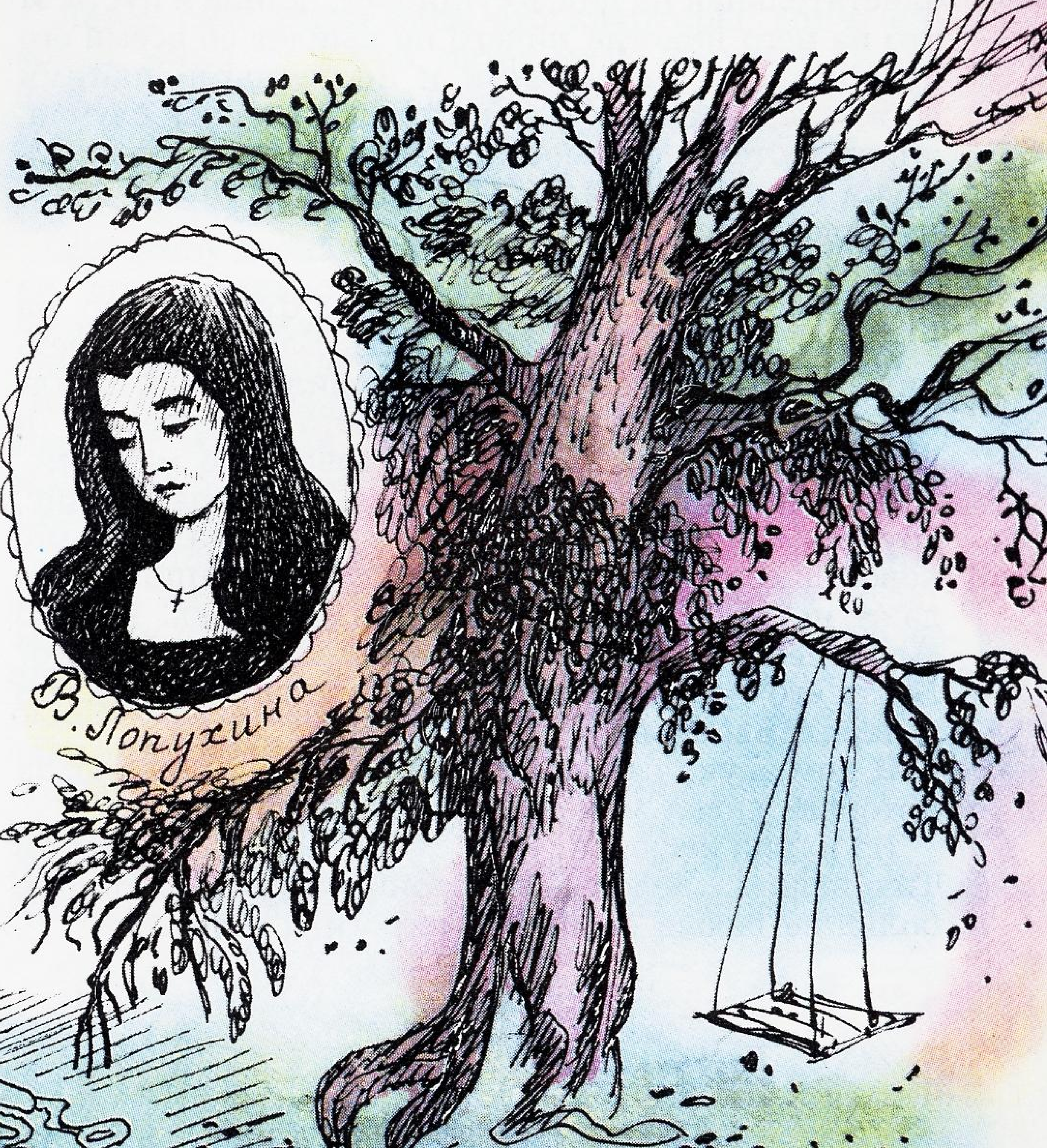
Дом встретил нас нежилой, распахнутый. Обрывки цветастых обоев свисали на стенах. Мы медленно шли из комнаты в комнату, по коридорам со вздыбленными полами. В углах валялись забытые вещи: старые кастрюли, поломанные стулья, стоптанные башмаки. Ветер полновластно разгуливал по дому.

— Грустно это,— сказал Светлов.— Идут миллионы световых лет. Свет проходит триста тысяч километров в секунду, и нам кажется, что законы света не подчинены закону нашей жизни. А закон один: прошлое, настоящее и будущее...— Он огляделся и провел ладонью по пыльному, обсыпанному известкой подоконнику.— Подумать только, сюда прибегал Лермонтов, молодой, влюбленный... Счастливый и несчастный, как все влюбленные... Все-таки хорошо, что последним сюда пришел поэт. Я, конечно, не Лермонтов, но хотя бы Михаил...

Из воспоминаний Лидии ЛЕБЕДИНСКОЙ.

Лермонтов сидел в своей комнате, не двигался. Москва, Молчановка все еще не отпускали его. Нагромождение лиц, событий, характеров, отчуждения, смирения, потери. Сами собой возникшие преграды. И прилипающая к твоей жизни молва. Неизбежная и отвратительная.

Марионетки... Старые куклы из цветного воска. Старый театр, в который он играл в детстве, здесь, в Тарханах. Забавлялся. Куклы-марионетки — ими наполнен мир, наполнена жизнь. И жизнь забавляется людьми как марионетками. Чем ответить? Надо самому забавляться жизнью. Чего ж еще! Желанья отняты. Прячь истинное лицо. Надевай другое, маскарадное. Да здравствует Маёшка! Он ему вполне по нраву в кавалерийской судьбе. Вицмундир, гусарская с петушиным султаном шляпа, шинель с бобровым воротником, который непременно серебрится. «Беспечный мир — теченье века». Ничтожество есть благо. Хоть бы поскорее загорелась где-нибудь достойная война, чтобы не остаться вечно праздным. Надо будет сказать — пусть отыщут его старые марионетки. Пусть



будет сыгран сегодня веселый новогодний спектакль.

— Любезный друг! — зовет снизу, из зала, бабушка. — Ты когда спустишься?

Бабушка из-за хвори не всходит на лестницу, тяжело. А заболела еще в Москве, когда ехала сюда из Петербурга, чтобы проследить, как ведется в Тарханах хозяйство, — внуку теперь в новом офицерском положении нужно будет издерживать много денег и на лошадей с кучерами, и на экипировку, и на квартиру приличную, и на посещение клубов и загородных гуляний, кондитерских и кофейных домов. Дело молодое, гусарское. И она рада, что он ездит в Петербурге по балам. И вот теперь он здесь, у нее, — офицер, гусар, как на портрете Будкина.

Год назад Лермонтов написал старшей сестре Вареньки Марии Лопухиной, что его будущность, блистательная на вид, в сущности, пошла и пуста. И что из него никогда ничего не выйдет со всеми его прекрасными мечтаниями и неудачными шагами на жизненном пути. Или не представляется случая, или недостает решимости, и, право, чтобы слышать звуки слов, следовало бы в письмах ставить ноты над словами...

Ноты над словами...

Он быстро сошел вниз. Открыл фортепьяно, на котором играла когда-то его мать. Бабушка приветственно кивнула внуку — она следила, как готовился праздничный стол. Елизавета Алексеевна в хозяйстве все всегда контролировала до мелочей.

Лермонтов проиграл музыкальную фразу, одну, другую. Потом еще и еще. Он проигрывал письмо, новогоднее письмо, которое никогда не напишет. Он даже не знал, кому оно предназначалось. На что ему теперь менять свою любовь? На что? На кого? Пуста его будущность. И он сам повинен в том, что потерял Вареньку.

И дом звучал теперь и от звуков фортепьяно, за которым сидел молодой гвардейский офицер.

Из кухни несли закуски, изготовленные поваром Тихонычем. Зелень из парников, завернутые в большие белые салфетки пироги и кулебяки.

А фортепьяно уводило Мишеля все дальше и дальше от происходящего... «Ласкаемый цветущими мечтами я тихо спал и вдруг я пробудился, но пробужденье тоже было сон...»

Сзади подошла бабушка. Она почувствовала — внук необычайно взволнован. Положила ему руки на плечи, что делала редко, чтобы не показаться слабой и чтобы не показать внуку — и это главное, — что он тоже вдруг в какой-то момент ослабел.

А за окнами в метельном ветре на старом вязе раскачивались детские качели — это бабушка велела их не снимать, а когда подгнил канат, приказала его сменить и качели вновь повесить... Бабушка хотела видеть внука блистательным гвардейским офицером, но еще больше — маленьким и только ей принадлежащим.

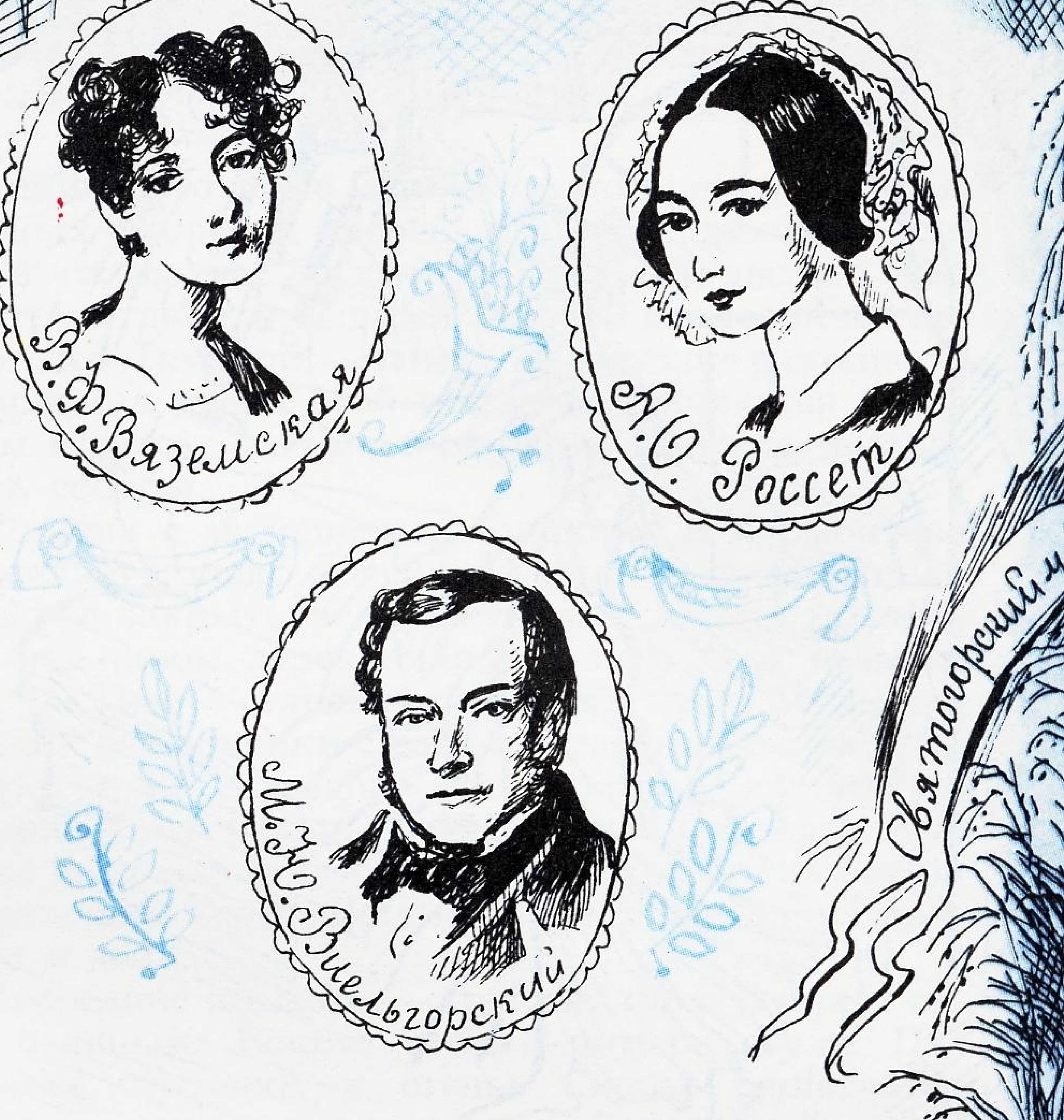
Певческий мост

Когда в Москве, на Кропоткинской улице, в музее Пушкина в день смерти поэта, 10 февраля (29 января по старому стилю), в 2 часа 45 минут пополудни объявляется минута молчания, а потом исполняются распев Рахманинова, концерт Бортнянского, «Утро» Чайковского, исполняются и стихи Лермонтова на музыку Рубинштейна. Лермонтова поют Пушкину; стихи младшего поэта звучат в память о старшем.

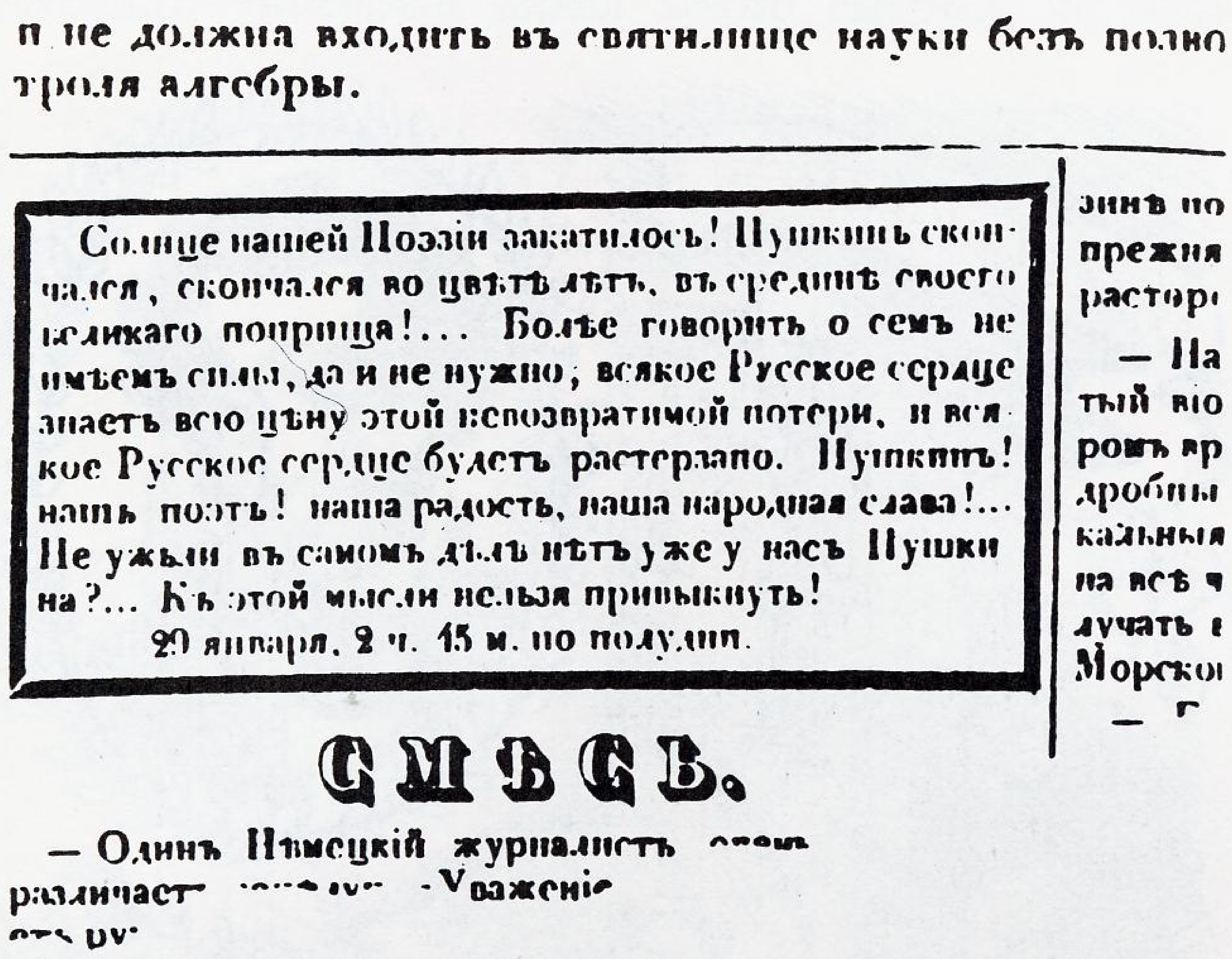
Хор поет тихо, в тихом многолюдном зале; поет издалека в далекое, из настоящего в прошлое, из прошлого в настоящее.

В этот же день, в этот же час и в эти же минуты в Ленинграде, на Мойке, в квартире Пушкина, тоже после минуты молчания капелла имени Глинки исполняет Рахманинова, Чайковского, Бортнянского (сейчас в связи с реставрацией и ремонтом квартиры Пушкина это происходит в капелле имени Глинки).

Передо мной необычная почтовая открытка: «Просим Вас прийти 10 февраля в квартиру А. С. Пушкина». Напоминание? Нет. Память. Каждому. Прислала открытку Нина Ивановна Попова. Это было в год нашего с Ниной Ивановной, хозяйкой квартиры на Мойке, знакомства.



На открытке всего лишь в десять строк напечатан некролог о Пушкине. Написал его питавший к Пушкину глубокое уважение и душевную любовь Владимир Федорович Одоевский в полном одиноком отчаянии у себя в кабинете, где еще звучали веселые слова Пушкина: «Я, черт знает, как изленился!» Князь Владимир Одоевский оставил нам навсегда свои десять поистине сиятельных строк.


и не должна входить въ святилище науки безъ полнотроля алгебры.

Солнце нашей Поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!... Болѣе говорить о семъ не имѣемъ силы, да и не нужно; всякое Русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратимой потери, и всякое Русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость, наша народная слава!... Не ужьли въ самомъ дѣлѣ нѣтъ уже у насъ Пушкина?... Къ этой мысли нельзя привыкнуть!

29 января, 2 ч. 45 м. по полудни.

СМѢСЬ.

— Одинъ Нѣмецкій журналистъ

Редактор Андрей Александрович Краевский, напечатавший некролог в газете «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», получил строгий выговор от министра народного просвещения графа Уварова:

— Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека, не чиновного, не занимавшего никакого положения по государственной службе?.. Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?!

Он не государственный муж, граф Уваров, он Солнце!

Вы утверждаете: «Писать стишки (стихи для вас «стишки»!) не значит еще проходить великое поприще». Значит, граф Уваров, значит. И сейчас мы вас упоминаем, министра народного просвещения и даже президента Академии наук и, как вам казалось, государственного мужа, упоминаем только в силу того, что вы чиновно-небрежно назвали дорогое для нас имя. Только, Уваров! Хотя вы «арзамасец» и даже явились «бледный и сам не свой в Конюшенную церковь на отпевания Пушкина», но все пушкинские друзья вас уже сторонились.

Ваш современник лицеист Алексей Иллический написал, что лучи славы Пушкина будут отсвечиваться и в его товарищах. А уже наша современница, правнучка поэта Наталья Сергеевна Шепелева, добавила, что лучи славы Пушкина осветили не только друзей, но и недругов.

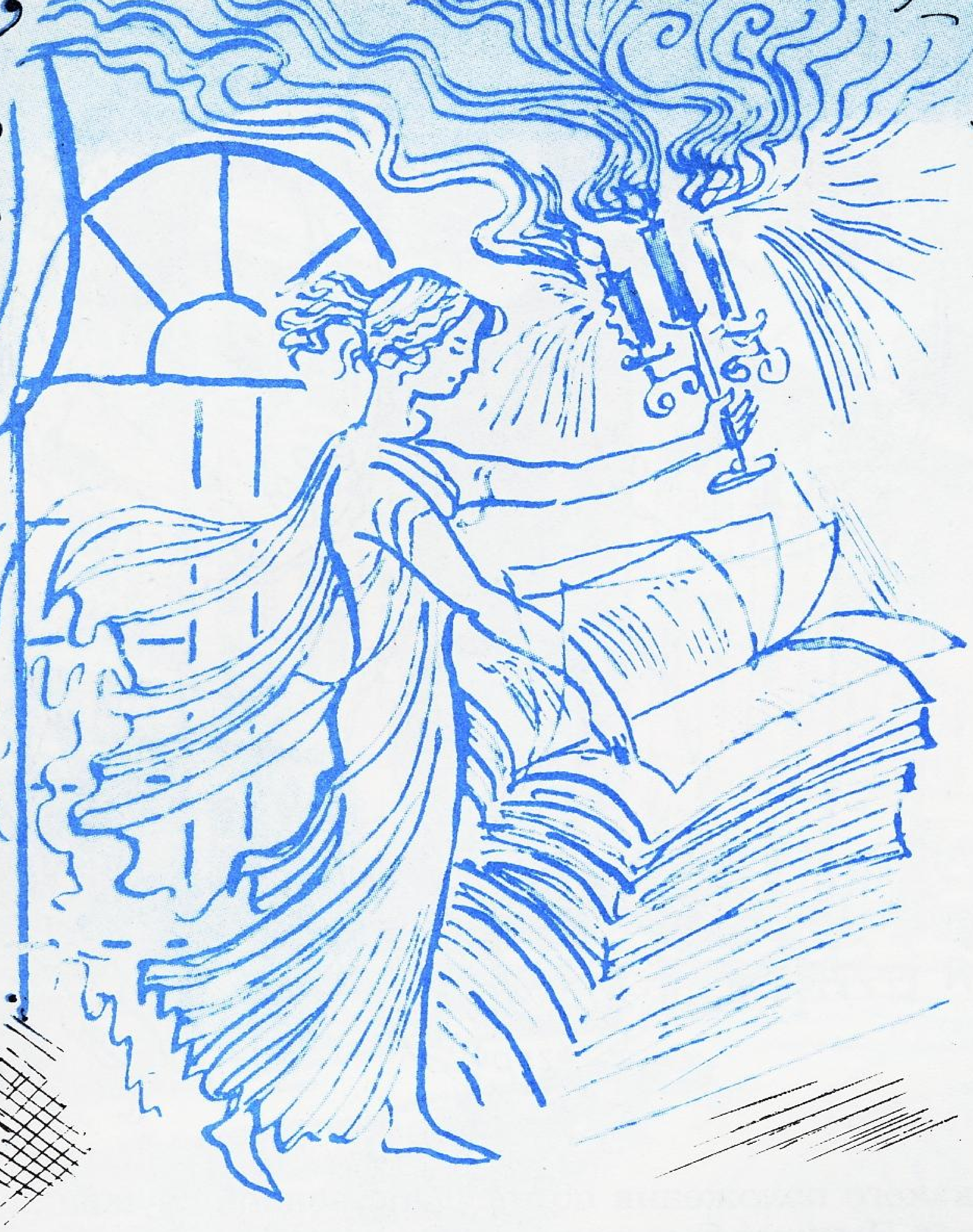
Пушкин умирал, «истаивал».

Летел снег мимо окон его квартиры, мимо его жены, мимо его детей, летел мимо времени. Полицейский врач написал донесение: «Г-н Пушкин при всех пособиях, оказываемых ему Его Превосходительством г-ном лейб-медиком Арендтом, находится в опасности жизни».

Пушкину назначены холодные со льдом примочки, холодительное питье. Холод сейчас облегчает поэту страдания. Одно из пособий, которое могли предложить врачи того времени раненному в живот Пушкину. Истаивают силы, истаивает сердце, меркнут желания. Затих, молчит камин. Затихла, молчит подо льдом Мойка. Холод на окнах, холод за окнами. Холод на Мойке.

Неслышным шагом, легче снега, легче времени, вышла на Мойку печальная пушкинская муза: Пушкин простился с ней последней. Никто этого не знал, только он и она. Зима. Лед. Холод. Снег. И одиноко удаляющаяся одинокая пушкинская муза. «Богиня тихих песнопений».

Хор поет в Москве, на Кропоткинской улице, в доме № 12, хор поет в Ленинграде, на Мойке, в доме № 12. Поет из этой зимы в ту зиму, из этого дня в тот день. Из Москвы в Ленинград, из Ленинграда в



Москву. Из дома №12 в дом №12. Поет тихо, возвышенно, памятно. Вечно.

...Певческий мост... Певческий мост...

Лермонтов на Мойке. Еще не узнанный Россией. Но через два зимних дня он будет узнан. Огненная душа. Нежное сердце.

Сейчас он стоит на том месте на Мойке, где будет построен новый Певческий мост — большой, широкий. Чугунные решетки, на них рисунок — листья папоротника. Сквозь снег и зиму мост от одного поэта к другому.

— Я был еще болен, когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина.

Пушкин для Лермонтова «дивный гений», «наша слава».

Александра Смирнова-Россет, которая «как дитя была добра», написала об отношении Лермонтова к Пушкину, что это единственный человек, которого он так сильно любил и смерть которого была большим горем для него.

К Пушкину не пускали: толпа в передней и в зале. У Пушкина не было сил. Он говорил, что ему было бы приятно видеть всех, но у него уже нет сил.

Нет сил...

Смерть стремительно приближалась...

Но если бы он знал, что пришел и стоит возле его дома Михаил Лермонтов... Если бы об этом знали Жуковский, Вяземский, Данзас, Виельгорский, с которым познакомится потом и Лермонтов. Если бы знал друг Пушкина врач Владимир Даль или знала бы «княгиня-лебедушка» Вера Федоровна Вяземская,— может быть, все последние силы Пушкина они отдали бы Лермонтову! Ему одному.

Пушкину дают холодительное питье, капли опиума. Стоит у изголовья миска со льдом. Пушкин берет слабеющими пальцами обломочки льда, трет ими виски, роняет лед, и он падает с тихим, безнадежным звоном обратно в миску.

Лицо покрыл жар. Тоска и боль. Общая слабость брала верх. Пульс упадал.

Остаются немногие часы жизни: огнестрельная проникающая рана в живот.

— Плохо, брат...— Это было сказано Далю.

«В первый раз сказал он мне **ты,** — вспоминает Владимир Даль,— я отвечал ему так же и побратался с ним уже не для здешнего мира».

Владимир Даль принес Пушкину врачебное успокоение, врачебную гуманность: дышу — надеюсь,— хотя сам Даль ни на что не надеялся.

«Плохо, брат...» Вы слышали, Лермонтов, слова умирающего Пушкина? Скажите, слышали? «Плохо, брат...» Вы должны были их услышать. Слова были сказаны, обращены не только к Владимиру Далю, но и к вам. И вы их услышали. Мы знаем это. Слова будут потом кричать в вашем сердце, переполняя его горечью и злостью. Они помогут вашим стихам, сразу написанным. Сразу! Вы услышали: «Плохо, брат...» — и вы сделали, что смогли.

Убит поэт! Убит! Убит!

Вы, лейб-гвардии корнет, в нетерпении «ломая один за другим» карандаши, написали и главные шестнадцать строк — равные пуле. Чем вы могли помочь? Чем вы могли отомстить? Стихом! Таким яростным, что не выдерживали карандаши. Вы переломали их «с полдюжины». Вы готовы были к строчкам, равным выстрелу. Пуля за пулю!

Поэт нуждался в защите. И его защитил поэт. Защитил всей силой своего таланта, всей силой

своей судьбы. Стихи Лермонтова на смерть Пушкина разнеслись по С.-Петербургу и двинулись по России. И теперь по России будут числиться оба — и Пушкин, и Лермонтов.

Стихи называли «прекрасными», «достойными», «энергическими», «дышащими силою», «дышащими божественным величием духа», а кто был испуган — «чересчур вольнодумными», «раздражением нервов», «темными», «непозволительными». Жандармам они напомнили «декабристские воззвания к восстанию».

А бедная бабушка волновалась за МишЫньку и пыталась стихи «исхитить... из обращения в публике». Из кондитерской Вольфа и Беранже, на углу Невского проспекта и набережной реки Мойки (Невский проспект, 18), где их в читальном зале переписывали.

Неслышным шагом, легче снега, легче времени, войдет сюда пушкинская муза, возьмет листок со стихами и так же, легче снега, легче времени, уйдет. Ее никто больше никогда не увидит: она ждала этот лермонтовский листок, чтобы отнести его Пушкину уже не в здешний мир.

...Певческий мост... Певческий мост... Он — начало поэтической судьбы младшего поэта. Он и его первая царская опала, и высылка из столицы.

В Петербурге быстро, по-зимнему, стемнело.

Лейб-гвардии корнет стоял на Мойке. Смотрел на пушкинскую квартиру. Стояло множество людей. Молчали. Было холодно, в особенности к вечеру. Сани, кареты, возки, кибитки. Дыхание лошадей дымилось белыми факелами. Верхами — жандармы: они здесь, конечно, по приказу Бенкендорфа, неизменного «политического наблюдателя за поведением поэта». И подумать только, через год в стенах бывшей квартиры Пушкина будет праздноваться свадьба дочери Бенкендорфа! А сам Бенкендорф станет неизменным политическим наблюдателем и за поведением Лермонтова, этого гусарского офицера с «вольнодумством более чем преступным».

Вновь и вновь приезжала и отъезжала карета лейб-медика Николая Федоровича Арендта. И даже Арендт, «который видел много смертей на веку

своем и на полях сражений, и на болезненных одрах,— как писал Вяземский,— отходил со слезами на глазах от постели его (Пушкина. — **М. К.**) и говорил, что он никогда не видел ничего подобного, такого терпения при таких страданиях».

Два скорбных январских дня.

В морозных окнах пушкинской квартиры блестели морозные звезды свечей, но все чаще их перекрывала возрастающая в квартире густота людских взволнованных теней.

Корнет Лермонтов видел сквозь январскую ночь одинокий, затухающий в январском снегу огонек — пушкинскую звезду. Из далека в далеко, из настоящего в прошлое, из прошлого в настоящее.

Вот она, самая большая звезда, «Драгоценность России».

Пушкинский Дом

Пушкинский Дом Академии наук находится на Васильевском острове в здании бывшей петербургской Таможни. Чтобы войти в рукописный отдел Пушкинского Дома, требуется позвонить у специальных стальных дверей, и, только проверив, кто вы и что вы, вас впустят. За стальной дверью, уже внутри отдела, в бывшей золотой кладовой петербургской Таможни — теперь хранилище рукописей. Старинная дверь этой комнаты запирается большим ключом: такими в прежние времена запирались соборы.

Шкафы с рукописями Пушкина и Лермонтова разделяет только массивное окно во двор. Стекла шкафов закрыты зеленой тканью. Между шкафами, под окном, деревянная, в размер окна, скамейка. На ней — старенький синий эмалированный чайник без крышки с водой и старенькое железное ведро, тоже с водой. Влажность в хранилище должна быть пятьдесят процентов, а температура плюс двадцать градусов. Ученый-хранитель Римма Ефремовна Теребенина проверяет показания дважды в день.

Посредине комнаты — круглый стол. Покрыт тоже зеленым. Вокруг стола — четыре стула. Пятый — в сторонке, у стены. Сквозь решетчатое соборное окно входит неяркий балтийский свет.

Можно присесть на один из стульев и побыть в тишине этого маленького собора, чтобы, как очарованному, услышать Пушкина и Лермонтова, их сближенный удел. Цепь их жизни. Единую. Они сами выстроили ее своими стихами, звено за звеном.

Пушкин в двадцать шесть лет:

Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милые мученья,
За шум, за бури, за пиры,
За все, за все твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревог и в тишине,
Я насладился... и вполне;
Довольно! С ясною душою
Пускаюсь ныне в новый путь
От жизни прошлой отдохнуть.

Лермонтов в двадцать шесть лет:

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей,
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

Привел меня в хранилище рукописей Камсар Нерсесович Григорьян — он возглавляет рукописный отдел. Он один из тех, кто имеет право разрешить тронуть рукописи. Таких разрешающих всего три человека — заместитель министра культуры СССР, директор Пушкинского Дома и заведующий отделом Григорьян.

В Великую Отечественную войну Камсар Нерсесович сражался за свой родной Ленинград. Познакомились мы с ним в Ялте. Он читал нам свои поэтические переводы армянских классиков, а потом разговорились о Пушкине и Лермонтове. Он знал некоторые наши с Викой публикации в газетах. Сказал, когда будем в Ленинграде, чтобы зашли к нему в рукописный отдел. Зашел я один.

— Рукописи можно тревожить не больше одного раза в год,— сказал мне Камсар Нерсесович.— Для работы даем ксерокопии.

Я киваю. Конечно. И даже не заикаюсь о том,

чтобы потревожить какую-нибудь из рукописей Пушкина и Лермонтова.

Сидим с Камсаром Нерсесовичем в бывшей золотой кладовой. Она и теперь золотая кладовая.

— Автобаза во дворе,— продолжает Григорьян,— и через форточку проникают выхлопные газы. Бич для рукописей.

— Ничего не можете поделать с автобазой?

— Пока нет.

— Чьи еще рукописи хранятся вместе с пушкинскими и лермонтовскими?

— Байрона, которому они оба поклонялись. Шиллера, Карамзина, Жуковского, Вяземского, Петра Великого, Наполеона...

— Все эти люди в той или иной степени были им не безразличны.

Григорьян недавно обнаружил дотоль неизвестное письмо Жуковского к Гречу, в котором Жуковский сообщает о дуэли Пушкина с Дантесом. Камсар Нерсесович подготовил публикацию письма с комментарием...

Вдруг Григорьян решительно придвинул к лермонтовскому шкафу стул, который стоял у стены, открыл створки шкафа. Встал на стул, дотянулся до верхней полки — все это быстро, энергично,— взял с полки стандартного вида папку, соскочил со стула, положил папку на круглый стол. Развязал завязки и вынул небольшую тетрадь.

Я сидел, затаясь.

Григорьян кивнул мне — глядите.

Я не смел ни говорить, ни дышать. Я только осторожно склонился над тетрадью. Какой тетрадью!

Камсар Нерсесович открыл ее. На заглавном листе, на темном квадрате я увидел написанное белыми печатными буквами — «Черкесы». Ниже рисунок — два пистолета, тоже белым. Над пистолетами горкой — пули. Под пистолетами линеечка с завитками по краям. И пули, и линеечка — тоже белым.

Первая поэма Лермонтова. Написана в 1828 году в небольшом уездном городке Чембаре, недалеко от Тархан. В основе поэмы — детские впечатления о Кавказе, рассказы родственников и прежде всего Шан-Гиреев, живших по соседству с Тарханами. Лермонтов написал поэму и сам разрисовал заглавный лист. Было ему — четырнадцать.

Передо мной беловая рукопись. Передо мной подлинник, который теперь потревожат не раньше чем через год.

Камсар Нерсесович положил передо мной и рукопись Пушкина — черновик поэмы «Бахчисарайский фонтан», с замечательным автопортретом: Пушкин нарисовал себя юношей. Рисунок в верхнем правом углу листа.

Я глядел и не мог наглядеться. Это было мои круги счастья. Я не только все услышал, я все увидел, как в магическом кристалле. Пожалел, что нет со мной Вики.

Рукописи старшего и младшего соединились, лежали рядом на столе. На одной из рукописей — два пистолета. Вот она, многая печаль, злое колдовство.

Когда я вышел из рукописного отдела — встретил Нину Ивановну Попову, заведующую музеем-квартирой Пушкина на Мойке.

Не дав ей сказать даже и слова, я воскликнул:

— Нина Ивановна! Я видел то, чего больше никогда не увижу. Рукописи!

Нина Ивановна, конечно, не стала спрашивать, чьи рукописи. Она сразу поняла.

— Вы были у Камсара Нерсесовича?

— Да.

— Как же это вам удалось его уговорить?

— Я не уговаривал. Он сам.

Нина Ивановна покачала головой:

— Невероятно.

«Действительно невероятно,— подумал и я.— Камсар Нерсесович понял, что это для меня значило».

— Поедемте к нам, вместе пообедаем. У меня сегодня такой день! — предложил я Нине Ивановне.

— Мне надо к Григорьяну. Подписать у него разрешение на ксерокопии с пушкинских писем.

Бумага была подписана, и мы с Ниной Ивановной на троллейбусе отправились в конец Невского проспекта, к Лавре, к гостинице «Москва».

В гостинице я закатил небольшой пир.

Мы сели в нашем номере у самого окна с видом на Неву. И я, все еще не успокоившийся от посещения рукописного отдела, говорил, говорил.

Вика и Нина Ивановна улыбались — они радовались моему счастью. Нина Ивановна даже ничего не рассказывала о тех волнениях (нам-то было известно!), которые она испытывает, наблюдая, как Управление капитального ремонта — специального реставрационного управления нет — ведет сложный ремонт-реставрацию последнего жилища поэта.

Нину Ивановну мучают вопросы — замостить брусчаткой двор или не следует? Вырыть или не следует колодцы и погреба? Ставить конюшню, сеновал, коновязи или не ставить? Какой паркет настелить в кабинете Пушкина? С чубуком? Карнизы какие сделать — с лепными украшениями или гладкие? Потолки? Тоже гладкие? При восстановлении кабинета Пушкина должна быть проявлена особая тактичность.

Надо сделать и комнаты сестер Гончаровых, Екатерины и Александрины, которые переехали с Полотняного завода в Петербург, к Пушкиным, в 1834 году. Прежде в экспозиции таких комнат не было. А где взять «гончаровские» детали для них?

Все новые заботы Нины Ивановны мы узнавали при каждом нашем посещении Ленинграда.

Но сегодня были мои круги счастья. Это было счастье пребывания в мире абсолютной истины.

Первым, кто начал подводить нас с Викой и всех наших ребят к этой абсолютной истине, был учитель словесности Давид Яковлевич Райхин. Учились мы в школе № 19 имени Белинского. Давиду Яковлевичу сейчас уже за семьдесят, но он еще преподает.

После обеда мы отправились немного проводить Нину Ивановну: она ехала на Мойку. Бывает там ежедневно. Главный архитектор Кирилл Андреевич Кочергин беспрестанно что-нибудь обнаруживает: следы перегородок, остатки неизвестных прежде карнизов, старых печей, дверных проемов, оконных приборов.

— Ведутся натурные исследования, чтобы воссоздать квартиру в первоначальном, подлинном пушкинском виде,— говорила нам Нина Ивановна.— Совсем недавно найдены детали парадной лестницы на второй этаж. И знаете, что еще доказали натурные исследования? — Нина Ивановна сделала паузу.— Наличие в комнатах обоев, наклеенных на газеты. И не просто газеты, а на газеты «Северная пчела». Но исследования не кончены.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ЧТОБЫ РАДУГА НЕ ПОГАСЛА

ПРО ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

Отдел ведет А. ПЛЕШАКОВ.
Научный консультант — член-корреспондент АН СССР А. В. ЯБЛОКОВ.

Специальный выпуск в защиту бабочек

Недавно у одного знакомого паренька я взял книжку почитать. Раскрыл ее, и вдруг, как сухие листочки, посыпались на пол... бабочки. Две, три, пять — выпали из книги одна за другой. Я от неожиданности даже растерялся, а когда стал поднимать их, пальцы мои оказались такими неловкими, что две бабочки сразу рассыпались на кусочки. Мне было очень их жалко. Нет, не потому, что они вот теперь рассыпались, а потому, что мой знакомый когда-то погубил их, ни за что ни про что, просто так. Поймал, запихнул в книжку, а потом забыл...

Еще я подумал, что ведь и сам в детстве собирал бабочек. Правда, не так, как этот паренек, а «по-настоящему»: накалывал на булавки, расправлял на расправилках, раскладывал в коробках красивыми рядами. Я любил бабочек, да, но совсем не понимал, что, вылавливая их, обедняю природу и одновременно самого себя. Едва завидев бабочку на цветке, я крепче хватался за сачок. Мне некогда было ею любоваться. Сперва надо поймать, думал я, а любоваться уж потом. И я бежал за бабочкой. Бежал и не замечал, как красиво взмахивает она крыльями, словно купается в море воздуха, солнца и свободы, не замечал, как нужна она здесь, над зелеными травами, над желтыми и синими цветами...

И вместо живой красоты мне доставалась мертвая. Как жаль! Сколько радостных минут, минут настоящего общения с природой упустил я тогда. И скольких людей, которые приходили в лес после меня, лишил возможности видеть красоту.

Бабочки не только красивы, но и полезны: они опыляют растения.

Обращаюсь ко всем ребятам: не губите бабочек! Поймите: их и так становится все меньше и меньше. Даже дневной павлиний глаз и траурница, которых еще совсем недавно было много, сейчас встречаются нечасто. А знаете, сколько видов бабочек уже внесено в Красную книгу СССР? Сто четыре вида! Все они под прямой угрозой исчезновения.

А те из ребят, кто хочет собрать коллекцию бабочек, должны помнить, что Закон СССР об охране и использовании животного мира гласит: «...пополнение зоологических коллекций, находящихся в личной собственности граждан, и создание гражданами новых коллекций запрещается».

Давайте же беречь бабочек, эту радость природы, эту удивительную живую радугу.

А. КРОТКОВ.

Присмотритесь к ***крапивнице,*** *и вы поймете, что она настоящее украшение наших лесных опушек и лугов.*

Траурница *совсем не пестрая, но необыкновенно красивая бабочка. Гусеницы ее живут на тополе, осине, иве, березе.*

Бабочки из Красной книги СССР

Ночная бабочка ***лунка серебристая*** *днем сидит неподвижно. Посмотрите, как похожа она на сучок, обломанный с двух концов. Таким сучком, конечно, не заинтересуются ни птица, ни человек. А бабочке только этого и надо!*

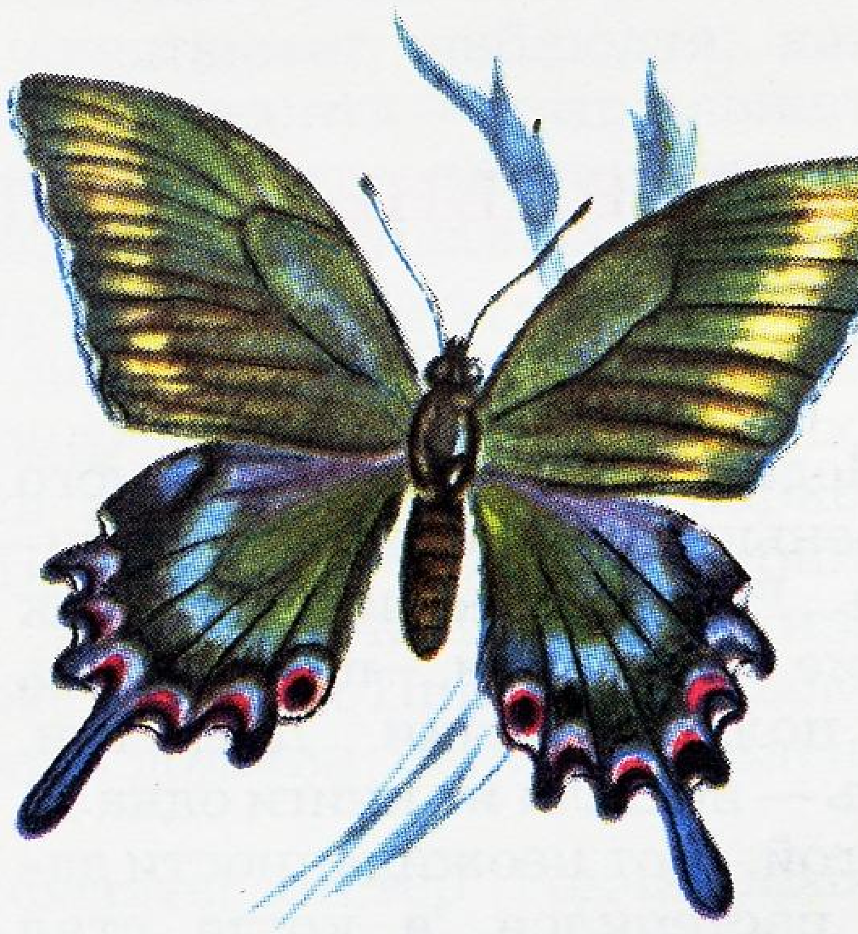
Адмирал *— великий путешественник! В конце лета эти бабочки, как перелетные птицы, улетают на юг зимовать (некоторые, впрочем, остаются и зимуют у нас, спрятавшись в укромных местах). Весной бабочки-путешественницы возвращаются на родину.*

Аполлон

В древнегреческой мифологии Аполлон — бог искусства и света, бог солнца. Его именем и названа эта бабочка, действительно светлая, солнечная. Очень редкая, она стала символом хрупкой, исчезающей красоты природы.

Мертвая голова

Какой зловещий рисунок на спинке у этой ночной бабочки! Действительно — череп, мертвая голова! Но не только странным своим «украшением» знаменита бабочка. Она знаменита еще и тем, что умеет громко кричать. В прошлом суеверные люди боялись этого крика, называли его «заупокойной песней» мертвой головы. А ученые долго не могли понять, как же удается бабочке издавать такой громкий и пронзительный звук. Лишь сравнительно недавно, вооружившись сверхчувствительным магнитофоном, осциллографом и другой современной техникой, исследователи изучили во всех деталях работу «голосового аппарата» бабочки. Оказалось, что он в общих чертах напоминает человеческий.



Хвостоносец Ма́ака

Крупная и сказочно красивая бабочка из семейства парусников. Гордость дальневосточной природы! Она названа в честь известного русского натуралиста и путешественника прошлого века Р. К. Маака.

Доброе слово о гусеницах

Скажем честно: мало кто любит гусениц. Многие считают их противными, вредными и при встрече, бывает, стараются раздавить. А между тем большинство гусениц красивы (даже очень!) и вреда растениям не приносят.

О гусеницах написаны книги. Самая знаменитая из них появилась в XVII веке. Она так и называется: «Книга о гусеницах». Написала и нарисовала ее прославленная немецкая художница, путешественница, исследовательница Мария Сибилла Мериан, рисунками которой восхищался сам Петр I.

Какие разные гусеницы живут на свете! Мохнатые и «голые», полосатые и одноцветные, рогатые и безрогие. Есть гусеницы, похожие на палочку, на собачку, на крошечного медвежонка... Не пожалеешь, если к ним приглядишься.

Но мало того, что гусеницы сами по себе интересны. Они ведь со временем превращаются в прекрасных бабочек!

Берегите гусениц!

Прочитайте эти книги

Ю. Дмитриев, Н. Пожарицкая *«ТВОЯ КРАСНАЯ КНИГА», Москва, издательство «Молодая гвардия», 1983 г.*

Ю. Аракчеев *«В ПОИСКАХ АПОЛЛОНА», Москва, издательство «Мысль», 1985 г.*

Ю. Аракчеев *«В СТРАНЕ СИНИХ МАХАОНОВ», Москва, издательство «Детская литература», 1985 г.*

Рисунки Н. ФЕДОРОВОЙ.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель. Составь предложение со словом «эпитет»!

Ученик. «Володя сел за стол и стал есть со зверским эпитетом!»

Сережа Крохалев,
Сумская обл.

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Кто открыл Америку?

Ученик. Светофор Колумб!

Марина Кампашникова,
Оля Карпенко,
г. Ржев.

* * *

Учитель. Что такое полуостров?

Ученик. Полуостров — это остров, деленный пополам!

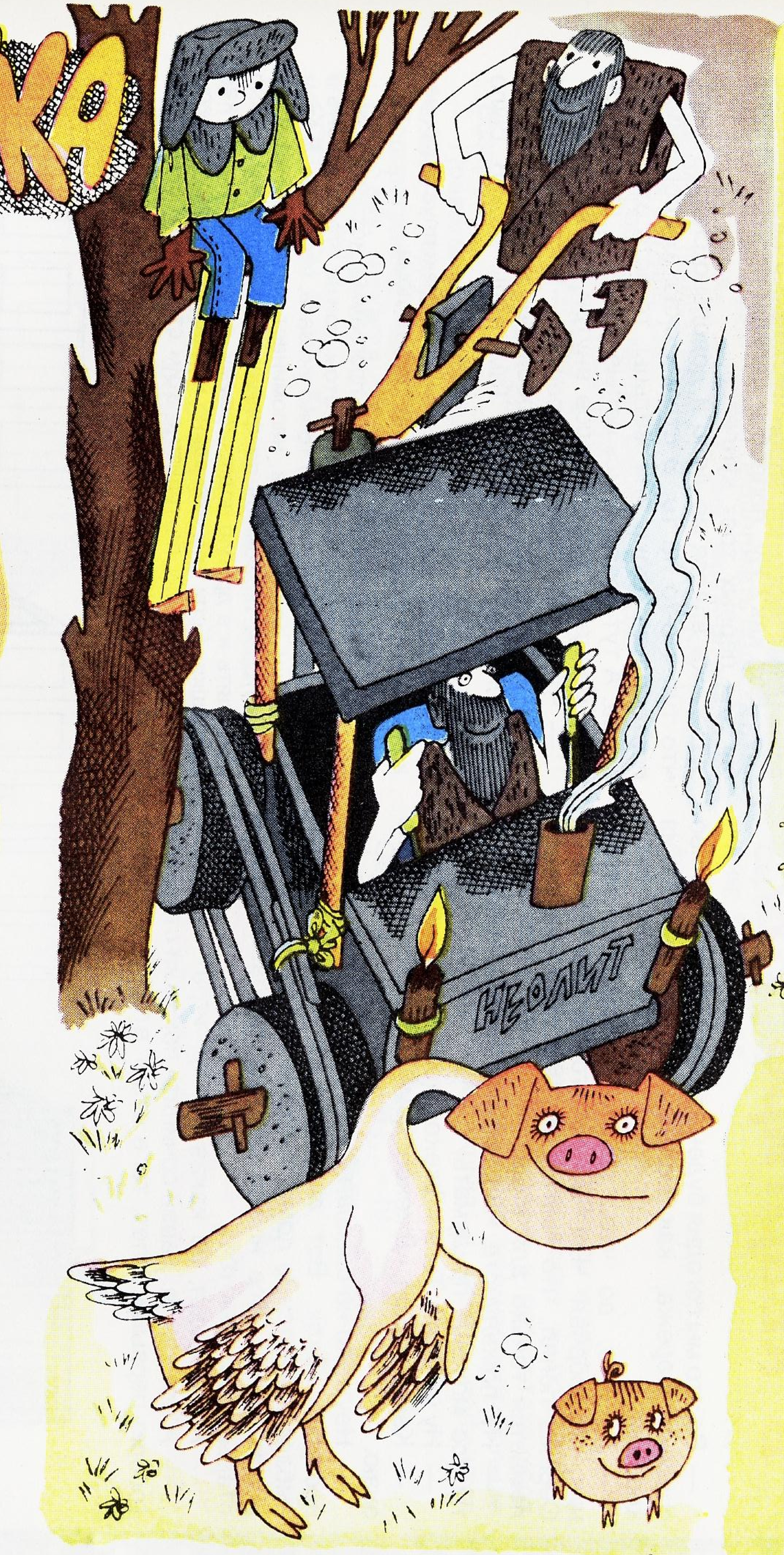
Маша Бутузова,
г. Выборг.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Чем обрабатывали землю первобытные люди?

Ученик. Они обрабатывали землю первобытными тракторами...

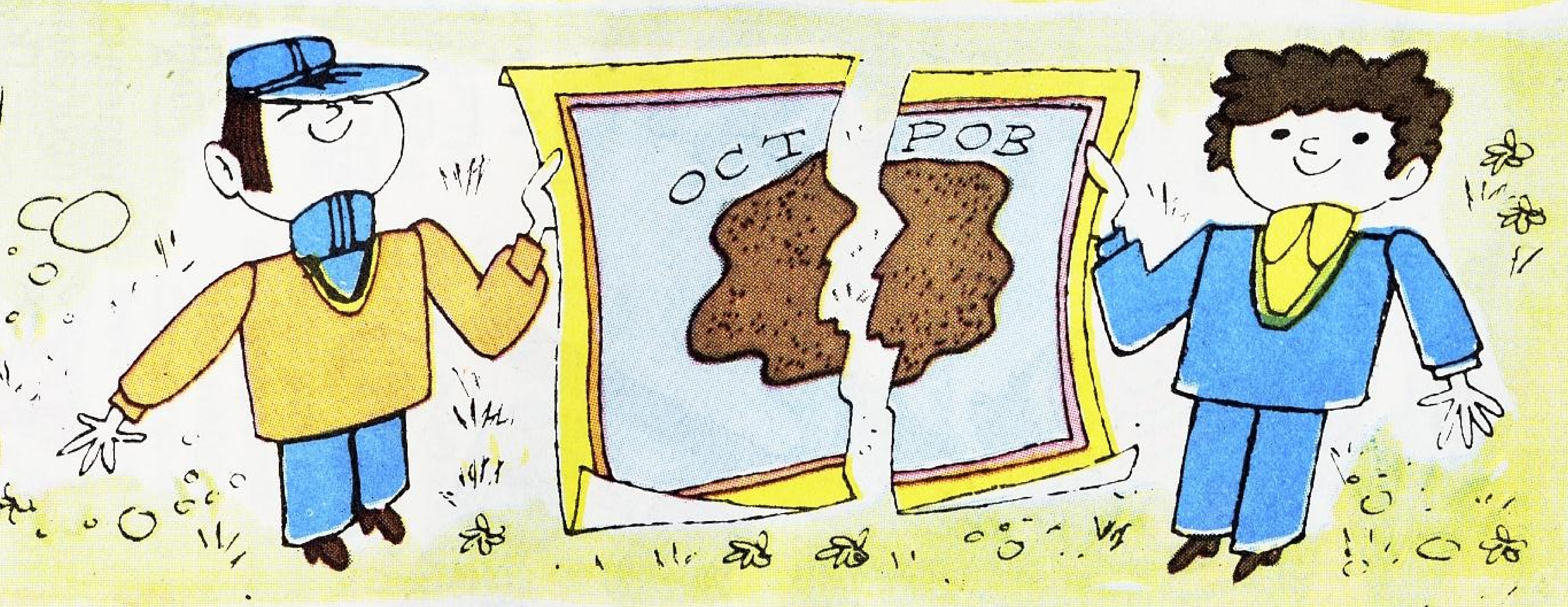
Марат Ягафаров,
г. Уфа.



«Переменка» объявляет итоги постоянно действующего конкурса «Невыдуманные диалоги». Члены авторитетного жюри, признанные мастера юмора и знатоки улыбок, единодушно решили признать победителями за 1984/85 учебный год: Светлану ГРИГОРЬЕВУ (Ленинград), Светлану БУЗИНУ (Московская обл.), Алексея ШАТАЛИНА (Липецкая обл.), Анну КАЛАШНИКОВУ (Мордовская АССР), Рушана КУРБАНОВА (Саратовская обл.). Победителями за 1985/86 учебный год признаны: Татьяна ДУБОВА (Пермь), Лариса ЧАНТУРИЯ (Батуми), ученики 5-го класса школы № 17 г. Магадана, Костя БУЛКИН (Гусь-Хрустальный), Ольга Суходеева (Донецкая обл.)

Мы поздравляем победителей, благодарим всех активных участников конкурса и напоминаем:

КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ!



Из школьных сочинений

«У нее были красивые, ровные зубы с тяжелыми русыми косами».
«Собака поджала хвост закорючкой кверху».
«Егорка забрался на дерево и стал снимать лыжи».
«Она обругала его с ног до головы».
«У Васи от тяжести ломило пальцы в коленках».
«По полю ходили свиньи и гуси и громко хрюкали».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Случай в квартире 130

— Во что мы сегодня будем играть? — нетерпеливо спросил Сережа, как только Чип выпрыгнул из коробки.

— Во что, во что... Будто я массовик-затейник, — проворчал Чип, но по его хитрым глазкам Сережа понял, что Чип приготовил ему сюрприз и ломается только для вида.

— Ну, пожалуйста, Чип, миленький, я же знаю, что ты все можешь придумать!

— Ну уж все... Ты в «Джеков дом» умеешь играть?

— Какой такой «Джеков дом»? Я такой игры не знаю.

— Неужели не слышал стишок: «Вот дом, который построил Джек. Вот пшеница, которая в темном амбаре хранится, в доме, который построил Джек...» И так далее. Все новые строчки прибавляются, а старые повторяются.

— А... слышал, но какая же тут игра?

— А вот какая: давай сочинять похожий стишок. Я говорю первый куплет, ты в ответ второй, я третий, ты четвертый и так далее, пока кто-то не сдастся. Ну, например, у вас дома кто строит?

— Не знаю, кажется, какой-то ЖЭК[1].

— Ну, тогда начнем так: «Вот дом, который построил ЖЭК». Твоя очередь, Сережа.

— «Вот квартира сто тридцать,
В которой неладное что-то творится,
В доме, который построил ЖЭК», — сказал Сережа, немного подумав. — Твой ход, Чип.

— Э... э, назови-ка мне какое-нибудь имя девочки.

— Аня, — назвал Сережа имя своей лучшей подруги.

— Ну тогда: «Вот девочка Аня, которая спит у себя на диване,
В квартире и т. д.». Твоя очередь, Сережа. Так что же там неладное творится? Придумывай.

Сережа задумался.

— «Вот комната ванная, в которой море шумит разливанное,
Из крана, забытого девочкой Аней, и т. д.».

— Теперь назови мужское имя, — попросил Чип.

— Мужское? Пожалуйста: Никита.

— «Вот слесарь Никита по лестнице мокрой шагает сердито:
Спешит он в ту комнату ванную и т. д.», — не задумываясь, выпалил Чип.

— Ладно, сдаюсь! — со смехом сказал Сережа.

— А теперь, — сказал Чип вкрадчиво, — как ты, наверно, догадался, мы сделаем из этого стишка программу.

— Подумаешь, легкота! Мы такое уже делали.

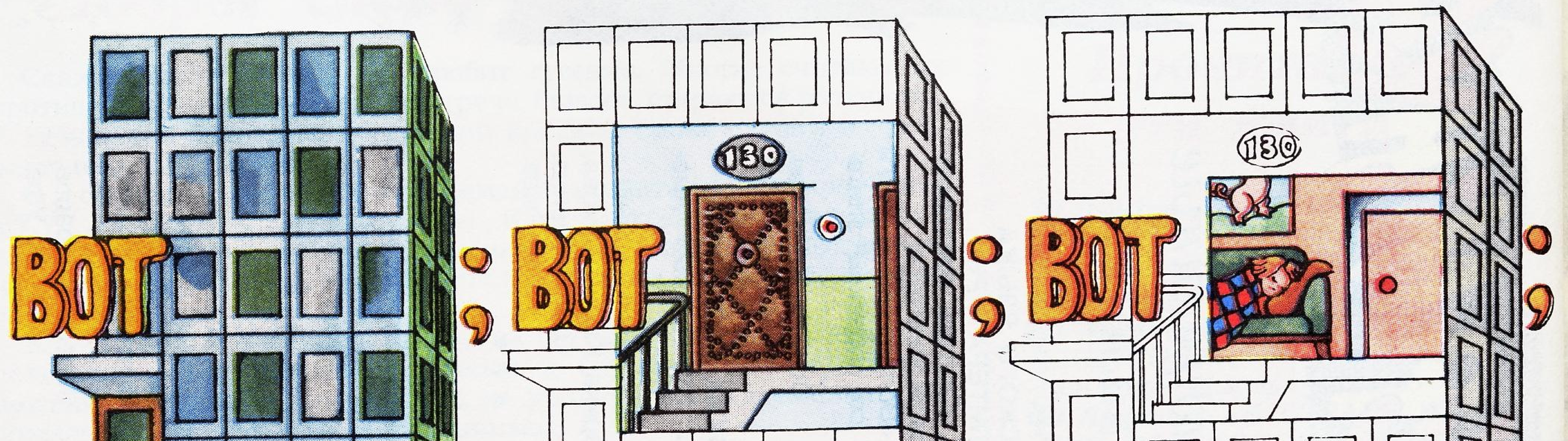
— Вот как? Ну, попробуй напиши программу хотя бы для первых трех куплетов.

Сережа взялся за дело и довольно скоро понял, что тут что-то не то. В старых сказках-программах повторялись едоки или жильцы, то есть отдельные слова. А тут повторялись целые куплеты, да еще при этом менялись падежи слов внутри куплетов.

— Что, не тянется репка? — посочувствовал Чип. — А помнишь, мы с тобой про попа и собаку подпрограмму сочиняли?[2] Там ведь можно было

[1] Тут Сережа ошибся. ЖЭК — жилищно-эксплуатационная контора — не строит, а эксплуатирует дома.

[2] Подпрограмма — это кусочек программы, который можно вставлять в любое место. При этом можно что-то менять в этом кусочке, надо только точно указать, что и как. В этом отношении подпрограмма напоминает платье-полуфабрикат, которое подгоняют по фигуре. Подпрограмму можно вставлять и в другую подпрограмму, а ту — еще в одну, как матрешки. Если вам все равно непонятно, не смущайтесь, прочтите дальше, поиграйте с этим стишком, и вам постепенно все станет ясно.



выбрать любое слово: «поцеловал», «наказал» — и вставить его внутрь подпрограммы. Вот так и здесь надо. Например:

Подпрограмма «ДОМ».

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ЖЭК.

Возврат.

Выделенное слово ДОМ будет склоняться так, как тебе нужно: дом, доме, домом и так далее.

Подпрограмма «КВАРТИРА».

КВАРТИРА СТО ТРИДЦАТЬ, В КОТОРОЙ НЕЛАДНОЕ ЧТО-ТО ТВОРИТСЯ, В «ДОМЕ»...

Возврат.

— Видишь,— продолжал Чип,— тут в кавычках написано слово «ДОМЕ». Это значит, что вместо него надо вставить подпрограмму «ДОМ», то есть написать: «в доме, который построил ЖЭК». Ну, а дальше так же.

Подпрограмма «ДЕВОЧКА АНЯ».

ДЕВОЧКА АНЯ, КОТОРАЯ СПИТ У СЕБЯ НА ДИВАНЕ, В «КВАРТИРЕ»...

Возврат.

На этот раз вызывается подпрограмма «КВАРТИРА», то есть: «квартире 130, в которой неладное что-то творится в «доме». Обрати внимание, что подпрограмма «КВАРТИРА», в свою очередь, вызывает подпрограмму «ДОМ». Понятно?

— Вроде да,— сказал Сережа неуверенно,— только я не понимаю, зачем все время пишется слово «возврат» в конце подпрограммы.

— А как же, это значит, что надо вернуться к тому месту, откуда вызывалась подпрограмма, и продолжать дальше. Например, после того, как закончится подпрограмма «ДОМ», надо продолжать подпрограмму «КВАРТИРА», а когда она закончится, надо продолжать подпрограмму «ДЕВОЧКА АНЯ». Ну как, сможешь дальше сам?

— Попробую,— ответил Сережа и скоро написал:

Подпрограмма «КОМНАТА ВАННАЯ».

КОМНАТА ВАННАЯ, В КОТОРОЙ МОРЕ ШУМИТ РАЗЛИВАННОЕ,

ИЗ КРАНА, ЗАБЫТОГО «ДЕВОЧКОЙ АНЕЙ»...

Возврат.

— Правильно,— похвалил Чип.— А вот, наконец, последняя подпрограмма.

Подпрограмма «СЛЕСАРЬ НИКИТА».

СЛЕСАРЬ НИКИТА ПО ЛЕСТНИЦЕ МОКРОЙ ШАГАЕТ СЕРДИТО:

СПЕШИТ ОН В ТУ «КОМНАТУ ВАННУЮ»...

Возврат.

— А все стихотворение можно записать так,— сказал Чип:

Программа «СЛУЧАЙ В КВАРТИРЕ 130».

Вот «ДОМ»; вот «КВАРТИРА»; вот «ДЕВОЧКА АНЯ»; вот «КОМНАТА ВАННАЯ»; вот «СЛЕСАРЬ НИКИТА».

Конец.

Можешь проверить, расписав каждую подпрограмму.

Новая игра

Многие мальчики и девочки спрашивают в письмах Чипа: не знает ли он игры, в которую можно поиграть на самом простом калькуляторе?

Знает Чип такие игры. Вот одна из них:

«ЧИСЛОВЫЕ ПРЫГАЛКИ»

На калькуляторе набирают любое число меньше 100. Двое играющих «ходят» по очереди: если число четное, то его в один ход делят пополам. Если нечетное, то другой игрок, тоже за один ход, сначала число умножает на 3, а дальше по своему усмотрению или отнимает, или прибавляет единицу. Выигрывает тот, кто в ответе получает единицу.

Вот как протекала одна партия между Сережей и его подругой Аней.

Аня набрала на калькуляторе число 5.

Сережа: $5\times3-1=14$.

Аня: $14:2=7$.

Сережа: $7\times3-1=20$

Аня: $20:2=10$.

Сережа: $10:2=5$.

Аня: $5\times3+1=16$.

Сережа: $16:2=8$.

Аня: $8:2=4$.

Сережа: $4:2=2$.

Аня: $2:2=1$.

Сережа проиграл, ему осталась единица.

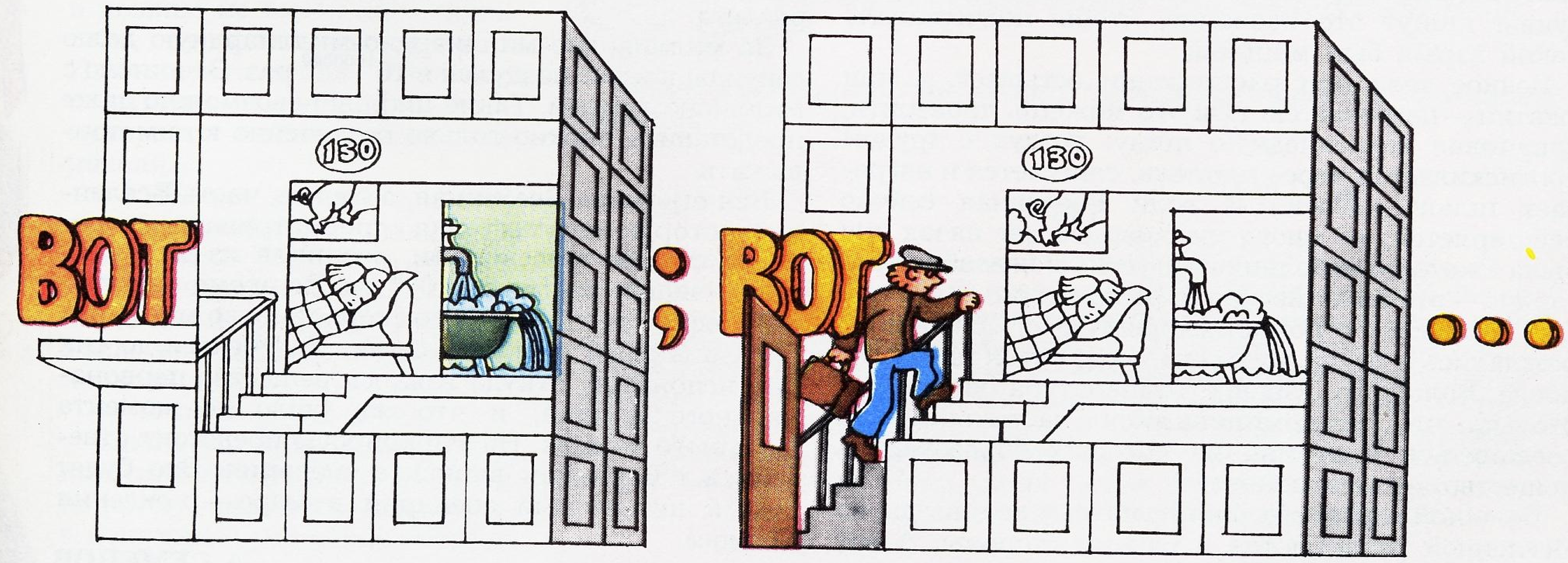
Счет в этой игре можно вести и по-другому: суммировать числа, полученные в результате хода каждого игрока. Выиграет тот, кто наберет больше очков к концу игры, когда в ответе получится единица.

Аня: $5+7+10+16+...=43$.

Сережа: $14+20+5+8+...=49$.

А так счет 43:49 в пользу Сережи.

ОТ РЕДАКЦИИ: Ребята, Чип дает вам задание: подумать, какие ходы могут привести вас к победе. Подсказываем, у каждого варианта игры — свои секреты. Кто догадается, напиши-те нам.

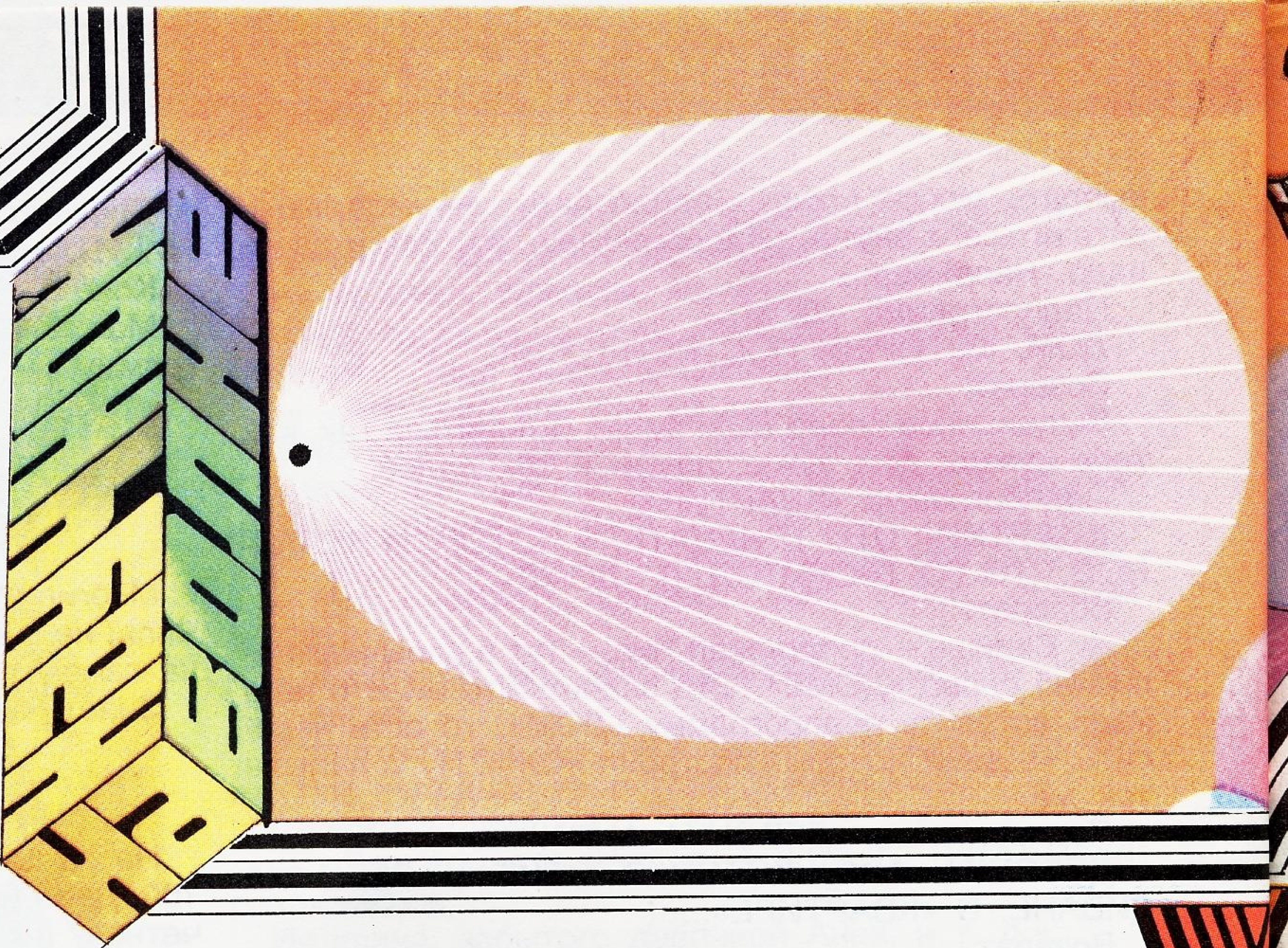


Раздел ведет

В. НИКИТИНА.

Рисунки

Н. ДОБРОХОТОВОЙ.



Тайны раскрытые и нераскрытые

РОЖДЕНИЕ КОСМОСА

Никто не помнит, как он родился, как сделал первый шаг, как заговорил. Чем глубже в детство, тем меньше мы себя помним.

Так и с рождением Вселенной: ученые сегодня уже неплохо знают, как возникают планеты, звезды и галактики, а вот самые первые мгновения — рождение космоса — скрыты во мраке неизвестности.

Знают только ученые, что родилась Вселенная давно — пятнадцать, а может, даже двадцать миллиардов лет тому назад. А вот как? Сейчас, кажется, удалось нащупать путь к ответу.

Ученые наблюдали в телескопы за самыми далекими звездами, за светом, который они излучают. По свету астрономы могут определить, движется звезда или нет. Наблюдения показали, что все звезды разлетаются в разные стороны, как клочки лопнувшего шарика.

Значит, Вселенная родилась в результате взрыва невообразимой силы. Его так и называют в научных статьях — Большим взрывом, даже с большой буквы пишут это название, чтобы подчеркнуть, какой взрыв был мощный.

Всякое тело при расширении остывает, а при сжатии — нагревается. (Ты это можешь проверить, накачивая велосипедную шину: воздух с трудом протискивается через ниппель, сжимается и нагревает шланг насоса.) И если Вселенная сейчас расширяется, то много миллиардов лет назад она была сжата до небольшого сгустка и невообразимо горяча — это было месиво из элементарных частиц. Они носились с огромной скоростью, сталкивались, рождались и гибли. И только через сотни тысяч лет после Большого взрыва температура упала настолько, что «утихомирившиеся» частицы смогли соединиться в атомы, из которых образовалось вещество звезд и планет.

Большой взрыв объясняет, почему все звезды во Вселенной разлетаются в разные стороны. А вот откуда взялась колоссальная энергия для этого разлета — совсем непонятно. Как и все другие физические теории, модель Большого взрыва — это не окончательный вариант, а лишь ступенька на пути к пониманию того, как устроен мир, как он возник и развивается. Пройдя одну ступеньку, надо подниматься на следующую.

Следующий шаг — это «сценарий раздувания». Термин «сценарий» взят из мира кино: так называют текст, по которому снимается кинофильм. В процессе работы над фильмом сценарий много раз переделывают, и раз от раза он становится все лучше. Называя свою теорию сценарием, ученые как бы подчеркивают ее незавершенность и приглашают всех принять участие в работе над ней.

Первым придумал этот «сценарий» американский физик А. Гус пять лет назад, но уже через год молодой московский теоретик Андрей Линде усовершенствовал его — появился новый вариант сценария. По этому варианту через крошечную долю секунды после начала Большого взрыва произошел еще один сверхмощный взрыв.

Дело было так. При рождении Вселенной температура первоначального сгустка была так велика, что даже элементарные частицы разваливались на составные части — кварки, поэтому в первые мгновения кипел на самом деле кварковый «суп». Но стоило ему чуть охладиться, как кварки склеились в частицы, но при этом отдали большую часть своей энергии. И вот эта высвободившаяся энергия разметала первоначальный сгусток в разные стороны с огромной силой. Вот откуда взялась энергия для разлета.

За миллиардно-миллиардно-миллиардную долю секунды космос раздулся в $10^{1000000}$ раз. Это число с миллионом нулей. Такие цифры невозможно даже представить, можно только постепенно к ним привыкать.

Вся огромная Вселенная, а точнее, часть Вселенной, которую могут сегодня «просматривать» астрономы своими телескопами, возникла из мельчайшего «зерна» размером 10^{-33} см. Во время раздувания космос расширялся со скоростью, во много раз превышающей скорость света. Но ученым до сих пор непонятно, откуда взялось вещество первоначального сгустка, и что же было до момента Большого взрыва. На эти вопросы предстоит отвечать в следующем варианте сценария. Это будет самый интересный сценарий в мире — рождения космоса.

А. СЕМЕНОВ

В шутку и всерьез

Цивилизация старше Вселенной?

Звездолет совершил нуль-транспортировку, протолкался через гиперпространство, просочился сквозь черную дыру и плавно опустился на таинственную планету в галактике 45-89Ж. Бравый командир, начистив скафандр, торжественно спускается по трапу и обращается с приветственной речью к шестиногим зеленым субъектам, населяющим небесное тело.

— Братья по разуму! — кричит он.— Мы прибыли с дальней, неизвестной вам планеты Земля, чтобы...

— Почему же неизвестной? — спокойно перебивает его один из шестиногих.— Как же, наслышаны!

— Мы прибыли, чтобы поделиться с вами всем, чего достигла наша древняя цивилизация.

— Древняя! Хи-хи,— веселятся шестиногие,— сколько она существует, ваша цивилизация? Пять тысяч оборотов вокруг нашего солнышка? Мы-то помним времена, когда этой мелкой звездочки и в помине не было, да и галактики тогда не существовали. Началась-то ваша Вселенная с жуткого взрыва. Так грохнуло, что наши предки оцепенели...

— Ну, это уж вы привираете,— взрывается командир звездолета.— Про это помнить невозможно, до того взрыва вообще ничего и никого не было. Разве можно быть старше Вселенной?

— А почему бы и нет?

Такой ошеломляющий ответ, кажущийся невероятным, дают не придуманные инопланетяне, а некоторые реальные, земные физики-теоретики. К этой идее они пришли, уточняя свойства модели Вселенной, которую разработал более 60 лет назад советский ученый А. А. Фридман («Научная волна» рассказывала о нем в № 5 за этот год).

По Фридману, Вселенная — это что-то вроде раздувающегося воздушного шарика. Составляющие ее галактики все время удаляются друг от друга под действием сильнейшего толчка, полученного в момент Большого взрыва. Примерно 15 миллиардов лет назад вещество и энергия Вселенной были сосредоточены в крошечном, чудовищно разогретом «первичном атоме» — он-то и взорвался.

Неужели «шарик» будет раздуваться бесконечно? Точного ответа пока нет: до сих пор неизвестно полное количество вещества во Вселенной. Между тем еще Фридман предсказывал: если его окажется меньше некой указанной им величины, силы тяготения не справятся с разбеганием галактик, и оно никогда не прекратится. А вот, если эта величина окажется превзойденной, через сколько-то миллиардов лет расширение сменится сжатием. Вселенная начнет уменьшаться, как шарик, из которого выпускают воздух, и в конце концов «сожмется» обратно в «атом». А он когда-нибудь снова взорвется — и все повторится сначала.

Так вот, физики-теоретики, о которых идет речь, недавно уточнили эти расчеты. Оказывается, особенно удаленные галактики могут и не поспеть к месту, где возникает этот «атом». Пока они будут приближаться к центру, грохнет новый взрыв. И галактики снова понесутся в бесконечность.

Это, конечно, гипотеза, которую надо доказать или опровергнуть. Но давайте вдумаемся: в таких благополучно миновавших катастрофу галактиках могут найтись планеты, на которых есть живые существа. Может быть, даже разумные.

Мало того, такая история могла приключиться и в момент прошлого взрыва, когда возникла наша сегодняшняя Вселенная.

В. ИНОХОДЦЕВ

А теперь посчитайте сами!

Далеко ли лететь до братьев по разуму?

В галактике миллиард звезд. Вокруг 1% звезд кружится по планете, а 1% планет находится в условиях, подходящих для появления жизни. И на 1% подходящих планет жизнь действительно есть. В 1% случаев она настолько развита, что породила цивилизацию. Каково в среднем расстояние между братьями по разуму, если свет летит от края до края этой галактики приблизительно 100 лет?

Решив задачу, ответ вы можете проверить, поднеся к странице зеркало.

ОТВЕТ

Расчеты здесь, конечно, приблизительные. $(0{,}01)^4=10^{-8}$ — такова доля планет, населенных разумными существами. Всего же их $10^9\times10^{-8}=10$. Чтобы определить среднее расстояние между этими планетами, можно представить галактику как куб объемом 10^6 «кубических световых лет» (давайте введем такую единицу измерения). Каждая из десяти нужных нам планет, можно считать, занимает куб объемом 10^5 таких единиц. Сторона этого куба, равная кубическому корню из 10^5, — это и есть среднее расстояние между братьями по разуму. Приблизительно это расстояние составляет 46,2 — вот сколько лет будет лететь световой сигнал между двумя цивилизациями этой в общем-то невиданно населенной галактики.

зачем? почему?

Чего не знает наука

Влияет ли магнитное поле Земли на организм человека?

Оля ПОПОВА,
г. Тольятти, Куйбышевская область.

Магнитное поле Земли — слабенькое, оно в десятки, а то и в сотни раз слабее тех магнитиков, которыми тебе, возможно, доводилось играть. И все же оно есть, и есть оно на Земле повсюду.

Вопрос, действует ли поле на организм человека, многие десятилетия волнует ученых. Но окончательного ответа наука еще не дала.

Вот, например, какие опыты делали ученые. Они помещали разные живые организмы в специальные камеры, стенки которых ослабляют магнитное поле Земли в тысячи раз. И что же? У живых организмов наблюдались нарушения жизнедеятельности. Медики заметили, что в некоторых случаях искусственное магнитное поле улучшает самочувствие больных. А когда на Земле бушуют магнитные бури, многие больные начинают чувствовать себя очень плохо. И таких наблюдений накопилось много.

Почему же тогда мы говорим, что ответа на вопрос, действует ли слабое магнитное поле на организм человека, наука еще не дала? Для ученого все становится окончательно ясным тогда, когда он может ответить на все «как», «откуда» и «почему». А тут полной ясности нет.

Плохо это или хорошо? Плохо, потому что, если мы чего-то еще не знаем, значит, мы еще чего-то не умеем.

Например, не знаем и не умеем, как лечить некоторые болезни.

Но это и хорошо: скучной была бы наука, если б на ее карте не осталось белых пятен — целых стран, а то и материков, ждущих своих первооткрывателей.

В. ДОБРЯКОВ

Земной пейзаж из космоса

Дорогой «Пионер»! Меня мучает один вопрос. Видят ли космонавты с космического корабля дома, реки, лес... или нет?

Саша К.,
п. Детлово, Красноярский край.

Тебе не приходилось, Саша, летать на самолете в ясную погоду? Вот самолет разбежался, оторвался от земли, и вдруг ты видишь крышу аэропорта... А рядом — лес, и в нем каждое дерево наперечет, а за лесом — дорога. Бегут по ней машины, как игрушечные, а по обочине шагают люди ростом с воробья... Проходит несколько минут, и людей уже не видно, а машины стали похожи на муравьев. Потом ни машин не стало, ни деревьев в лесу, видна как бы карта, а на ней и лес с полянами, и дорога, как узкая стрелка, и река змейкой вьется. Это значит, что самолет набрал полную высоту, поднялся на 10 километров.

Космонавты летают повыше, но «карту» проплывающей под ними местности все равно видят. Хотя и не столь подробную. Полянки в лесу им, пожалуй, не заметны, реки видны только крупные, а волны — лишь океанские. Зато космонавты могут любоваться сразу целым морем или целой страной, если она, разумеется, не так велика, как наша. Близоруких среди космонавтов нет, но все же пионера, который шлет им привет с Земли, они простым глазом разглядеть не могут. Но разве только невооруженным глазом изучает космонавт родную планету?

Есть у него и мощные бинокли, и фотокамеры с телеобъективами. Так что, если надо, космонавт может сфотографировать и избу, и дерево, но для

науки гораздо ценнее, что видит он именно широкую панораму. Земной пейзаж, если смотреть на него из космоса, не только прекрасен. На нем различимо то, что с меньшей высоты ни за что не углядишь. Признаки, позволяющие предсказывать урожай на огромных площадях; громадные скопления облаков, помогающие определять погоду; складки земной поверхности, по которым можно узнать, где под землей лежат полезные ископаемые...

Вот что видят космонавты.

П. САВКО

Кто ходит на ушах?

Кузнечики стрекочут, значит, подают сигналы. Но кому? У кузнечиков ведь нет ушей!

Дима БАРАНОВ,
г. Электросталь.

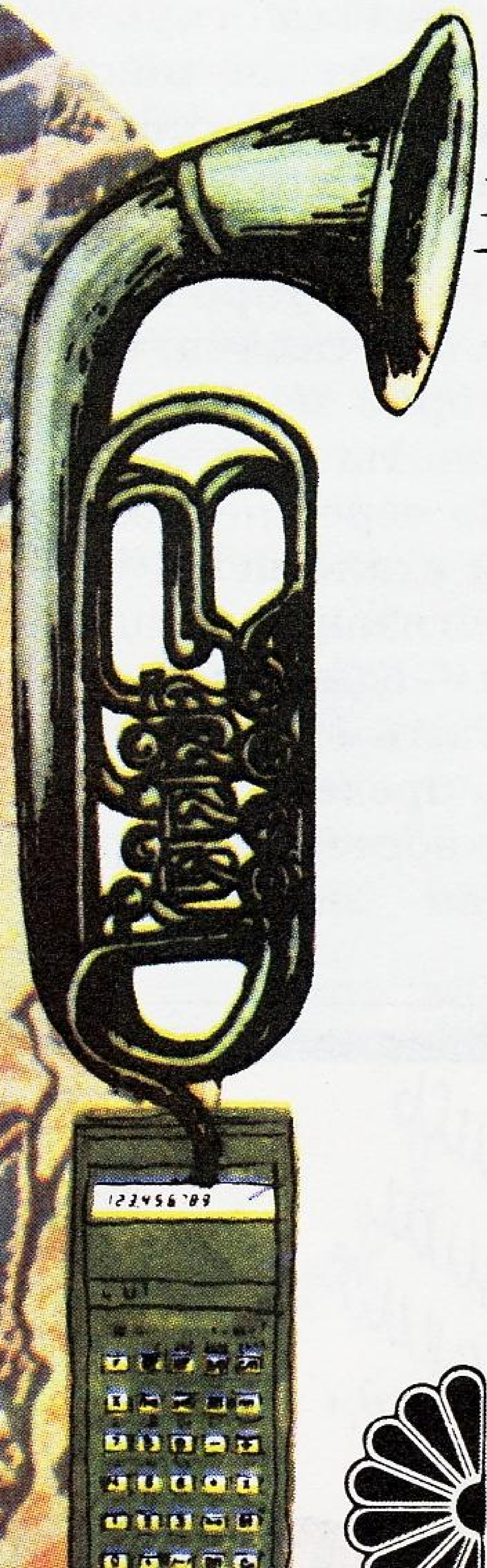
Кузнечиков и их близких родственников — сверчков природа и не думала обидеть, она наделила их самыми что ни на есть настоящими ушами. Только уши у них расположены не на голове, а на ногах. Но не подумай, что у каждой из шести ног свое ухо. Нет, кузнечики и сверчки обходятся малым: слушают лишь голенями передних лапок...

Оттопыренная ушная раковина, торчащая на ноге, мешала бы прыгать и ползать по траве — того и гляди, ухом зацепишься. Поэтому мудрая природа спрятала уши внутрь голени, а нежные перепонки прикрыла тонкой хитиновой пластиночкой. Конечно, такая пластиночка — не комок ваты, который нам иногда приходится запихивать в ухо, но, может, она все-таки чуть-чуть мешает слушать? Не потому ли в каждом ухе кузнечика по две перепонки, а не одна, как у нас?

У кузнечиков и сверчков слышат все — и шестиногая молодежь, и шестиногие папы и мамы. А вот шум поднимают обычно представители сильного пола. Именно их мужское стрекотание не смолкает даже по вечерам. И не странно ли, что весь этот гвалт они могут поднять, даже не раскрывая рта? Нет, они не чревовещатели. Сверчки и кузнечики подают голос, потирая одно надкрылье о другое. А чтобы голос был звонким, на левом надкрылье кузнечика есть зазубренная жилка, то есть нечто вроде смычка, а на правом — резонатор.

Раньше думали, будто стрекотание — это лишь призыв кавалера к невесте. Теперь же стало ясно, что стрекотание стрекотанию рознь. Например, громкая и короткая трель сверчка — это явное выражение неудовольствия. А всего в языке сверчков и кузнечиков есть пять или шесть разных сигналов.

С. СТАРИКОВИЧ



Знаешь?

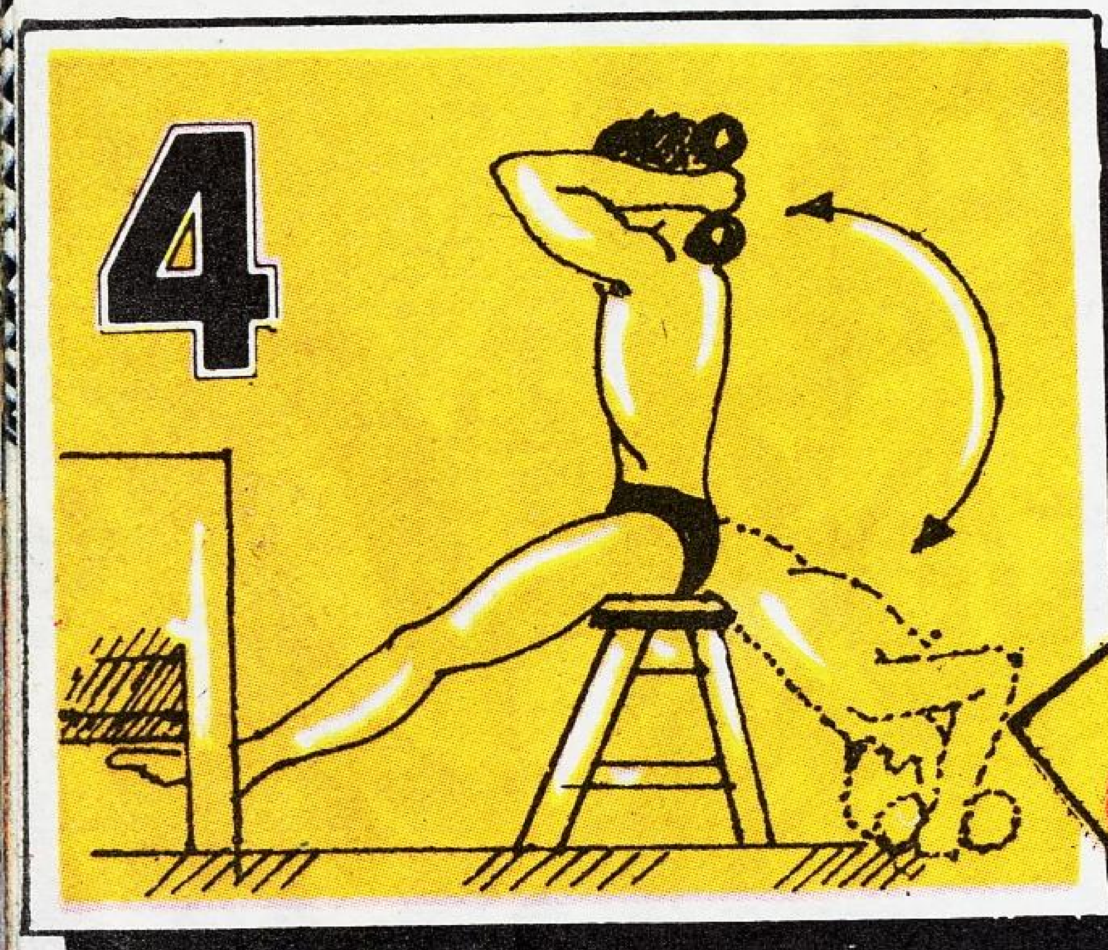
Для записи и воспроизведения звука вместо магнитофона можно использовать ЭВМ.

* * *

Австралийский утконос находит креветок и лягушек, служащих ему пищей, по электрическим импульсам, которые они испускают.

* * *

Далекие предки человека росли почти вдвое быстрее современных людей.



Второе занятие «ПИОНЕР»ский

М. ЗАЛЕССКИЙ

СПОРТЗАЛ

Состязания в силе возникли с незапамятных времен. На Руси издревле мерились силой в кулачных боях. В Средней Азии соревновались в перетаскивании огромных «богатырских камней» — «палван таш». В Шотландии сильнейшим считался тот, кто дальше всех с разбегу забрасывал толстое пятиметровое бревно. Монголы предпочитали борьбу. Лучший борец получал титул «Великий всенародный непобедимый исполин». В Норвегии считалось почетным выиграть бой подушками. Правда, подушки были не пуховые, а с песком, и дрались ими не в спальне, а сидя на скользком бревне, которое перекидывали между двух кораблей, покачивающихся на легкой волне. Проигравших ждала холодная ванна.

В конце прошлого века особую популярность во многих странах мира приобрели силовые тренировки. Газеты запестрели сообщениями о феноменальных достижениях силачей.

Немецкий атлет Е. Сандов за 4 минуты отжался на руках 200 раз.

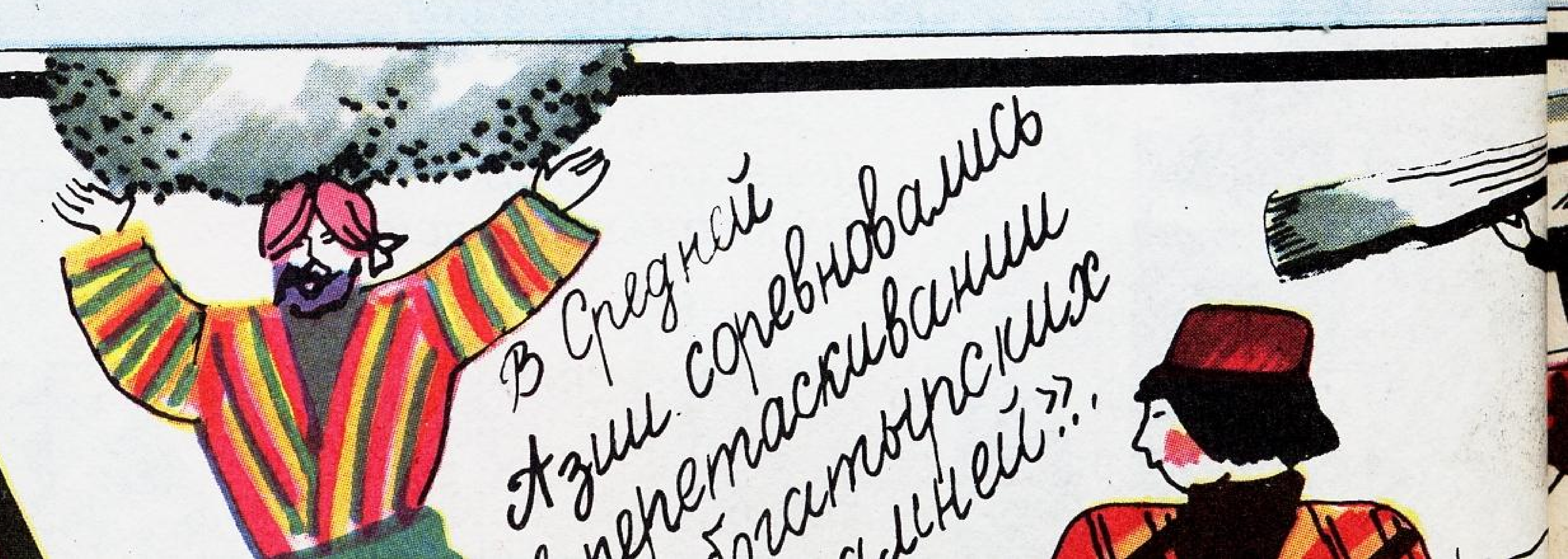
Француз Луи Сир ухитрился поднять одной рукой связку гирь, весящих не меньше крупной коровы (416 кг).

Американец Д. Кеннеди двумя руками приподнял чугунное ядро весом в 580 кг — целых пять роялей!

Не отставала и Россия. Атлет Я. Чеховский держал на груди помост, на котором играл духовой оркестр из тридцати музыкантов.

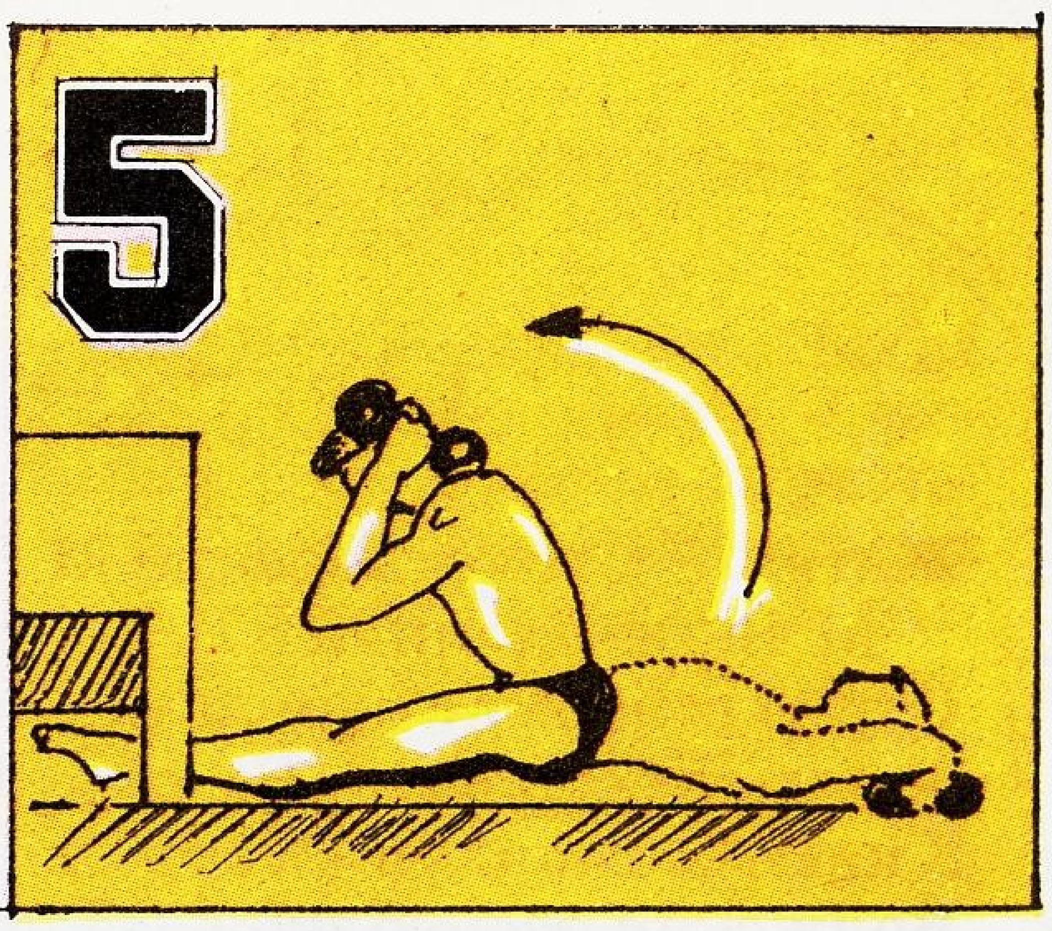
Список достижений, где одно было невероятнее другого, постоянно рос. Но чем грандиознее становились успехи атлетов, тем больше волновало главное: «Кто же самый сильный?» Долгие годы ответить на этот вопрос никто не мог, ибо сравнить достижения силачей было невозможно. Ведь каждый из них старался быть непохожим на других. У каждого был «коронный» номер, в котором он явно превосходил всех.

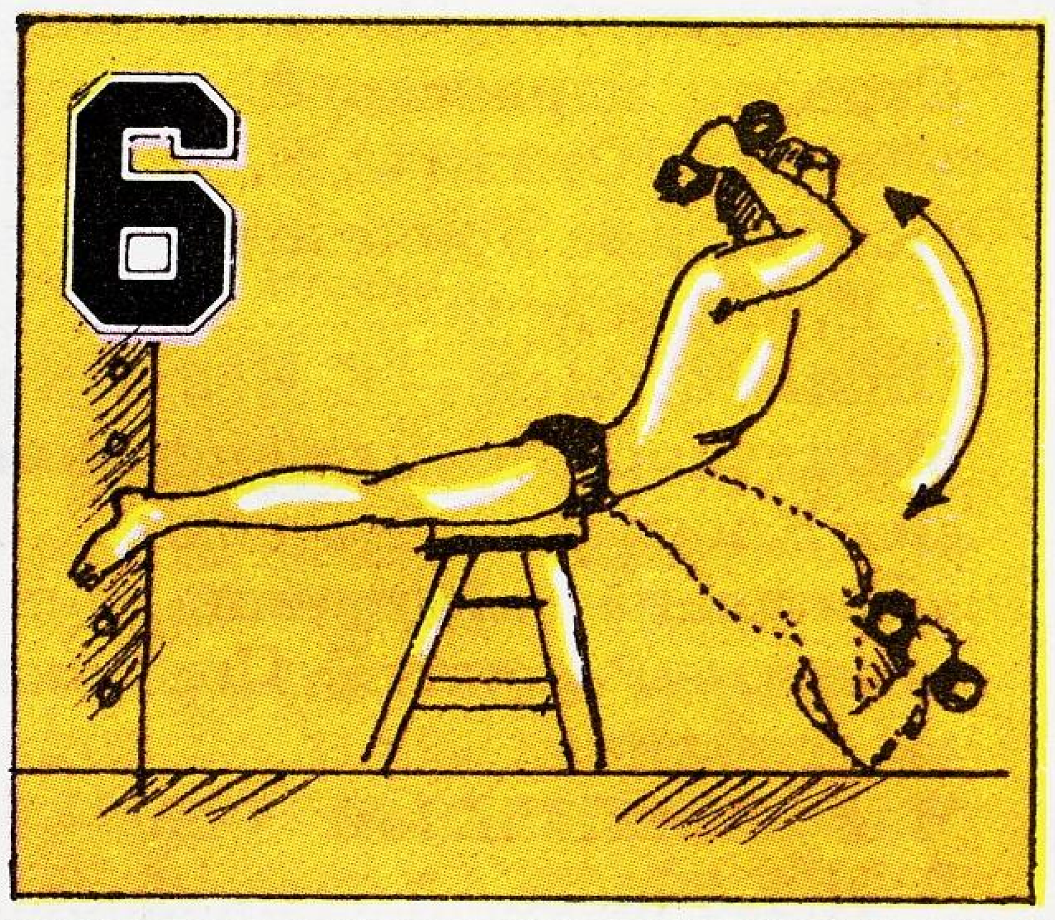
Выход из положения мог быть только один — провести соревнования по общим для всех правилам, чтобы атлеты, выполняя одинаковые упражнения, находились в равных условиях. Остановили выбор на подъеме гирь и штанги одной и двумя руками: кто поднимет наибольший вес, тот и победитель. Назначили время и место первого чемпионата мира. Разослали приглашения. Но лучшие атлеты... не захотели соревноваться по разработанным правилам. Самые сильные полагали, что подъем гирь и штанги не позволит им показать все, на что они способны. Да и в зрелищности эти упражнения уступают «номерам», которые были в репертуаре каждого выдающегося силача. Поэтому и на второй и даже на третий чемпионаты они ехать не спешили. Но через несколько лет всем им стало ясно, что спортивные состязания в подъеме тяжести — единственный способ определить сильнейшего. А борьба на пределе человеческих возможностей за мировое первенство захватывает



Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

КЛУБ СИЛАЧЕЙ





зрителей не меньше, чем силовые трюки на арене цирка. И знаменитости не устояли... С тех пор спортсмен, завоевавший звание чемпиона мира по тяжелой атлетике, и стал называться самым сильным человеком планеты.

Неизменно чемпионами становились атлеты весьма солидного веса — в 100 и более килограммов. А почему чем тяжелее атлет, тем он сильнее? Поговорим снова о мышцах. Мышцы состоят из очень тонких мышечных волокон, каждое из которых при сокращении развивает силу около 100 миллиграммов. Казалось бы, пустяк — с такой силенкой разве что комара сдвинешь. Но в мышце тысячи, а иногда и сотни тысяч таких волокон. Так что если сократятся они все вместе (перемножьте 100 мг на 100 000) — можно сдвинуть и быка! У спортсменов около половины веса тела приходится на мышцы. Значит, чем тяжелее атлет, тем больше вес его мышц, тем крупнее сами мышцы. Тем больше в них мышечных волокон и соответственно больше развиваемая мышцами сила. Вот почему атлеты-тяжеловесы сильнее.

По этой же причине старшеклассники сильнее школьников младших классов. А в классе ребята покрупнее обычно сильнее тех, кто меньше ростом и весом. Но разве не бывает, что мальчик и высокий, и много весит, а слабый? Еще как бывает! В чем здесь дело?

В прошлый раз мы говорили о том, что тренировка укрепляет и увеличивает мышцы. Значит, если мальчик регулярно выполняет упражнения для развития силы, его мышцы становятся крепче и больше. А тому, кто любит поесть и поспать, кто ленится заниматься физкультурой, тому силу взять неоткуда. Сама, без тренировки, она не придет.

А может ли слабый стать сильным? Конечно, может, если захочет. Для этого надо меньше увлекаться едой и больше — физическими упражнениями (например, нашим комплексом). Тогда лишний вес начнет постепенно уходить, а под кожей заиграют крепкие, упругие мускулы.

Итак, если хотите быть сильными, наращивайте силу мускулов ежедневно!

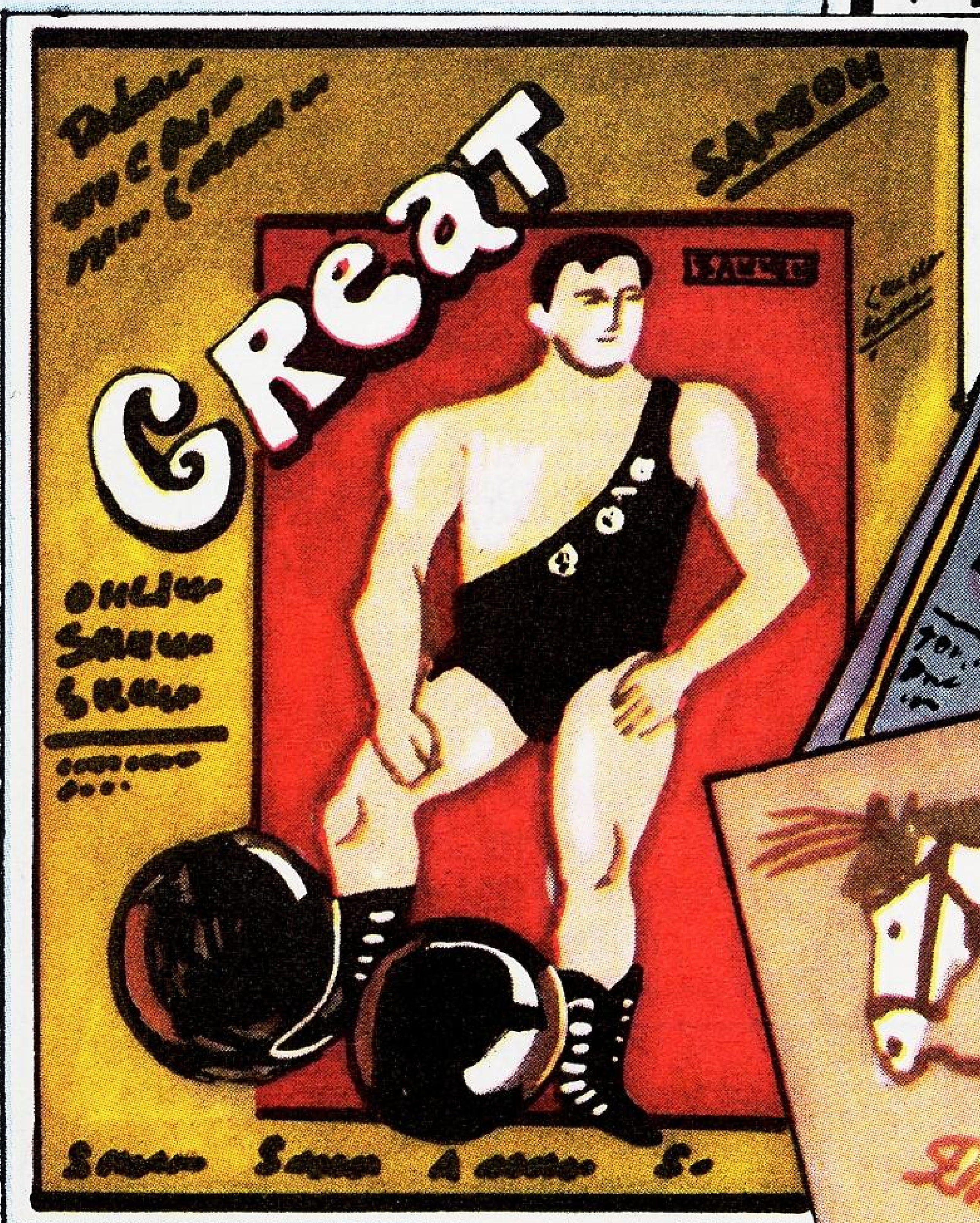
Продолжаем знакомство с нашим комплексом. Упражнения — на рисунках. Но прежде вспомните:

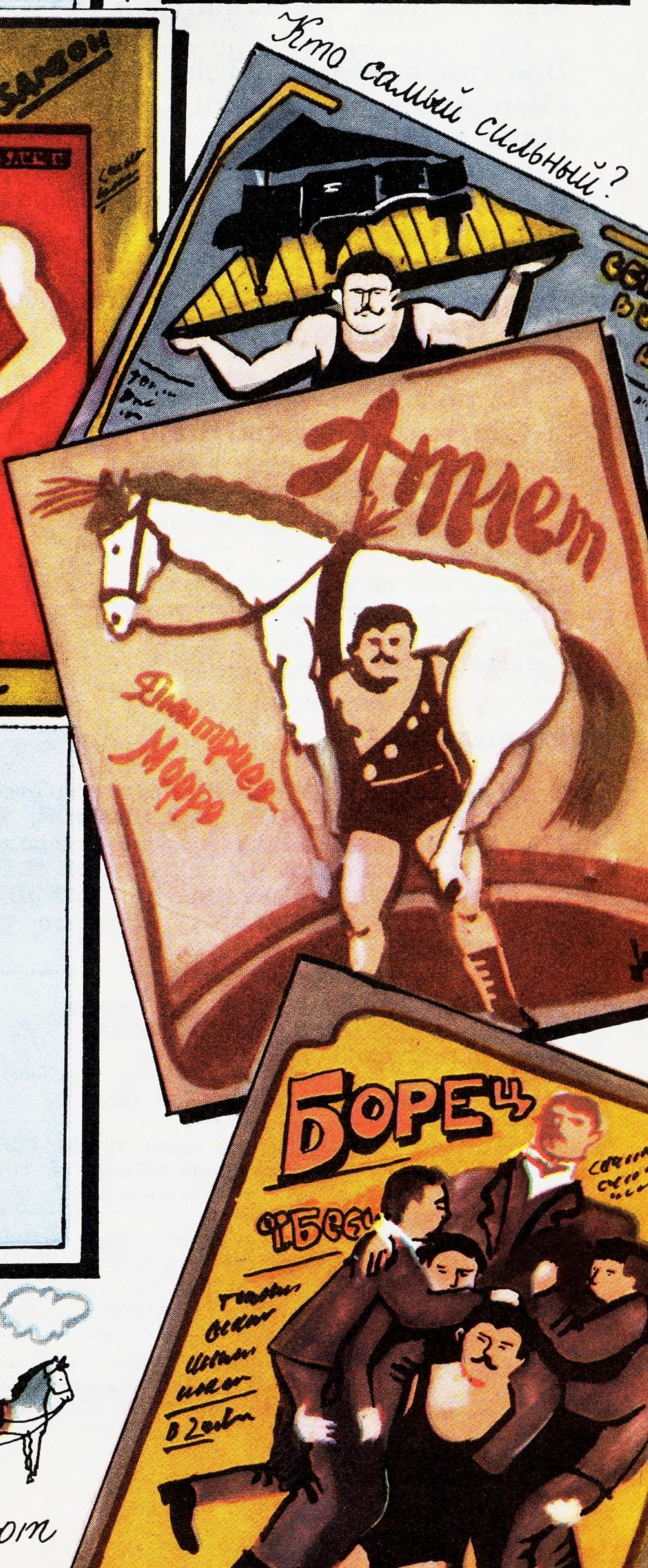
1. Учащиеся 4-го класса выполняют упражнения до 3 раз, 5—6-го классов — до 5—6 раз.

2. Дыхание: в исходном положении (на рисунке) вдох, при отклонении ног или корпуса задержка дыхания и, возвращаясь в исходное положение, выдох.

3. Общее время выполнения шести упражнений 6—8 минут.

4. Не забывайте, что выполнять комплекс нужно не меньше двух раз в день, а лучше три. И не торопитесь сразу стать сильными. Помните: «Тише едешь — дальше будешь».





Содержание

Жатва.— Стихотворение М. Чернявского. Фотографии М. Вылегжанина и Б. Задвиля. .... II обл.
Отряд говорит с отрядом.— Рисунки А. Вовиковой. 2
Золотые острова.— Рассказ Л. Кузьмина....................... 4
В кают-компании «Кораблика». 11
Волжская республика.— Рисунки Ю. Карповой. 12
Люди и вода.— Очерк С. Зигуненко.................................. 14
Страда. Здравствуй! Костер. Прощай, лагерь! Гостья.— Стихи М. Вейцмана.. 18
Похищение ирокезов.— Повесть Ю. Сотника. Рисунки Е. Медведева. 20
Планета детей.— Е. Велтистов. Окончание. 28
Международный пионерский клуб «Товарищ». 33
Лев Кассиль.— Л. Разгон.. 36
«Ленивая» Пшеница и «заботливый» Репейник.— Рассказ Е. Пермяка. 37
«Кораблик».. 38
Час в читальном зале.— Н. Давыдова. Фотография Н. Кочнева. 40
Мальчишник.— М. Коршунов, В. Терехова. Продолжение. 42
Про птиц и зверей.— Ведет А. Плешаков........................ 53
«Переменка».— Рисунки Е. Шабельника................. 55, III обл.
Игры с Чипом.— Ведет доктор физико-математических наук А. А. Мигдал.. 56
На научной волне.— Рисунки Н. Доброхотовой. 58
Пионерский спортзал
Клуб силачей... 62
Завтра и всегда! — Музыка Ю. Чичкова, стихи М. Пляцковского.. IV обл.

На обложке:
Счастье.— Рисунок В. Мочалова.

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, И. Н. НИКИТИН, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1986.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 05.05.86.
Подписано к печати 19.05.86. А 13142. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 860 000 экз. Изд. № 1397. Заказ № 2935.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Итоги конкурса «Веселый Петя»

Почтальоны приносили в редакцию письма. Да не в сумках, а в мешках — так много их было. Но вот беда: часто ответы совпадали. 1312 ребят предлагали Пете потребовать от Волка «пойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что». 427 раз в ответах ребят Петя спрашивал у Волка: «Ты хочешь получить зайчишку?» — и заявлял: «Шиш тебе!» (или «Фигушки!»). Такой ответ нам не понравился — ведь Петя не только остроумный, но еще и вежливый!

Много писем содержали в себе такие, к примеру, Петины ответы: «Приходи за Зайцем в любой день, кроме понедельника, вторника, среды, четверга, пятницы, субботы и воскресенья!» Или: «Можешь получить Зайца 30 февраля или 32 декабря».

Петя получил очень много советов рекомендовать Волку укусить самого себя за нос, за ухо, за хвост либо за свой локоть, который, как говорит пословица, «близок, а не укусишь».

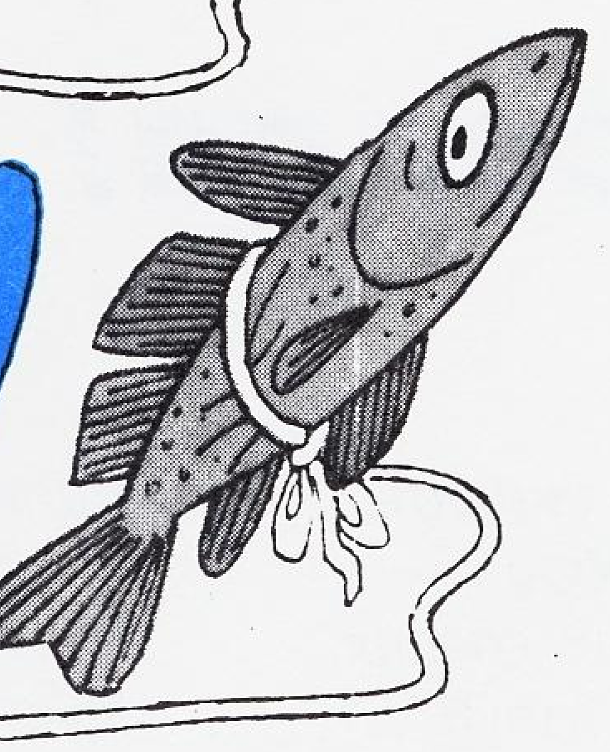
А теперь ответы, которые показались нам наиболее оригинальными.

Сережа Кравцов из Калужской области предложил Пете сказать Волку, что он отдаст ему Зайца только в обмен на солнечного зайчика, которого Волк должен поймать и принести. Этот же совет дали Пете еще четыре наших читателя, но Сережа Кравцов прислал письмо первым.

А Ольга Осипова из Ленинграда предложила, чтобы Петя задал Волку такую задачу: «Какой величины бывают бивни у двухлетнего слона, если учесть, что вес трехмесячного цыпленка равен ста граммам». Такую смешную задачу, конечно, невозможно решить не только глупому Волку, но и самому способному математику.

Поздравляем победителей.

ПЕРЕМЕНКА



*Светит июльское солнышко. Ты собираешься в пионерский лагерь, прилаживаешь к чемодану бирку с именем и фамилией... Или, может быть, ты уже отдыхаешь в лагере и сейчас листаешь наш журнал в тишине библиотеки, прислушиваясь к голосам мальчишек за окнами... Сегодняшней гостье «Переменки» понятны твои заботы: она ведь тоже из пионерского лагеря! Только она там не отдыхает, а работает. Корреспондент «Переменки» **Марина Потоцкая** приглашает тебя на встречу со старшей вожатой подмосковного пионерского лагеря «Солнечная поляна» **Ольгой Викторовной ОРАЛОВОЙ.** Можно просто — Олей...*

— Оля, о чем бы ты хотела рассказать?

ОЛЯ. Может быть, о вожатских секретах?..

— А разве могут быть секреты у вожатых?! Они ведь целыми днями не расстаются с ребятами! Те все про них знают, все замечают...

ОЛЯ. Все, да не все! Знают ли они, сколько ролей у одного вожатого?.. Утром он поднимает ребят на зарядку и сам бежит впереди, как хороший спортсмен. Потом, как комиссар, ведет отряд на линейку, на сбор. За завтраком у вожатого — роль заботливой бабушки: он следит, чтобы у всех был хороший аппетит. И так целый день! Вожатый — и мастер золотые руки, и артист, и даже няня! А еще он старший товарищ, с которым можно откровенно поговорить, посоветоваться...

— Оля, а, может быть, ты знаешь и такой секрет: почему в одном лагере ребятам живется интересно, а в другом — скучно?

ОЛЯ. По-моему, вожатые должны научиться узнавать ребячьи желания. И вместе с ребятами их исполнять!

Вот однажды у нас в лагере самые младшие, из десятого отряда, захотели стать рыболовами. Кружок «Веселые удочки», есть у нас такой, выделил им снасти. Они сварили специальную кашу для клева и отправились на вечернюю зорьку. Сидели-сидели на берегу, но рыбка не ловилась! Загрустили ребята, и тогда вожатые незаметно для рыболовов стали насаживать им на крючки... рыбу! Мороженую треску! Эту рыбу они предусмотрительно захватили с собой. Юные рыболовы наперегонки вытаскивали улов и в азарте ничего не замечали! Девочки сварили из «только что пойманной» рыбы уху... Все ели и нахваливали!

— Я сама видела, как интересно живут ребята в «Солнечной поляне», как хорошо работают и веселятся... Как вожатым удается устраивать для них такие веселые праздники?

ОЛЯ. Почему вожатым? Праздники готовят сами пионеры, весь лагерь! И веселятся тоже все. Я, например, кем только не была за 15 лет на наших праздниках! И Бабой Ягой, и Пятачком, и Старухой Шапокляк, и Сардинкой, когда открывали новый бассейн...

С этой Сардинкой получилось вот что: мы придумали, что в разгар праздника она с крыши соседнего корпуса прыгнет прямо в бассейн. Я залезла на крышу и там тихо сидела. Когда наступило время прыгать, я дернулась, но... не смогла оторваться от крыши! Оказалось, что она была покрыта битумом. Он расплавился на солнце, и я приклеилась! Так я стала первой в мире сухопутной Сардинкой, чем привела в восторг всех остальных «морских жителей».

— Оля, открой самый «секретный секрет»: как вы, вожатые, за 26 дней лагерной смены помогаете тихоне стать заводилой, молчуну — говоруном, печальному — весельчаком, неряхе — аккуратистом?..

ОЛЯ. Если про все это рассказывать, никакой «Переменки» не хватит! Расскажу только один случай — про нерях и аккуратистов. Когда наш лагерь праздновал пятнадцатилетие, всех ребят угощали мороженым. Раздают это мороженое в бумажной обертке, а я думаю: «Сейчас весь наш стадион будет замусорен...» На счастье, я была в этот день Старухой Шапокляк. И я крикнула противным голосом в микрофон: «Деточки, обязательно побросайте бумажки прямо на землю, чтобы здесь стало грязно и липко!..» Ни один человек после этого «призыва» не бросил обертку...

— Что бы ты пожелала тем ребятам, которые в эти дни собираются в лагерь?

ОЛЯ. Относиться к этой поездке как к большому летнему походу за новыми друзьями, за интересными делами. И еще: вместо обычного «здравствуйте!» говорите в лагере «добрый день!». А уж мы, вожатые, постараемся, чтобы каждый ваш день в лагере действительно был добрым и не похожим на другой...

Завтра и всегда!

Музыка Ю. ЧИЧКОВА. **Стихи М. ПЛЯЦКОВСКОГО.**

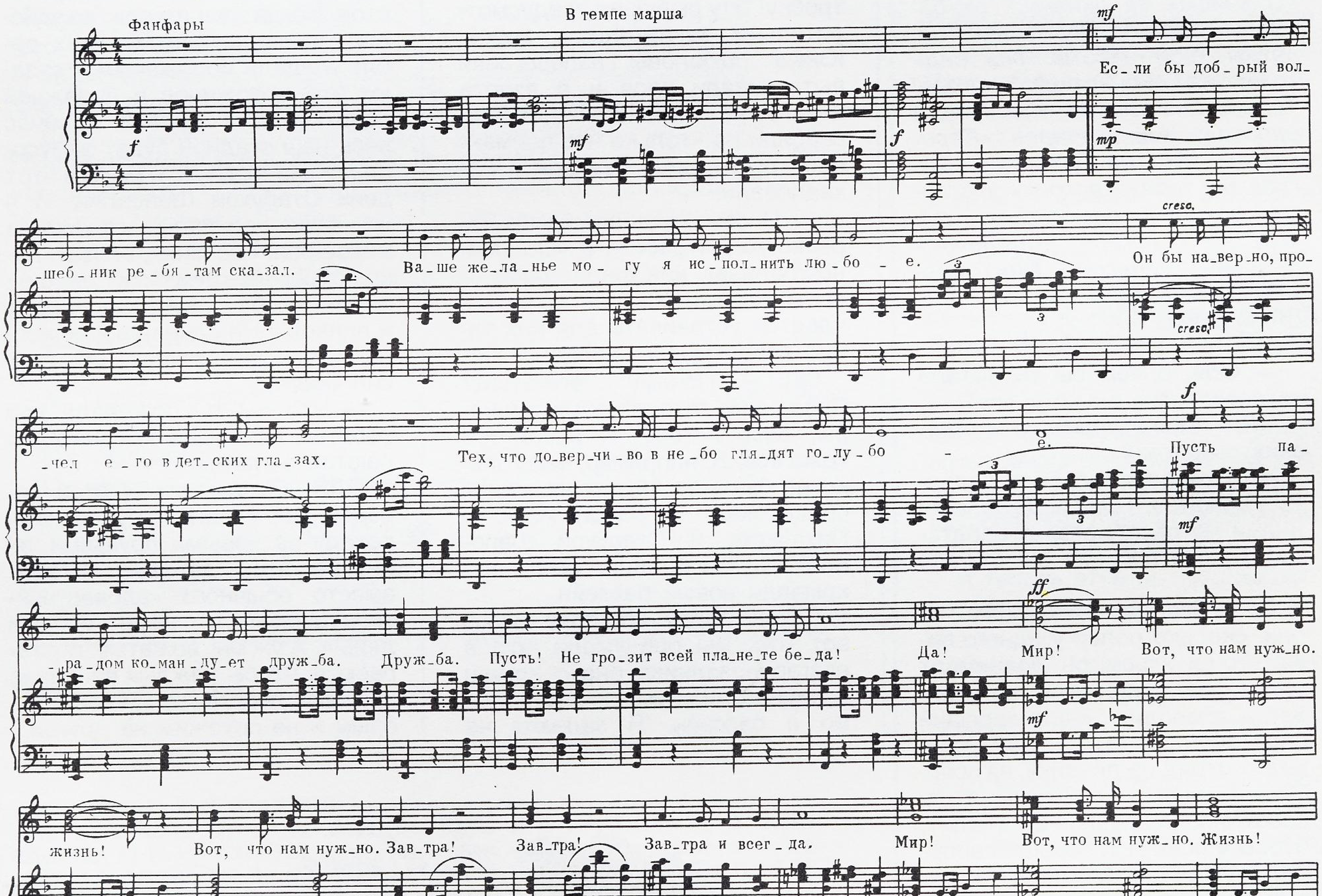
Если бы добрый волшебник ребятам сказал:
«Ваше желанье могу я исполнить любое»,—
Он бы, наверно, прочел его в детских глазах,
В тех, что доверчиво в небо глядят голубое.

Припев:
Пусть парадом командует дружба,
Пусть не грозит всей планете беда!
Мир — вот что нам нужно,
Жизнь — вот что нам нужно
Завтра, завтра, завтра и всегда!

Если бы взрослые люди спросили у нас:
«Что подарить вам? Какого вы ждете подарка?» —
Мы бы сказали: «Хотим, чтоб рассвет не погас!
Пусть лучше в каплях росы отражается ярко!»

Припев.

Если б однажды все дети Земли собрались,
Если б такое случиться могло в самом деле,
То в нашей песне, летящей в бескрайнюю высь,
Мы об одном бы, хотя и по-разному, пели.

Припев.

ISSN 0130—8009
Цена 30 коп. Индекс 70694.